

ОЛЕГ ПОПОВ

Александр
Калмыков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

«Солнечным клоуном» Олега Попова называли во всем мире. Его популярность во второй половине прошлого столетия была огромной — и в нашей стране, и за рубежом. Один известный голландский художник сказал как-то: «На Западе знают только три русских имени: Гагарин, Калашников и Попов», — и это очень похоже на правду.

Эта книга во многом основана на воспоминаниях самого артиста, а потому имеет подзаголовок: «Невыдуманные истории». Ее автор, известный режиссер, сценарист и продюсер, был близким другом Олега Попова. О жизни великого клоуна и его непростом пути к вершинам мировой славы он рассказывает с добрым юмором и, что называется, «из первых уст».

-
- [Александр Калмыков](#)
 -
 -
 -
 - [Шарик](#)
 - [100 граммов хлеба](#)
 - [Пятидесятые](#)
 - [Танец с принцессой](#)
 - [Шестидесятые](#)
 - [В Японии](#)
 - [Саня](#)
 - [Куба и Америка](#)
 - [Золотой век советского цирка](#)
 - [«Лечение смехом»](#)
 - [Гастроли в США](#)
 - [Павловская денежная реформа](#)
 - [Управляющие Союзгосцирком](#)
 - [Колеватов](#)
 - [Следственные процедуры](#)
 - [Зарубежные импресарио](#)
 - [Западный Берлин — 89](#)
 - [«Ребята, надо брать!»](#)
 - [Два клоуна](#)

- [Олегу Попову 60](#)
 - [Лиха беда начало!](#)
 - [Малые голландцы](#)
 - [Шапито плывет по Майну](#)
 - [Густав Кемперт — друг Олега](#)
 - [Премьера в Амстердаме](#)
 - [Кукла «Олег Попов»](#)
 - [Охота на слонов](#)
 - [Скандал в Париже](#)
 - [Габи](#)
 - [Резерв](#)
 - [Русский немец](#)
 - [Последний сон](#)
 - [Основные даты жизни Олега Попова](#)
 - [Краткая библиография](#)
 -
 - [Фильмография](#)
 - [Документалистика](#)
 - [Над книгой работали](#)
-

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2060

(1860)

**Александр Калмыков
Олег Попов
Невыдуманные истории из жизни
«Солнечного клоуна»**

Москва

Молодая гвардия

2022

*Автор и издательство благодарят вдову Олега
Попова, госпожу Габриэль Попову, за предоставленные
фотографии.*

© Калмыков А. Д., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2020

*

Шарик

Воздушный шарик, летящий в облаках, — это и есть знак волшебника, всеобщий символ праздника.

И пусть вокруг грязь и холод, а дома мама мерным ножом аккуратно отрезает дневную пайку хлеба... Но если на улице у кого-то в руке появились разноцветные шарики, они мгновенно меняют настроение, заражают всех окружающих «вирусом» радости.

Давным-давно светловолосый мальчуган получил от клоуна в цирке «шарик счастья». Кажется, именно тогда в сердце мальчишки родился маленький, озорной клоун. Но пока об этом еще не знал никто.

В далеком 1930 году 31 июля в семье бригадира сборщиков Московского часового завода родился мальчик, которого назвали Олегом. Предки этого мальчика — и дед, и прадед — были священниками. Отсюда и фамилия — Попов.

Вся последующая жизнь новорожденного станет сплошной цепью необыкновенных чудес и мистификаций. До сих пор ведутся споры о месте его рождения: Большая советская энциклопедия фиксирует деревню Вырубово Кунцевского района Московской области. Сам Олег Попов всегда называл местом своего рождения подмосковный поселок Обираловка, переименованный в 1939 году в Железнодорожный. А в российском паспорте в графе «место рождения» у Олега Попова записано: город Москва. Ну что сказать, клоун, да и только!

Отцу Олега на заводе доверялась самая ответственная работа — сборка подарочных часов: ведь он был одним из лучших мастеров. Механизм был взят от швейцарских часов, при этом разработан собственный дизайн, добавлены коричневый кожаный ремешок, сверху еще два ремешка, один меньше другого. И в центре золотые стрелки и надпись на циферблате: «1-й часовой завод». Часы, собранные отцом, иногда даже отправляли на выставку.

Мама работала ретушером в фотографии. Тогда существовала такая профессия, исчезнувшая ныне. И хотя отец зарабатывал довольно прилично для того времени, мама, чтобы не сидеть постоянно дома, устроилась на работу.

Ретушер — это художник, который подкрашивает черно-белые фотографии, превращая их в цветные. Подкрашивает щеки, бровки,

волосы. Такие фотографии пользовались большим успехом.

Правда, зарплата у ретушера была совсем маленькой. Но и времени работа отнимала немного.

Олег рос крепким мальчишкой. Невысокого роста, но хорошо сложенный, сбитый, спортивный. Вместе с ребятами без усталости лазил по крышам, по деревьям, воровал соседские яблоки, чуть ли не ежедневно рвал о гвозди штаны. Несмотря на малый рост, мог постоять за себя. Был он блондином: белые брови и льняные волосы. За это мальчишки прозвали его «Седой».

Железнодорожный 30-х годов был еще не городом, а поселком и скорее напоминал деревню (да и название свое он получил только в 1939 году). Олег ни в чем не отставал от местных хулиганов и в драках был довольно жестким. Уважение среди пацанов имел великое, потому что первым стал носить ножичек. И если после школы к нему подходили «приблатненные» старшеклассники с требованием отдать денежки, выданные мамой на еду, никогда не отдавал. Заступался и за себя, и за своих товарищей.

А вот внешность у него была ангельская. Мама стригла его «под горшок». И это был блондин с огромными голубыми глазами — прямо отрок с иконы.

Однажды, в конце 30-х годов, отец решил отвести его в цирк. В то время цирк в Москве был только один, он находился на Цветном бульваре. Это был бывший цирк Саламонского с лошадами на фасаде, которые удерживают бубен циркового манежа.

Олегу очень понравилось представление, но особенно его поразил огромный размазанный клоун с красными губами и ярким париком. Клоун раздавал детям шарики, которые тогда были большим дефицитом. И Олегу достался такой шарик. С этим шариком, счастливый, он шел по улице, разгребая ногами осенние листья.

На них оборачивались, видели двух счастливых людей, отца и сына. Отец тоже был счастлив, потому что ему удалось сделать своего любимца радостным и счастливым. Они вместе, смеясь и балуясь, набирали листья в охапку и посыпали этим «цветным дождем» друг друга. В ту осень опавшей листвы было очень много, в парках и бульварах — почти по щиколотку.

Потихоньку, на перекладных, они добрались до родного поселка. Не без помощи отца Олег развязал нитку у шарика и сдул его, чтобы сохранить на память. А чтобы шарик не пропал, положил его между страниц любимой книги. Бережливость с детства была свойственна Олегу. Он никогда не

разбрасывался вещами, постоянно собирал какие-то коллекции, старинные предметы. Случай этот настолько запал в его память, что годы спустя он, появляясь в своей первой, «выходной» репризе, всегда сам раздавал детям шарики.

Через некоторое время счастье, в котором пребывал малыш, сразу в одночасье потускнело. Как выяснилось позже, на часовой завод пришел очень важный правительственный заказ. Мало кто знает, что вождь всех народов Иосиф Виссарионович Сталин собирал часы. Ему периодически привозили их из-за границы, и у него в коллекции было несколько часов «Омега» и «Буре», других известных швейцарских и английских марок.

Московскому часовому заводу заказали к какому-то празднику партию часов. Они предназначались членам политбюро, а также должны были служить подарками для особо отличившихся рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. Вручать эти дорогие подарки должны были на банкете в Кремле.

Созданием партии особо точных часов ручной сборки занималась бригада во главе с Константином Поповым. Часы были очень хорошие. Однако случилось так, что одни из подарочных часов остановились. И этого оказалось достаточно для того, чтобы НКВД устроил расследование. Всех, кто был в бригаде, во главе с Поповым, арестовали.

Дальнейшая их судьба неизвестна. Говорили разное: одни — что отец без вести пропал, другие — что видели его на лесоповале в Сибири. Но большинство утверждало, что он был расстрелян.

Над домом сразу опустились тучи. Жить на одну зарплату ретушера было невозможно. Поповы занимали две комнаты в трехкомнатной коммуналке, в отдельной комнате жила старушка. Старушка умерла. После ареста отца их потеснили, заставили перейти в одну комнату, а в две другие заселился доцент института. Он преподавал биологию и химию и частенько дома проводил химические опыты. Соседи, мама и сам Олег, называли его просто: инженер-химик.

Мама очень переживала за то, что у Олега могут быть неприятности в школе из-за ареста отца. Она хотела перевести его в другую школу. А вскоре началась Великая Отечественная война.

Одиннадцатилетний мальчик ощутил начало войны по голоду. Голод так и остался главным воспоминанием его детства.

В конце 41-го года Олег заболел тифом. Врач долго осматривал его, потом сказал: «Мальчик крепкий, но ему нужно нормальное питание. Желательно фрукты».

Усиленное питание. А откуда его взять? Мать пошла на «барахолку»,

где продавалось всё, от женских туфель на шпильке до хлеба и сала. Там она купила чашку клубники. Как уж она сохранилась к концу осени — неизвестно.

А еще мама кормила больного Олега манной кашей. Сначала он съедал свою тарелку, а потом она отдавала ему собственную порцию. Он ел, а она плакала. Плакала из жалости к нему, из жалости к себе, плакала оттого, что наступили такие страшные времена. Олег на всю жизнь запомнил эту кашу со слезами. Однако забота матери и крепкое здоровье сделали свое дело — мальчик выздоровел.

Некоторые оборотистые люди даже во время войны жили неплохо. Сосед Поповых по квартире, инженер-химик, приноровился к новому времени и стал прямо в квартире, в ванной, варить мыло. В войну мыло было огромным дефицитом. А химик варил по несколько десятков кусочков зараз.

У всех в памяти было мыло хозяйственное — огромный неряшливый кусок коричневого цвета. Мыло, которое варил сосед, было необыкновенным — прозрачным и цветным. Зеленым, оранжевым, розовым, всех цветов радуги. Олег говорил, что оно было настолько красиво, что его хотелось откусить.

Время было тяжелое не только потому, что был голод и шла война. Страна жила в доносах. Соседи доносили друг на друга. На службе, на работе друг на друга доносили коллеги.

И вот инженер-химик, чтобы соседи не донесли на него, предложил матери Олега: «А не хотите ли вы вашего мальчика попробовать в продаже? Я смотрю, он парень шустрый, сообразительный, может за себя постоять. Дам я ему несколько кусочков мыла, пусть отнесет их на „барахолку“. Если сумеет продать, то три четверти выручки отдадите мне, а четверть заберете себе». Мама и Олег с радостью согласились.

День этот стал очень важным для Олега — он выходил во взрослую жизнь, становился взрослым. Мама упаковала восемь кусочков мыла, положила их в мешочек и благословила Олега.

Олег говорил, что мыло, которое он разложил на рынке, разлетелось за одну минуту. Люди выхватывали его прямо из рук, платили, не торгуясь. И уже через несколько минут у него в кармане собралась приличная сумма денег.

«Барахолка» сильно поразила полуголодного мальчишку, можно сказать, что она произвела на него неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь.

Он медленно шел по рядам и изумлялся: на открытых прилавках

лежали большие куски масла, батоны любительской колбасы с маленькими белыми кружочками сала шпик, черная икра в прозрачных банках, водка, огромные осетры, другая рыба, мясо.

Там продавались даже торт с кремом и пирожные. Олег не мог оторвать глаз от всего этого. С той самой поры «барахолка» для него стала символом достатка, сытости, счастья. Ведь именно там и «живет» все самое вкусное и красивое на свете. Надо усиленно трудиться, чтобы позволить себе купить это самое «счастье».

За несколько лет до выпуска из циркового училища, в 1946 году, друзья спросили Олега: «Какая у тебя мечта?» И он ответил:

— Больше всего на свете я хотел бы получить бутерброд: белый хлеб и масло. А сверху кусочек любительской колбасы со шпиком. И чай с сахаром.

Чай с сахаром и бутерброд с колбасой оставались символом мечты для этого юноши почти до двадцати лет!

Часто впоследствии, уже в зрелом возрасте, в пятьдесят и даже в шестьдесят лет, он просыпался в холодном поту. «Страшный сон, — рассказывал он потом друзьям. — Мне приснилось, что снова наступил голод». Он голодал долго, все детство и юность. А в этот день на «барахолке» выручил большие деньги, но ни копейки не истратил и отправился домой, чтобы отдать их маме. Вдруг откуда ни возьмись появилась шпана. Один взрослый хулиган, уже прокуренный и с татуировками, и еще три шпаненка с грязными и злобными лицами. Они со стороны наблюдали, как успешно шла его торговля. Олегу, напомню, в тот момент было всего 11 лет.

Подошли близко и, сделав страшные глаза, сказали:

— Слышь, Седой, деньги отдавай.

Олег не растерялся. Встал в бойцовскую стойку, залез в карман:

— Я сейчас достану нож. И каждого, кто приблизится, «попишу».

Он ни за что не отдал бы деньги, которые могли спасти от голода его и мать!

И шпана отступила. Они увидели маленького волчонка, который зарежет и перекалечит всех, кто приблизится, или устроит крик на всю «барахолку». Нет, такой денег не отдаст!

С той поры Олег частенько выходил на рынок по просьбе соседа. И приносил маме что-нибудь съестное, какие-нибудь подарки.

...В последний день своей жизни, в городе Ростове, когда ему уже было 86, Олег отправился на рынок. День был выходной, цирк не работал.

Ростовский рынок — это, конечно, не «Привоз», но тоже очень сытное

место, богатое всякой снедью. Ростовчане — люди доброжелательные. Олег Константинович удивлялся: «Я не работал в Ростове сорок лет. Тем, кто меня видел в детстве, сегодня уже за пятьдесят. Но они меня знают и помнят».

Его действительно узнавали на улицах. Дарили цветы. То же произошло и на рынке. Люди узнали его и перестали торговать. Окружили толпой. Кто-то принес ему рыбу, кто-то вареных раков, кто-то стаканчик домашнего вина. Олег был на вершине счастья, он радовался вниманию, простой еде, простому доброму отношению. А это ведь и есть настоящее признание. Люди с открытым сердцем, с открытой душой угощали великого артиста тем, что имели.

Абсолютно счастливым он пришел домой, вкусно поужинал, сел в кресло перед телевизором, закрыл глаза и... умер. Просто уснул и умер. Так уходят только люди, поцелованные Богом.

100 граммов хлеба

Вы никогда не замечали, как сходятся первый раз во дворе незнакомые мальчишки? Уже после нескольких первых вопросов сразу становятся друзьями-товарищами: вместе играют, спорят, кричат.

— Привет! Откуда сам? Из Ясенева! Какие у тебя кроссовки классные! Играть будешь?

И это всё!

Сегодня они спрашивают про кроссовки. А много лет назад диалог был несколько другим:

— Здо́рово! Работаете́шь — учи́шься? Учи́шься? Где? В цирковом? Здо́рово! А сколько вам там хлеба по карточке отоваривают? О-о! Талон усиленного питания, как физкультурникам!!!

Тогда, в сорок пятом, никто бы не удивился, что лишних сто граммов хлеба могут кардинально повернуть жизнь человека. Не удивились бы и бывшие блокадники тому, что, например, прирожденный слесарь ради еды оставляет любимую профессию и вдруг становится... эквилибристом. Это странно звучит сегодня. А для тех, кто ставил знак равенства между словом «голод» и «смерть», — этот выбор абсолютно ясен.

Во время войны несовершеннолетние мальчишки работали, чтобы помочь Родине, помочь семье. Когда Олегу исполнилось 14 лет, мать вынуждена была разрешить ему пойти работать. Комбинат «Правда» был элитным предприятием, там был повышенный паек, и поступить туда на работу было непросто. Помогли друзья отца. Они рассказали, что в Образцовой типографии, в которой издавался главный печатный орган страны, газета «Правда», старый наборщик, а теперь лучший слесарь, но очень вредный старик, набирает учеников.

Олег явился на полиграфический комбинат рано утром и оказался одним из четырех кандидатов. Старик, несмотря ни на какие протекции, решил устроить всем экзамен. Пацанов завели в комнату, где стояли четыре сверлильных станка. Олег был маловат ростом из-за постоянного недоедания. Ему подставили ящик от стола, чтобы он доставал до станка. Остальные ребята были старше и выше его.

Старый слесарь дал им детали и попросил просверлить в нескольких местах. На работу отвел час. Олег встал на ящик и, сосредоточившись, просверлил все, как надо.

Кое-кто закончил работу раньше, чем он. Пацаны баловались, шутили. Кто-то достал карты, все сели играть. А Олег нашел щетку, подмел стружки, собрал их и выбросил в ведро, приведя рабочее место в порядок. Сел и стал терпеливо ждать. Он очень хотел получить эту работу.

Оказалось, старый слесарь все это время следил за ребятами. Потому что ученик ему нужен был только один. И он выбрал Олега. Остальных тут же выпроводил. Так Олег начал работать на комбинате «Правда». Он всей душой полюбил эту работу. Особенно нравилось ему слесарить. В свои 14 лет он освоил все станки. Какие-то вещи из металла делал просто филигранно. Старшие коллеги и учителя не могли нарадоваться на него.

На комбинате был положен паек хлеба, определенный всем рабочим. Этот паек Олег приносил домой, делил с мамой. Так он стал полноценным кормильцем семьи.

Недоедали тогда все. И всё же в обеденный перерыв, полуголодные, они выбегали на 5-ю улицу Ямского Поля и играли в футбол прямо на проезжей части, благо машин было мало. Иногда доставали мяч, а иногда просто тряпку, свернутую в клубок. Играли самозабвенно. Случалось, что разбивали окно или опрокидывали урну. Но игра в футбол была для них уходом от серой действительности и маленьким счастьем.

Вскоре к ним стали подтягиваться рослые, крепкие ребята. Оказалось, что это студенты циркового училища. Оно находилось недалеко, через три дома. Играли студенты здорово и ловко — настоящие спортсмены. Но Олег не уступал никому в ловкости и умении пройти с мячом до ворот.

Обычный вопрос, который задавали мальчишки друг другу в далеком 44-м году: «Сколько хлеба дают?» Тогда ведь была карточная система.

Выяснилось, что, учитывая потребности молодого организма и необходимость делать сложные физические трюки, сальто-мортале, гимнастику, акробатику, — студентам циркового училища давали хлеба на 100 граммов больше, чем слесарям типографии «Правда». Это, собственно, и решило судьбу Олега Попова. Он сам неоднократно повторял, что главной причиной его прихода в цирковое училище были те самые дополнительные 100 граммов хлеба.

Кому-то покажется это банальной прозой. А я думаю, что откровенность, с которой Олег это рассказывал, достойна уважения.

С конца 1944-го (набор проводился поздно) он уже студент Государственного училища циркового искусства. Учился он очень успешно. Правда, ни о каком отделении клоунады речь не шла. Сразу заметили, что мальчик ловкий. И уже в первый год он выполнил норму перворазрядника и прыгал так называемую «окрошку»: перевороты с рук на ноги и

наоборот: рундат, фляк, заднее сальто (почти что норма мастера спорта).

Прыгал он с ловкостью обезьянки. Когда у Олега Попова был 60-летний юбилей, то он, решив порадовать публику, разбежался и исполнил эту комбинацию: рундат, фляк, задний. То есть приземление на руки, на ноги, опять на руки, на ноги через спину и сальто. В шестьдесят лет, я думаю, это было сделать гораздо труднее, чем в пятнадцать.

Особенно удивляло педагогов его чувство баланса. Баланс — вещь врожденная. Он мог балансировать на лбу или на носу спичкой, листом бумаги, палочкой, денежной купюрой, куклой. А стакан с водой мог носить на голове по училищу бесконечно. И его педагог, выдающийся режиссер Сергей Дмитриевич Морозов, решил, что Олег будет работать в жанре «эквилибра».

Жанр «эквилибра» в цирке — это весьма широкое поле деятельности. Один из основных поджанров — хождение по канату. Среди канатоходцев, или «эквилибристов на канате», есть еще два подвида: «канатоходцы на туго натянутой проволоке» и «канатоходцы на свободной проволоке».

Вот по этой-то «свободной проволоке» ходить гораздо труднее. Олега убедили, что это и есть его цирковое будущее, поскольку таких номеров тогда, да и сегодня, очень немного.

«Свободная проволока» — очень коварный аппарат. Один неправильный подход — и артист падает вертикально вниз головой. При таком падении может сломаться позвоночник, и тогда артист или покойник, или инвалид.

В одном отношении «свободная проволока» помогла Олегу. Он как-то рассказывал, что в 50–60-е годы почти все клоуны, работавшие у ковра, были пьяницы. Почему? Потому что была такая странная традиция: после представления какой-нибудь «богатый» или крепко выпивший поклонник приходил с бутылкой, чтобы обязательно выпить с клоуном. И отказаться нельзя. Потому что здесь была какая-то пролетарская солидарность. Если ты клоун, а я, например, лучший сварщик, как это ты со мной не выпьешь?

Вообще к пьянству в те времена в цирке относились... положительно. Выходной день, как правило, был в понедельник. И вечером воскресенья все мысли артистов крутились вокруг застолья, вокруг возможности выпить, поговорить по душам. И когда заканчивалось вечернее воскресное представление, цирковые говорили друг другу: «Ну, с выходным!» Это значит, что можно сесть, как следует выпить, а потом уже в понедельник тихонечко отходить. Кто опохмелялся, кто нет. Весело и бурно проводили выходной день, чтобы во вторник утром, забыв обо всем, снова репетировать, выгоняя из себя всю гадость, а вечером быть готовым к

исполнению сложных трюков и комбинаций.

Так вот Олег говорил, что «свободная проволока» спасла его от этого пьянства. Потому что если ты выпьешь перед представлением, то возникает огромный риск, что проволока выбросит твои ноги наверх и ты упадешь на голову.

Однажды, когда была огромная компания, какие-то начальники, большие люди, гости, он послушался своего «внутреннего голоса» и немного выпил перед работой. Кончилось это очень плохо. Его увезла «скорая помощь». А на затылке до конца жизни остался глубокий шрам после трепанации черепа.

Но тогда, в 40-е, о пьянстве и речи быть не могло. Не хватало хлеба. Все студенты хотели создать свой уникальный номер, который сможет их кормить всю жизнь. И вот такой уникальный номер Сергей Дмитриевич Морозов придумал для Олега.

В стране было множество государственных праздников. Отмечали их в зависимости от времени года. Если была зима, то праздники отмечались в Большом театре. Там устраивали так называемые правительственные концерты. Традиционно в них участвовали хор Пятницкого, украинский танцевальный коллектив «Вережки», какой-нибудь оперный певец или певица, балетная пара, известный драматический актер с чтением стихов Маяковского. Фактически были представлены все виды советского искусства.

А если праздник планировался летом или осенью, то режиссеры-постановщики предпочитали делать свои шоу на стадионе или прямо на Красной площади. В 1949 году вся страна готовилась к 70-летию Сталина, работала под лозунгом «70 лет великому вождю!». Но ведь и 7 ноября тоже надо было отметить! Как-никак 32-я годовщина Великой Октябрьской революции!

И вот режиссер-постановщик такого праздника на Красной площади собрал всех участников на стадионе в Лефортове и целый месяц репетировал это торжественное мероприятие. Там участвовали акробаты, представители художественной и спортивной гимнастики. Соревнования по спортивной гимнастике в нашей стране шли уже регулярно с середины 30-х годов, а вот художественная гимнастика сформировалась в СССР только в 40-е годы.

Сотни спортсменов синхронными группами повторяли эффектные упражнения, строились в пирамиды, ездили на мотоциклах или огромных машинах с флагами.

Ну и, конечно, на этот праздник по полной программе был привлечен

профессиональный цирк, в том числе студенты циркового училища. Чтобы студентам, спортсменам и артистам не ездить через всю Москву, для них было снято общежитие недалеко от стадиона в Лефортове.

Целыми днями шли репетиции. Повторы, крики, перестроения. Режиссер был постоянно недоволен. А вечером молодежь была предоставлена сама себе. А какие интересы у молодежи во все времена? Вино и девушки. И молодые люди гуляли по парку, танцевали, выпивали, целовались.

Но Олег Попов не ходил ни на какие молодежные вечеринки. После ужина он брал с собой канат, шел в глубину Лефортовского парка, привязывал канат к двум крепким деревьям, создавая «свободную проволоку». И под светом звезд и луны долго и методично репетировал свои сложные трюки, оттачивая движения.

Олег стремился к совершенству. Он хотел стать лучшим в своем жанре. Он молился об успехе. Его предки были священниками, мама была верующей, и Олег до конца жизни оставался верующим человеком. Мама научила его молитвам, и он молился перед каждой репетицией. А впоследствии перед каждым представлением.

И вот такая картина. Поздняя осень, конец октября. Облетающие листья деревьев. Между деревьями в темноте привязан канат. На нем стоит юноша, почти мальчик. Он балансирует на одной ноге, крутит на палочке фуражку. И во весь голос молится Богу, просит: «Господи, пошли мне успех, большой успех. Я скоро стану артистом. Мне, как воздух, нужен успех. Прошу тебя, Господи».

И Господь слышал эти ночные молитвы.

Ни один из действующих артистов российского и советского цирка, да что там говорить, даже зарубежного цирка, никогда не добивался такого успеха, какого добился Олег Попов. Впоследствии его сравнивали только с Чарли Чаплином, который считается одним из основателей современной клоунады. Когда Олега Попова спрашивали, кто является вашим учителем в клоунаде, он, не задумываясь, отвечал: «Чарли Чаплин».

Во времена его детства мальчишки часто бегали в кинотеатры. Тогда частенько вместо киножурнала показывали короткометражки Чаплина. Олег знал их все наизусть. Оттуда появились многие его смешные трюки, или «гэги».

Через многие годы успех Олега был увенчан Книгой рекордов Гиннеса. Его «рекорд» был очень своеобразен. «За долговечность нахождения на вершине шоу-бизнеса» — так гласила надпись в книге. Майкл Джексон находился на вершине шоу-бизнеса 25 лет. Уитни Хьюстон

— 20 лет. Многие эстрадные суперзвезды — 15–20 лет. А Олег Константинович Попов находился на этой самой вершине 66 лет. Вот так его молитва в ночном Лефортовском парке была услышана Всевышним.

В цирковом училище того времени было принято, что студенты первого и второго курсов, которые обучались на физкультурно-акробатическом отделении, занимались все вместе. Их всех учили прыгать сальто, стоять на руках, балансировать на катушках и т. д. Начиная с третьего курса шла специализация: кто-то шел в воздушный полет, кто-то в акробаты подкидных досок. Олега, как уже было сказано, забрали на «свободную проволоку».

Когда студенты переходили на третий курс, у них фактически были уже готовые номера. Да, не было тех костюмов, которые им шили только к выпуску из училища, не было музыки, звучавшей из оркестра. Но чисто технически, по уровню исполнения трюков, они все были готовы к показу на зрителях.

И, конечно, не только Олег, но большинство тогдашних студентов, голодных молодых людей, фанатично были преданы своему делу. Они верили, что выбрали ту самую работу, которая нужна зрителям и которая принесет им успех. Поэтому педагоги циркового училища и легендарный директор Александр Маркианович Волошин всегда разрешали студентам подработки, или так называемые «халтуры», то есть концерты на публике.

И начиная с третьего курса студенты «шли вразнос»: кто-то договаривался в средней школе, кто-то в детском саду, кто-то в ближнем Подмосковье, или на закрытом предприятии, или в воинской части. Эти контакты они передавали друг другу. Ездили без конца, практически ежедневно. К окончанию четвертого курса студенты циркового училища были «обстреляны» зрительскими аплодисментами, как солдаты. К окончанию учебного процесса они уже отрабатывали на стороне не менее двухсот — трехсот концертов и выходили из стен училища настоящими профессионалами.

Олег не был исключением. Но возить с собой в поездах, метро и автобусах аппарат «свободной проволоки» было неудобно. Это очень тяжелый реквизит, и устанавливать его на случайных сценах трудно. Тогда один из педагогов училища, Рудольф Александрович Грилье, выделявший Олега среди других, так как преподавал основы актерского мастерства и клоунады, предложил им вместе разыгрывать на концертах старинные клоунады, сценки и «антре».

В книге Дмитрия Альперова «На арене старого цирка» перечислено очень много старинных реприз и клоунад. Только из них можно было

сыграть огромное количество сценок. А еще Рудольф Грилье и Олег Попов инсценировали популярные анекдоты, фельетоны из газет, ходячие притчи.

Олег настолько пристрастился к этой практике, что они играли клоунады практически каждый день. Педагог и второй партнер Олега, Борис Шульгин, тоже студент, встречались, как правило, уже в вагоне электрички. За билеты они никогда не платили. Увлекательным спортом было для них ежедневное бегство от контролеров. Словно зайцы, они перебегали из вагона в вагон. Им это всегда удавалось.

Ездили они, как правило, в Орехово-Зуево или Серпухов, Подольск. И все новые репризы репетировали прямо в тамбуре электрички. Это было весело, азартно и... выгодно.

Только что в холодном тамбуре они «развели» и едва выучили репризу. Приехали, через час надо ее уже исполнять на публике. Конечно, клоунские интермедии, репризы и анекдоты пользовались самым большим успехом. Публике нравились и акробаты, и жонглеры, и фокусники, но клоунские сценки нравились гораздо больше.

Мама сшила Олегу какой-то дурацкий пиджак, перешила из своего платья рубашку, сделала ему какую-то «дикую» прическу.

Видно было, что педагог Рудольф Грилье страстно увлечен идеей договорных концертов не только потому, что это приносило приличные деньги (львиную долю которых он забирал себе). Ему нравился сам процесс. За два года таких поездок Олег сыграл не менее двухсот реприз. Какие-то репризы они придумывали сами. У Олега образовалась колоссальная клоунская практика, которая была не только теоретической, выученной на лекции в студии, но и практической, отработанной и апробированной на публике.

Если в каком-то фрагменте клоунады публика не засмеялась, они фиксировали на этом свое внимание, что-то меняли, выстраивали и перестраивали программу. Благодаря этим поездкам по бесконечным «халтурам» Олег, сам того не понимая, вышел из училища не только обладателем номера «эквилибр на свободной проволоке», но и профессионально обученным, «обстрелянным» на зрителях клоуном. Всю жизнь в дальнейшем он легко сочинял для себя репризы, придумывал клоунские ходы и «гэги».

Надо сказать, что большинство современных клоунов имеют в своем репертуаре очень небольшое количество реприз — максимум пять-шесть. Они боятся делать новые: а вдруг публика их не примет? Олег Попов, уже будучи звездой, никогда не боялся сочинять новые репризы. В его репертуарном листе только официальных, зарегистрированных реприз

было больше двухсот.

Олег вспоминал, что Борис Шульгин — его напарник, который ездил с ним вместе в электричках на «халтуры», также был очень подвижный и живой парень. Однажды он отозвал Олега в сторону и достал из сумки большую головку лука. Время было послевоенное, голод в стране продолжался. А отец Бориса работал директором овощной базы. Борис был очень привязан к Олегу и каждый день привозил ему и себе по головке лука и говорил: «Ешь, Олег. У нас совсем нет витаминов. Ешь лук, чтобы зубы не выпадали». И этот лук сохранил им здоровье. Лук так навсегда и остался любимым овощем для «Солнечного клоуна» Олега Попова. Он мог съесть головку лука без соли, аппетитно, фыркая и испытывая наслаждение.

Пятидесятые

Пятидесятые годы делятся как бы на две части. В первой — удушливое доживание мрачного диктатора. Это ведь именно тогда, в погоне за «ведьмами», состряпали «дело врачей», вели борьбу с кибернетикой, «травопольной системой». Всё «старое политбюро» сидело «на чемоданах» и готовилось к изгнанию, застенкам и расстрелам. Страна дрожала в смертельном холоде.

А потом как будто открыли окна в темной и душной комнате. Двадцатый съезд стал «бомбой», брошенной в сознание миллионов людей. Оказывается, Сталин был тираном и диктатором, загубившим миллионы невинных жизней. Пришло долгожданное падение «железного занавеса». В затравленных сердцах людей родилась надежда на новую жизнь. Телевидение и цирк, фигурное катание и хоккей стали частью массовой культуры, без которой трудно представить жизнь советских людей того времени.

Быстро прошли годы обучения в цирковом училище. Они состояли из бесконечных фанатичных репетиций по подготовке основного номера и элементарной борьбы с голодом. После многочасовых репетиций начинались поиски заработков, «халтур», концертов, за которые часто платили просто едой.

В 1950 году Олегу исполнилось двадцать лет, и в том же году ему предстоял выпуск из циркового училища. Конечно, ему повезло. Режиссером его номера стал Сергей Дмитриевич Морозов. В те времена один из самых продвинутых и прогрессивных режиссеров, который почувствовал время и увидел будущее цирка в его мощной эстетической реновации, уходе от опостылевшего пролеткульта, от «синей блузы», «бытовухи» и прочей политизированной чуши.

Морозов создал номер, в котором главным героем был молодой, эксцентричный блондин. На нем был элегантный костюм — шляпа, тросточка; в этом костюме он фривольно прогуливался по свободной проволоке, как по улице, знакомился со зрителями, с униформистами. В его облике не было ничего советского — он выглядел как «денди», как какой-то заграничный модник.

После прогулки наш герой начинает готовить себе обед. Он ловко манипулирует кастрюлями и сковородками, жонглирует тарелками, ножами

и вилками, крутит посуду на палочках. Он предлагает униформе и зрителям полакомиться вместе с ним. А потом располагается на проволоке, как на мягкой кровати, и беззаботно засыпает.

Номер был чрезвычайно стильным для того времени. Можно было подумать, что в цирк забрел приезжий иностранец, забрался на проволоку и фривольно дурачится там.

А время-то было суровое. И в 50-м году были еще свежи в памяти разгромное постановление ЦК «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» и регулярные статьи в «Правде» о борьбе с космополитизмом и апологетами зарубежной культуры.

В те годы фактически уничтожали Анну Ахматову, не публиковали ни строчки. Михаил Зощенко, выдающийся русский, советский писатель, рассказывал, что когда он шел по Невскому, бывшие друзья, чтобы не здороваться, переходили на другую сторону улицы. Позднее досталось и великому Шостаковичу за его оперу «Катерина Измайлова». Большие неприятности коснулись и очень благообразного, очень правильного композитора Вано Мурадели. Их произведения запрещали публиковать, исполнять — их травили, не платили им никаких гонораров, делая жизнь этих высокоталантливых людей фактически невозможной.

Как ни парадоксально, но жестокая борьба с космополитизмом пришла и в аполитичный цирк. Ее первой жертвой стал выдающийся цирковой режиссер Борис Шахет.

Это с его легкой руки в цирковом костюме навеки поселились так называемые «блестки». Маленькие блесточки, которые, словно зеркальные пуговицы, сотнями пришивались к костюму для того, чтобы под светом прожекторов отражать свет и в прямом смысле слова блистать. Цирковые артистки пришивали их тысячами на свои костюмы. Иногда в манеже они выглядели как золотые рыбки.

Так вот эти блестки и яркий грим, яркие парики у клоунов стали предметом постоянной травли со стороны партийной номенклатуры и добровольных критиков. А поскольку Борис Шахет был главным режиссером Московского цирка, то ему доставалось больше, чем кому бы то ни было.

Бедного новатора постоянно критиковали, травили, устраивали скандальные собрания. В ту пору еще сохранялась старинная клоунская традиция называть клоунов забавными, часто «вкусными» кличками: «Футид и Шоколад», «Бублик», «Гудзик и Горошек».

Но с начала 50-х годов, под воздействием постановления ЦК КПСС от 14 августа 1946 года и жестких передовиц газеты «Правда» о борьбе с

космополитизмом и «тлетворным» влиянием Запада, все клоуны Советского Союза позабыли про свои клички и стали писать на афишах собственные фамилии. Вот вам примеры: Юрий Никулин и Михаил Шуйдин и, конечно, Олег Попов. Хотя на Западе клоуны до сих пор носят псевдонимы и клоунские клички.

История с Шахетом закончилась трагично. Однажды, после выпуска на манеж очень красивого парада, где были гимнастки в коротких юбочках в блестках, клоуны в ярких париках — для всех артистов цирковой программы были пошиты изумительные новаторские костюмы, — устроили собрание. И на нем один известный критик с «правильными взглядами на искусство» в течение часа уничтожал Шахета за его западническое влияние на новое поколение строителей коммунизма, обвинив его чуть ли не в шпионаже в пользу акул империализма. «Как можно? Это же любимое пролетарское искусство! Это самое народное искусство. А вы прививаете нашим детям, нашим зрителям вкусы разрушающегося Запада».

Шахет вышел с этого собрания, вдохнул воздух на пороге Московского цирка и... умер там же, на крыльце. Это страшная история о борьбе эстетической, которая переросла в борьбу физическую. В физическое истребление деятелей искусства.

В это самое время и выпускался из циркового училища Олег Попов со своим очень интересным номером, элегантным «западным» костюмом от режиссера Сергея Дмитриевича Морозова.

Ну и, конечно, он тоже попал под «раздачу». Собрался худсовет циркового училища, специально пригласили начальников из Союзгосцирка. Бедного Морозова тоже начали «травить». «Это безобразие! Это эстетство! Это космополитизм! Что это еще за денди? Где наш пролетарский молодой парень? Где наши традиции? Где народное влияние? Почему он не в русском костюме?» — неслось отовсюду.

И Олегу Попову на выпуске письменно строго-настрого запретили исполнять этот номер где-либо. Он не выпустился вместе со всеми летом, его оставили в училище. Наскоро «слатали» что-то весьма «плоское» и заурядное типа «Утренняя гимнастика на проволоке».

Для того чтобы о «провале» циркового училища никто не узнал и неудавшийся выпускник не болтался перед глазами, его отправили как можно дальше. Городом «ссылки» избрали Тбилиси. А там директором цирка был легендарный когда-то борец, огромный человек добрейшей души. Все артисты называли его «папа Ладос». Он любил их всех. Подкармливал бедных, помогал многодетным семьям. А Грузия, как

известно, не всегда строго жила по законам советской власти. Там позволяли себе закрыть глаза на особо дурацкие распоряжения из Москвы.

Прибыв в том же 50-м году в Тбилиси, Олег пришел к «папе Ладю» и объяснил: «Так и так. Выпустил номер. Четыре года готовился. А номер запретили». — «Ну, тут ничего не поделаешь, — отвечал „папа Ладю“. — Лишить зарплаты я тебя не могу. Будешь выходить в парад. Пройдешь два круга с поднятой вверх ладошкой, и зарплата твоя. А пока что-нибудь придумай. Может быть, какой-то другой вариант номера».

Олег вынужден был показать «папе Ладю» «дежурный» вариант номера «Утренняя гимнастика», с которым его прислали в Тбилиси, — номер абсолютно никчемный, грубый и даже вульгарный. «Нет, сынок, — сказал „папа Ладю“. — Ты лучше ходи по кругу. Получай свою зарплату. А придумаешь что-нибудь другое, будем смотреть».

Это довольно редкое и щедрое решение, потому что артисты, чтобы получать зарплату, должны были выходить в парад плюс работать свой номер. А здесь молодому парню, только что выпустившемуся из училища, позволяли выйти только в парад. По цирковым правилам, если артист едва только вышел в парад — ему ставится в табеле «рабочий день». И так длилось несколько месяцев. Директор цирка понимал, что молодой артист не виноват в том, что оказался в таком положении.

Однако Олег, будучи фанатиком во всем, чем он занимался, продолжал усердно репетировать. Однажды на его репетиции появился «папа Ладю». Он с удивлением посмотрел на незнакомые трюки, забавные «корючки» (мелкие трюки), на эффектные мизансцены и спросил:

— А это что такое?

— Да это тот самый номер, который запретили мне исполнять в цирковом училище.

— Ты вот что, сынок, ты сегодня одевайся, гримируйся. Давай-ка мы посмотрим на тебя в гриме, костюме и на публике.

Олег очень волновался, но отработал. К собственному удивлению, он имел у тбилисской публики невероятный успех. Грузинская публика и без того очень горячая, восприимчивая, а здесь настоящий европейский номер с роскошным «денди», который гуляет по проволоке, готовит еду, засыпает. Успех невероятный.

После номера Олег разгримировался и побежал к директору цирка. «Папа Ладю» встретил его, встал и с размаху... дал пощечину. Олег схватился за пылающую щеку:

— За что?

— Что ж ты два месяца меня морочил?

— Но ведь этот номер запрещен!

— Это у вас в Москве он запрещен. А здесь, в Тбилиси, будешь работать каждый день!

Так, в самом конце 1950 года началась артистическая карьера Олега Попова. Пока еще не «солнечного клоуна», а «эквилибриста на свободной проволоке». Он получил очень хорошие отзывы из Тбилиси. А потом из Еревана. Его номер был включен в «Молодежный коллектив», состоявший в основном из выпускников ГУЦИ, однокурсников Олега. Этот коллектив после успешных гастролей на Кавказе начали постепенно подвигать ближе к центру. Это заняло почти два года.

В СССР, да и сегодня в России, все артисты цирка были приписаны к Всесоюзному объединению — Союзгосцирк (сегодня Росгосцирк), расположенному в Москве. Командировки цирковых номеров на работу и в старые времена, и сегодня называются «разнарядками». Это были телеграммы директорам цирков о прибытии того или иного артиста или номера. Копию этой телеграммы (собственно «разнарядку») вручали артисту на руки. Если артист «работал» не в Москве, а в другом городе, то посылалось две «разнарядки» — одна артисту, а другая директору цирка в город, куда ему следовало прибыть.

Командировка-«разнарядка» в Саратовский цирк была очень ответственной. Это один из первых цирков в России, построенный в XIX веке еще братьями Никитиными. Там всегда был очень доброжелательный зритель, очень критичный и в то же время искренне любящий цирк.

В те времена клоуны каким-то образом «прирастали» к провинциальным и московским циркам. В Москве 17 сезонов подряд работал Михаил Николаевич Румянцев, знаменитый Карандаш, который завоевал звание лучшего клоуна Советского Союза. Его знала вся страна. И это при том, что телевидения не было, а по радио клоуна не покажешь. А Карандаша знали все. И, как говорил Никулин, даже спрашивали: «А кто у вас сегодня вечером Карандашом работает?»

Таким клоуном в Ленинграде был Борис Вяткин. Он работал из сезона в сезон. И даже когда приезжали другие клоуны, всё равно выходил на манеж вместе с ними. Его очень любил ленинградский зритель.

Были любимцы-клоуны во многих провинциальных цирках. В Саратове любимцем публики был толстяк Боровиков. Это был клоун старой традиции с мощными буффонадами, с дурацкими смешными выходками, с падениями, с криками и обливаниями водой. Клоун-буффон.

Как и большинство старых клоунов, Боровиков серьезно выпивал. А тут перед самой премьерой в Саратове случилось несчастье. Клоун сломал

ногу. И директор цирка схватился за голову: «Боже мой! В программе нет клоуна — это катастрофа. Зрители будут свистеть и возвращать назад билеты!»

Ведь не секрет, что многие зрители ходили тогда в цирк на конкретных артистов. Не то что сегодня, когда ходят прежде всего смотреть животных. Сегодняшняя бабушка приходит и глядит на афишу: «Так, слоны и тигры. О, ежики. Мы еще не видели. Пойдем, внучок, посмотрим ежей».

К сожалению, тенденция сегодняшнего циркового искусства, превращающая цирк в подобие детского зоопарка, ужасна. В те времена поклонники знали артистов цирка поименно. Скажем, фамилия Довейко, лучшего акробата-прыгуна, была известна всей стране. И, конечно, клоун должен был присутствовать в цирковой программе непременно, потому что 50 процентов удовольствия от просмотра цирковой программы давали юмор и смех.

Директор позвонил в Москву. Ему сказали: «Прислать на премьеру никого не успеем. Посмотрите, у вас парень там есть молодой, эксцентрик, работает на проволоке. Он, когда учился в цирковом училище, очень много разных клоунад показывал, ездил на выезды, даже в московских клубах показывался несколько раз. У него есть некоторый опыт. Пусть попробует, выступит одно представление. Надо же выручать своих».

И директор цирка подошел с просьбой к юному Олегу Попову. Олег с удовольствием согласился выручить цирк. Он пригласил нескольких артистов программы, вызвал униформистов. И вместе с ними, как в былое время в электричке, начал репетировать клоунские репризы. Благо знал он этих реприз и клоунад больше сотни. И много раз пробовал на «халтурах» почти все.

Конечно, самой смешной репризой в репертуаре практически всех клоунов была «классическая» реприза «Вода». В ней клоуны пытаются облить водой своего незатейливого партнера, а в результате партнер остается сухим, а они обливаются с ног до головы.

Этой репризой многие клоуны заканчивали свое представление. И Олег тоже поставил ее, отрепетировав как следует. Были и другие классические репризы, которые Олег подготовил буквально за один день. Со страхом ожидал он вечернего представления, в котором впервые должен был работать и как эквилибрист на «свободной проволоке», и как коверный клоун. Ведь он выставил в тот вечер на манеж семь реприз. Огромный репертуар.

Зритель, ждавший Боровикова, сначала пришел в недоумение. Какой-то молодой мальчик, блондин с голубыми глазами, очень обаятельный,

потрясающе отработал на проволоке, а потом начал появляться в этом же костюме с партнерами, с униформистами и разыгрывать классические клоунады. Но разыгрывал он их весьма успешно. И зал сначала тихонько смеялся, а потом, когда пришла очередь репризы «Вода», хохотал до слез.

Утром пришла телеграмма из Москвы: «Высылаем вам коверных таких-то и таких-то. Прибудут через два дня. Попробуйте продержаться».

Директор тут же отправил ответную телеграмму в Москву: «Коверных присылать не надо. В программе клоуном работает Олег Попов».

С этого дня 1953 года начался триумфальный путь великого, всемирно известного клоуна. Путь, который длился более шестидесяти лет.

После Саратова пришла «разнарядка»: «Направляетесь на гастроли в Прибалтику с номерами „клоунада“ и „свободная проволока“».

А вот это было уже признание. Когда молодому артисту приходит «разнарядка» уже не как эксцентрику на «свободной проволоке», а как клоуну, — это признание Москвы. Таким образом, в Саратове Олег Попов получил другую профессию. Этой телеграммой его признали коверным клоуном.

Гастроли в Прибалтике всегда были очень ответственными. Потому что здесь очень трудно привыкали к вхождению в состав СССР. Здесь царила совсем другая культура. Зачастую более высокая. Особенно в быту, в одежде, в этикете. Здесь артисту очень трудно было удивить публику и заставить ее смеяться.

Незадолго до появления Олега Попова в Риге произошел странный инцидент. Сюда приехал самый известный советский иллюзионист Эмиль Теодорович Кио.

Многие годы у Кио работал в качестве главного администратора легендарный Леонид Фрадкис. Этот Фрадкис был по меркам 50-х «королем рекламы». В сегодняшние времена он бы стал потрясающим продюсером, потому что обладал всеми теми качествами, которые так необходимы для администратора шоу-бизнеса. Фрадкис всегда возил в цирковом багаже ровно тысячу огромных полутораметровых фотографий Кио. Его коллеги обычно расклеивали цирковые афиши только в центре города — максимум сто штук.

Обращаю внимание, что у него были не афиши, не календари, а огромные фотографии в рамках, на которых был портрет Эмиля Теодоровича Кио, сделанный лучшим фотографом Москвы.

Эмиль Теодорович имел внешность мистического мага. Он всегда выходил в черном фраке, белом жилете, белой бабочке, в золотых очках. И с этих фотографий на черном фоне он сурово смотрел на зрителей. Внизу

на рамочке мелко было написано «Заслуженный артист республики Эмиль Кио». Как правило, внешность этого «волшебника» завораживала.

Приехав в Ригу, Фрадкис за одну ночь расставил эти фотографии в окнах всех главных улиц и площадей Риги. И когда утром в понедельник рижане проснулись, то они с удивлением увидели, что весь город заполнен портретами человека во фраке и с абсолютно западной внешностью. Этаким лорд Чемберлен.

«Боже мой, какое счастье! — шептались горожане. — Это вам не какие-то красные комиссары в сталинских френчах. Это солидный человек во фраке и золотых очках! Ясно — это наш новый президент, глава республики». Люди толпились большими группами, чтобы получше рассмотреть «президента».

Фрадкису позвонили очень быстро и приказали все эти фотографии снять.

И вот после этого, уже в 54-м, в Ригу приехал Олег Попов.

Олег рассказывал, что тогда еще не пришло время хиппи, еще не было моды на длинноволосых, а он уже носил волосы до плеч. Он ведь был натуральным блондином. Это придавало ему шик и особую стильность. А на манере — яркую эксцентричность. Да, клоуны часто надевали рыжие и даже красные парики. А у Олега был «парик» из своих собственных роскошных волос. В юности он действительно обладал безумным обаянием.

Когда Олег Попов начинал работать в Прибалтике, то после своего номера сразу переходил на исполнение уже подобранной клоунады. Кое-какие репризы придумал сам. Конечно, он стал гвоздем программы. Рижский зритель пришел в восторг. Здесь посчитали, что раз клоун блондин, значит, обязательно прибалт, земляк. А земляка надо поддерживать. И принимали его потрясающе. Было огромное количество рецензий. Писали в Москву: изумительный, выдающийся клоун.

Успех был невероятный. «Молодежный коллектив» поехал дальше по стране, а Олега задержали в Прибалтике практически на год.

Так он совершал свой первый артистический круг, превратившись из эквилибриста на «свободной проволоке» в успешного клоуна с постепенно возникающим собственным репертуаром.

...В 1956 году, как известно, проходил XX съезд партии. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев выступил с разгромной речью и ввел понятие «культ личности Сталина». В качестве доказательства Хрущев назвал огромное число жертв репрессий. Фактически речь шла о геноциде собственного народа.

До этого выступления на съезде страна верила в непогрешимость Сталина. Эта вера десятилетиями внедрялась кровью. Те, кто не верил, — ехали в лагерь.

Старшее поколение помнило, что сам Хрущев был одним из самых преданных друзей Сталина. Долгие годы он входил в его «узкий круг». В архивах сохранились его записки Сталину, когда он руководил Украиной, с настоятельными просьбами увеличить лимиты по расстрелам. Теперь, чтобы удержаться на вершине власти, ему потребовалось полное развенчание ореола «великого вождя народов».

Наступило новое время — так называемой «оттепели». В стране появились «стиляги». У меломанов оказались пластинки с зарубежной музыкой. У некоторых людей, которые имели возможность поехать на Запад, или у тех, кто мог воспользоваться услугами спекулянтов, стала появляться супермодная одежда. У всего народа возникла надежда, что сейчас наступят настоящие добрые времена, что мы начнем жить нормальной человеческой жизнью. Как все.

Чиновникам от культуры надо было идти в ногу со временем. И они решили хотя бы слегка приоткрыть пресловутый «железный занавес». Чтобы убедить всех в правильности своего политического курса.

Идеологи ЦК КПСС долго думали, каким образом сделать это. Прежде всего надо показать Западу, что у нас тоже есть своя культура, достойная того, чтобы о ней говорили и писали на Западе.

Первым видом культуры, который показали на Западе, был цирк. И нетрудно объяснить почему. Потому что цирк понятен без слов. Не надо комментариев, не надо сложных текстовых пьес.

Собрали лучшую цирковую программу. Причем сбором этой программы занимался не только лично министр культуры, но и заведующий отделом культуры ЦК КПСС.

Выбрали лучшего жонглера, выбрали лучшего акробата, лучших выдрессированных медведей. Собрали программу экстра-класса. Но тут возникла заминка.

Какая же цирковая программа без клоуна? А лучшим клоуном в СССР на тот момент и еще на долгие годы, бесспорно, оставался Михаил Николаевич Румянцев — знаменитый Карандаш. А Михаил Николаевич, великий русский, советский артист, был действительно хорош и необыкновенен, но иногда позволял себе выпить лишку. Порой даже срывал представление. А вот этого допустить за рубежом было никак нельзя.

Ломали, ломали головы. И тогда решили: вот появился у нас модный

симпатичный парень, который всем нравится. А давайте отправим его. Если он не понравится зарубежной публике, скажем: «А мы в СССР делаем ставку на молодежь!» А если понравится, скажем: «Вот так мы воспитываем молодые кадры».

В подмогу Олегу Попову дали еще пару молодых клоунов. Вот таким образом и направилась цирковая программа прорубать «железный занавес».

Первой страной, куда они приехали, была Бельгия. Королевский цирк в Брюсселе. Программа произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что номера, как сегодня говорят, были один в один. Но самой большой неожиданностью было появление молодого голубоглазого блондина, не «размалеванного», как все клоуны на Западе, с дурацкими клоунадами, когда его бьют батоном, а он из попы выпускает огонь.

А здесь просто доброжелательный, веселый молодой парень, который мог выйти к медведям, полетать на трапеции, исполнить любой трюк и который вызывал у зрителей искреннюю симпатию и улыбку. Таким клоуном и стал Олег Попов.

Танец с принцессой

Рассуждая об успехе вообще, Олег Попов часто говорил: «Успех — это муха, которая назойливо кружит вокруг тебя. Тебе надо просто вытянуть руку и держать ладонь открытой. И муха обязательно сядет на твою ладонь, надо просто быть к этому готовым».

У каждого человека бывает звездный час, когда на него сваливается успех. Многим этот успех меняет всю жизнь. Но очень мало людей на свете, к которым успех однажды присел на ладонь и уже больше не улетал никогда.

Самые первые гастроли артистов из Советского Союза за рубеж... Надо сказать, что тогда все артисты перед поездкой проходили многократные инструктажи. Специалистов по линии спецслужб (в программе их насмешливо называли «дзержинскими») ехало не меньше пяти человек.

Правда, за рубежом их сразу распознавали. Многие не могли понять, каким образом? Ну а как: цирк приехал, артисты распаковали реквизит. Все они знают, что им делать, как готовиться к представлению. А эти пятеро ходят и не знают, куда приткнуться.

Все артисты были распределены старшим офицером из этой пятерки на подгруппы по семь человек. В каждой группе назначался особо доверенный «бригадир» из артистов. Он должен был руководить действиями всей семерки и днем и ночью. Ну и, конечно, докладывать офицерам о поведении и настроениях подопечных.

Сегодня смешно представить, но именно так выпускали «гулять» по улицам советских артистов. Артисты цирка называли эти прогулки выходом «на орбиту».

«Орбитой» называлась дорога по самым лучшим (то есть для советских людей — самым дешевым) магазинам. Ведь зарплату им выдавали хотя и в валюте, но грошовую. Так и бродили они от магазина до магазина и назад в гостиницу, пугая местное население. Короткий отдых перед представлением, и на другой день снова «на орбиту».

Сам Олег Константинович рассказывал о своих поездках за рубеж всегда с большим юмором. Далеким от театральной и цирковой жизни людям могло показаться даже, что жизнь артиста на гастролях — это сплошная цепь баек и веселых историй. Титанический труд на манеже,

тяготы «цыганского» быта оставались, как правило, за скобками этих рассказов.

Итак, «прогулки» по семеро. Впечатление эти походы производили весьма экзотическое. По узким улочкам какого-нибудь Антверпена или Гента, громко разговаривая и ругаясь на родном языке, шла группа перевозбужденных людей, странно одетых, часто в спортивных тапочках, пиджаках с ватными плечами и нелепых галстуках.

Они врывались в маленькие магазинчики, которые уже тогда назывались бутиками. Переворачивали все товары вверх дном, смотрели цены, орали в голос и потом, так же не прощаясь, вырывались наружу.

Бедные продавцы иногда прятались, потому что им казалось, что это налет каких-то бандитов. А наша «великолепная семерка» уже дальше атаковала в шахматном порядке улицу за улицей. Пока один, самый смелый, оторвавшись от семерки (за это ему могли вынести замечание в отчете), выбегал вперед и кричал: «Сюда!» И все с топотом и криком заскакивали в крошечный магазинчик, который обнаружил передовой лоцман.

Однажды они вошли в такой магазин и увидели, что на вешалках, на плечиках аккуратно развешаны женские юбки, мужские пиджаки, брюки. Но везде были написаны удивительные цифры: «два, три, пять». Исчисление шло, конечно, в бельгийских франках. Но они-то привыкли, что за каждый предмет одежды надо платить 200, 300, 500. А тут! Надо брать! И, не глядя, не примеряя, вся семерка похватила специальные сумочки для вещей и набросала туда все вещи без остатка. С вешалок сняли буквально всё.

Хозяйка лавочки — седая благородная женщина — машет им руками, кричит: «Ноу, кайне, битте, найн!»

Но кто же будет обращать внимание на крики старушки. Сорвали в мгновение все вещи и выстроились, как водится, в очередь.

Тогда эта бедная старушка, поняв, что имеет дело с русскими, набрала какой-то номер телефона. И буквально через две-три минуты в лавке появился старик. На нем были старинная визитка, белый стоячий воротничок и бабочка. Он был в котелке и с тросточкой. Как говорили в Советском Союзе, «из бывших».

На чистейшем русском языке со старомосковским диалектом старик громко произнес: «Господа, это не магазин. Это химическая чистка. Собогазоволите сложить все вещи назад, потому что цены, которые вы видели, это не стоимость вещей, а стоимость химической чистки».

Или случай в Мюнхене несколько лет спустя, о котором тоже с

улыбкой вспоминал Олег Попов. Импресарио Матнер, который проводил гастрольные туры и любил по-своему российских артистов, но постоянно опасался каких-нибудь фокусов, сообщил всем, что в выходной день они будут на приеме у мэра города. Мэр примет их в «охотничьем зале» — как самых дорогих и почетных гостей.

Матнер предупредил, что на банкет надо надеть все самое красивое, потому что это вечерний прием. И как раз в этот день один из самых пронырливых артистов обнаружил на окраине города маленький магазинчик, где мужские черные костюмы можно было купить по 10, а женские вечерние платья по 15 франков. То есть совсем за бесценок. Даже за те гроши, которые платили тогда советским артистам, это можно было себе позволить.

Купив себе черный костюм, он рассказал об этом магазинчике только одной артистке, своей подруге. Но в цирке работает рефлекс толпы. Знает один — знают все. Поэтому часто, когда они ходили по «орбитам» и находили что-то стоящее, всячески скрывали от коллег, где это было куплено, чтобы случайно вся сотня артистов не вырядилась одинаково.

А здесь произошло именно это. Через час вся программа, 120 человек, знала, что на окраине города есть магазин, где можно купить вечерние туалеты.

Хозяин магазина был в восторге. Он делал скидки, предлагал разные размеры. А Матнер тем временем ждал всех у «охотничьего зала» обер-бургомистра. С минуты на минуту должна была появиться его делегация.

И вот, наконец, появляются русские артисты. Идут гуськом, один за другим. Все в черном. Дамы — в вуалях, мужчины — в смокингах и сюртуках. Матнер мгновенно оценил ситуацию и закричал: «Назад, цурюк! Назад! Все в отель!»

Артисты оторопели. В чем дело? А Матнер вызвал переводчика и объяснил: «Господа! Вы купили эти вещи в похоронном магазине. Там выдают за бесценок одежду тем, кто для компании идет сопровождать покойника. Как я могу пустить вас сюда?! 120 человек в костюмах сопровождения покойника к мэру Брюсселя?! Это скандал! Немедленно переодеваться. Я попрошу бургомистра задержать прием на час».

...Надо сказать, что программа, привезенная из СССР в 1956 году, пользовалась у бельгийцев колоссальным успехом! И вся местная элита, руководители компаний, высший свет старались познакомиться с русскими артистами.

Тогда тоже был организован прием у мэра города. Артисты явились на банкет.

Как вспоминал Олег Константинович, столы стояли буквой «Т». Во главе сидело советское начальство, руководитель гастролей (важный чиновник Минкульта), заместитель — чиновник из Союзгосцирка, ну и, конечно, «искусствоведы в штатском». Напротив — принимающая сторона в лице бургомистра, его заместителей, почетных граждан города Брюсселя. Все они вели оживленную беседу. А для остальных артистов стоял стол длиной во весь зал. Он был уставлен разнокалиберными фужерами, цветами, приборами и огромной «батареей» бутылок.

О зале надо сказать отдельно. Охотничий зал был драпирован старинными гобеленами. Там висели головы оленей, чучела медведей, орлы, различные птицы. Да и оформлен этот зал был не в XX, а аж в XVIII веке. Окна в этом зале состояли из витражей. То были первые образцы стекла в Европе, тоже XVIII века. Экзотическая, потрясающая обстановка.

Но наши артисты, готовясь к банкету, не ели целый день. Ведь за границей все экономили на еде. А на чем еще сэкономить, если получаешь гроши за свои тяжелейшие выступления, а потратить их надо на что-то такое, что можно привезти на родину? И вот они весь день находились в предвкушении того, что сейчас наедятся и напьются на два-три дня вперед. Главное, незаметно положить часть продуктов в специально приготовленные сумки. А есть пока что не дают, не обращают на артистов никакого внимания. И они, бедные, сидят напротив соблазнительной батареи бутылок и чего-то ждут!

Однако за столом в любой цирковой программе всегда находится один самый шустрый. Нашелся такой и на сей раз. «Я слышал, — заявил он, — что раз на стол поставлено, значит, этим можно пользоваться. Такой у них этикет». И с этими словами взял самую красивую, самую экзотическую бутылку с рубиновой жидкостью, достал самый большой 300-граммовый стакан, наполнил его до краев и с криком «Делай, как я!» выпил весь залпом.

Банкет мог на этом и закончиться, потому что в бутылках стояли не вина и напитки, которые официанты разносили отдельно, а разнообразные соусы, привезенные со всего мира. Таким образом, наш храбрец хлопнул 300 граммов самого острого соуса «чили». Больница, в которую он попал, сутки выхаживала его, чтобы он не умер. Больше за границу его никогда не пускали.

Так примерно, в походах по семь человек, в атаках на химчистки, пугая местных бабушек — продавщиц бутиков, и существовала наша цирковая программа на тех гастролях.

Ну а вечерами, приготовив в гостиничном номере «суп-письмо» в

пакетиках и тушенку из банки, контрабандно привезенную из дома, часто прожигая ковры и вырубая свет в отеле метровыми кипятивниками, прилипали к телевизору, в котором можно было увидеть ту самую запрещенную жизнь, увидеть, как живут люди «за железным занавесом».

«Дзержинские», или «искусствоведы в штатском», строго предупреждали: «Там сейчас моден развратный танец рок-н-ролл. Никому не сметь смотреть его». Но кого же из наших остановишь? Если сказали нельзя, то все смотрели только это! Мало того что смотрели, вспоминал Олег Попов, еще и для себя повторяли, учились.

Отношения между Бельгией и Советским Союзом были тогда достаточно прохладными. И умница посол решил использовать баснословный успех советского цирка. Ведь действительно, и там, и позднее в Лондоне зрители, которые хотели утром рано купить билеты, ночевали около касс и жгли костры, чтобы согреться. Такого успеха у советского цирка не было потом никогда.

Вот посол и нашел способ укрепить отношения с Брюсселем. Намечался очередной прием, который давала королева Бельгии. На него были приглашены выдающиеся деятели культуры, литературы и искусства королевства. Писатели, артисты, литераторы, аристократия, знать, модельеры. Представитель королевы попросил, чтобы на приеме было несколько артистов советского цирка. И непременно молодой клоун с голубыми глазами. Уж очень он понравился королеве и ее девятнадцатилетней дочери.

Посол привел на банкет только одного артиста — Олега Попова. Им отвели самое почетное место, прямо напротив королевы. Олег пришел в сатиновых штанах. Это лучшее, что у него было. С резинками внизу. В тапочках для тенниса. И в какой-то футболке с завязывающимися веревочками. Они сели напротив королевы. И ее величество с дочерью влюбленными глазами рассматривали этого русского.

Олег начал тушеваться, потому что вокруг его тарелки лежали не просто вилка и нож, а семь-восемь приборов. Он повернулся к послу и тихо сказал: «Я не умею всем этим пользоваться». Посол ответил: «Следи за мной и повторяй». Олег был человек очень остроглазый. Он боковым зрением наблюдал за послом и через пару минут тоже ловко орудовал ножом и вилок.

Иногда подбрасывал кусок хлеба, ловил его на лоб, а потом, к хохоту королевы и ее дочери, проглатывал. И так всем было весело! Посол рассказывал какие-то истории, Олег бесконечно дурачился, понимая, что именно этого от него ждут.

Затем подали птицу. Птицу (а это была курица) по этикету требовалось есть руками, точнее, тремя пальцами. Олег внимательно следил за послом. Увидел, как посол ест. И тоже взял свой кусочек курицы и обгрыз его в мгновение ока. Поскольку вы едите руками, то вам по этикету положено подать воду, в которую можно опустить пальчики и помыть их, а потом протереть их насухо салфеткой.

Олег рассказывал, что эту воду подали в роскошной фарфоровой чашке. Она была розового цвета. И плавали там и цветочки, и ягодки, и даже лимончик. И тогда наш юный клоун взял эту чашку масляными от курицы пальцами, вспомнив, что его мама и бабушка очень любили пить чай не из чашки, а из блюдца, и как паровоз вдул в себя содержимое, да так громко, что обернулось полдворца. Да, он выпил на глазах у королевы и ее дочери принцессы всю эту воду с лимончиками, ягодками и прочим. Королева и принцесса покатались со смеху. Причем в прямом смысле слова. Они от хохота спрятались под стол.

Потом, когда монархические особы пришли в себя, королева указала рукой на Олега и сказала: «Какой тонкий юмор! Как утонченно этот молодой человек иронизировал над нашим придворным чванством, над этим огромным количеством приборов, над этими суровыми официантами с полотенцами, над всем этим нафталиновым этикетом, уходящим в прошлое! Это может делать только великий артист! Солнечный клоун! Аплодисменты». Посол, естественно, все это перевел. А тут и обед закончился, начались танцы.

Принцесса не сводила глаз с Олега. Ведь ему было 26, а ей — всего 19. Олег понравился ей своими раскованными манерами, и юная девушка решила тоже выказать свою раскованность. Сейчас это кажется невозможным, но это было, было...

Во время танцев она разрушила придворную прическу и вышла с распущенными волосами. Да еще босиком и с пленочным транзисторным магнитофоном в руках, который был в те времена супершиком. Тогда едва начиналось движение хиппи.

Слуга включил магнитофон, и зазвучали только что появившиеся тогда буги-вуги, твисты и рок-н-роллы. Поставив магнитофон в центре зала, принцесса протянула руку и предложила Олегу танец, который у нас запрещали смотреть даже по телевидению. Она хотела испытать этого смешного русского, увидеть, как он поведет себя в танце. Да еще в таком, который даже в Европе не все знали.

Но Олег, как всегда, очень быстро сориентировался и стал повторять движения за ней. Он был потрясающе прыгучим и гибким акробатом,

эксцентриком. Придворные обомлели: принцесса босиком и с распущенными волосами танцует с этим русским какой-то странный танец. А он не только не растерялся и не просто повторял ее движения, а еще и импровизировал в танце.

К этим движениям, когда ему стало скучно, он добавил несколько акробатических элементов. Танцует рок-н-ролл, а затем вдруг разбежится и сделает акробатический элемент: рундат, фляк, заднее сальто.

Вся знать, стоявшая по кругу, все деятели культуры и искусства Бельгии пришли в совершеннейшее изумление. Никто не танцевал, все только смотрели открыв рты. Кстати говоря, это могло стать началом будущего жанра «спортивного рок-н-ролла», в котором элементы рок-н-ролла переплетаются с элементами акробатики.

Потом еще несколько раз Олег повторял акробатические прыжки, восхищая зал. Закружил принцессу в каком-то танце. А в финале взял и колесом прошелся по всему залу. А потом — темповыми сальто-мортале. Гости были просто в восторге. Крики, свист, топот.

Они с принцессой, два молодых, красивых человека, совершили в этом дворце переворот в области этикета в сторону раскованности и веселья. Как сказала сама королева: «Насмешки над придворным чванством».

Ночью посол Советского Союза отправил в Москву подробную телеграмму о том, что произошло во дворце. Артисты же встретили Олега холодно, потому что там были и зрелые, выдающиеся мастера. А это мальчик двадцати шести лет. Почему именно его взяли на этот прием? Но еще холоднее отреагировали все, когда, прилетев в Москву, узнали, что Олегу Константиновичу Попову присвоено звание *заслуженного артиста РСФСР*. ЗА ЧТО??!!

Об этом отдельно. Звание *заслуженный* пришло из Московского Художественного театра. Для того чтобы как-то отличать стариков, еще до революции Станиславский и Немирович-Данченко ввели такой титул для стариков — *заслуженный артист МХАТ*.

Уже в 30-е годы элементы стимулирования интеллигенции серьезно разрабатывались на самом верху. И для того чтобы выделять выдающихся артистов, верных деятелей культуры, музыки, живописи, были введены эти почетные звания как своеобразные титулы.

«Младшим» званием был «заслуженный артист РСФСР». «Средним», «генеральским», — «народный артист РСФСР». Предполагалось, что слово *народный* означает, что артиста знает народ, что он широко популярен среди публики.

Но самым высшим званием было звание «народный артист СССР».

Оно фактически приравнивалось к воинскому званию маршала. О народном артисте СССР обязательно была целая статья в Большой советской энциклопедии. А это верх признания!

Но в ранние советские времена была строгая градация между видами искусств. Были серьезные виды искусств и несерьезные, с точки зрения власти. Глубокие и неглубокие.

Часто композиторы-песенники, авторы всенародно любимых шлягеров десятилетиями не могли вступить в Союз композиторов, потому что их считали несерьезными музыкантами. В отличие от композитора, написавшего какую-нибудь фугу или симфонию, исполненную один раз. Это отношение проецировалось на целые виды искусства.

Было негласное постановление, что звание *народный СССР* не вручать артистам эстрады, цирка и оперетты. Когда самому популярному в 30–50-х годах певцу всего Советского Союза Леониду Осиповичу Утесову исполнилось 75 лет, то для него было сделано «прорывное» исключение.

Татьяна Ивановна Шмыга — выдающаяся наша солистка московской оперетты, с огромным трудом получила звание народной артистки СССР. В цирке звание народного первым получил Владимир Дуров. Он настолько переволновался, что когда Фурцева позвонила ему и сообщила об этом решении, потерял сознание.

В цирке, на эстраде, в театре существовал негласный закон, что первое звание — заслуженного артиста РСФСР — актер мог получить не ранее чем в 40 лет. А Олег Попов получил первое звание в 26 лет! Это было немыслимо. Это было подтверждением политического успеха.

Надо сказать, что сразу же за первой поездкой советского цирка за рубеж в Москве в 1957 году проходило событие, тоже декларирующее открытие «железного занавеса», — Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Подготовкой к нему руководил выдающийся режиссер Георгий Туманов.

Фестиваль проходил на улицах Москвы, на площадях и на стадионах. Всю Москву захватило фестивальное движение. Впервые произошел прямой контакт нашей молодежи с иностранной. Это было чудесное время. Незнакомые люди буквально «братались» при встречах на улицах. В рамках фестиваля проводились и конкурсы различных видов искусств.

Среди цирковых артистов золотую медаль фестиваля получили братья Вальтер и Мстислав Запашные. И наш герой — Олег Попов.

Его популярность начинала набирать обороты. Тогда никто не знал волшебного слова «пиар», никто не знал, как нужно работать с рекламой, как нужно «раскручивать» артиста. И невероятную помощь в этом оказали

фабрики «Рот Фронт» и «Красный Октябрь».

Испокон веков эти две фабрики выпускали в СССР два вида шоколадок, популярных у всех детей Советского Союза. Один сорт назывался «Аленка» — с маленькой красивой девочкой на этикетке. Второй сорт назывался «Цирк». На этой шоколадке были нарисованы всякие кольца, булавы и прочий цирковой реквизит.

А тут, с появлением такого популярного даже за рубежом артиста, обертку переделали: на черном фоне нарисовали Олега Попова, стоящего на проволоке, жонглирующего кольцами, в клетчатой кепке, в черном бархатном пиджаке, в красной бабочке и полосатых брюках.

В стране проживало более 250 миллионов человек. Уверен, что каждый из них хотя бы один раз увидел, попробовал или подарил кому-то шоколадку «Цирк». А выпускались они фабриками бесконечно.

Такой рекламы в СССР не имел ни один певец, ни один литератор, ни один киноактер, пусть даже самый популярный. Таким образом, к концу 50-х годов Олег Константинович стал неимоверно популярным артистом. После успеха в Бельгии к нему присматривались все известные зарубежные импресарио и часто приглашали на гастроли за рубеж.

Популярность Олега была тут же подхвачена только что появившимся в СССР телевидением. Он стал звездой «голубого экрана». Уже начиная с конца 50-х во всех детских передачах старались использовать его имидж, его знаменитую клетчатую кепку.

Государство щедро выделило ему квартиру на проспекте Мира. Без очереди он получил автомашину «москвич». Начиналась новая жизнь.

Олег Попов легко вошел в жизнь звезды. Принимал он подарки судьбы спокойно. У него никогда не кружилась голова от внезапно появившейся славы, не было звездной болезни. Он воспринимал это как аванс для того, чтобы расти дальше.

Ведь речь шла о фанатично влюбленном в цирк человеке. О мастере экстра-класса. Понятно, что он начинал делать новые и новые репризы, готовил новые клоунады. Он сам изготавливал цирковой реквизит. Тот самый слесарь из типографии «Правда», который взял его на работу, привил ему необыкновенную любовь к слесарному делу, которая сопровождала его до последнего дня жизни. Он любил работать с инструментами, со станками, любил «слесарить».

И уже позднее, когда он был «мегазвездой» и разъезжал по всему миру, все импресарио знали, что Олегу нужен маленький вагончик рядом с его шикарным жилым вагоном — вагончик, где он работал с инструментами. В этом вагончике он проводил все свободное время, что-то мастерил.

Я часто спрашивал его:

— Что ты мастеришь?

Ответ всегда был один:

— Я делаю реквизит для будущей клоунады. Пока не знаю какой. Но ведь клоунада начинается с трюка.

Однажды он купил в магазине только появившуюся тогда радиоуправляемую машинку. Положил на нее кепку, и кепка начала ездить по манежу. Его спросили: «Олег, что это?» «Не знаю пока, но это трюк. Из него вырастет реприза». Весь реквизит, порой очень сложный технологически, он всегда изготавливал своими руками.

Шестидесятые

Ах, шестидесятые! Годы весеннего «пробуждения» после долгой сумрачной «спячки».

Когда многим кажется, что жизнь вовсю барабанит в окно и требует немедленно бежать к людям и действовать, действовать!..

Когда вечером идут споры в фойе и на улице об очередном шедевре «Современника», а молодые поэты Вознесенский и Евтушенко читают свои стихи прямо под памятником бунтарю Маяковскому.

Всем кажется, что снова грядет революция, только совсем не кровавая и беспощадная, а добрая, романтическая. Оказывается, мы просто не поняли Ленина — вот в чем вся штука! Он же на самом деле был за добро, за гуманизм, за Маяковского, за Шагала!

Эх, время, время! Одно слово — «оттепель»! И Хрущев в Кремлевском дворце съездов возносит на пьедестал девятнадцатилетнего Муслима Магомаева, а Фурцева, встав с первого ряда, облокотилась прямо на авансцену и восхищенно слушает девятнадцатилетнего Ван Клиберна. Бунтари устраивают диспуты в Политехническом институте.

А по вечерам на улицах и мостах почти до утра гуляет молодежь. И всюду слышно: «По переулкам бродит лето, солнце льется прямо с крыш!» Самостийные танцплощадки во дворах, переносные ленточные магнитофоны, Мулерман вперемежку с «Битлз». Первые кафешки, кафе-мороженое, где можно познакомиться с девушками. Общий задор и желание жить, жить!..

Давайте же пробовать «коктейли» и танцевать твист прямо на улице!

Для Олега Попова шестидесятые — это годы становления, прежде всего среди своих, среди цирковых. Становления как лидера, «премьера» и «гастролера». А «гастролер» — это ведь тот, на кого билеты продают. А их продавали уже на него.

В цирке серьезные артисты, руководители больших аттракционов, солидные клоуны никогда не работают в одиночку. Даже когда на афише написано «соло клоун», это вовсе не значит, что клоун работает один. Как правило, его партнером во всех клоунадах и репризах является инспектор манежа, или ведущий. То есть тот человек, который ведет всю программу.

Переезжать из города в город и каждый раз обращаться с просьбой о партнерстве к очередному инспектору манежа? Каждый раз попадать в

зависимость от него? Это было невозможно.

Олег научился требовать и добиваться от начальства того, что было необходимо ему для работы. Он никогда не угрожал (как многие), что заболит и сорвет гастроли. Но с ним начал ездить постоянный инспектор манежа.

Таким инспектором манежа стал недавний старший униформист Свердловского цирка Борис Шварц. Молодой, высокий, симпатичный парень. Да вдобавок еще очень вежливый, услужливый, внимательный и четкий. Помимо прочего, он понимал, что работать с Олегом — это значит чаще других выезжать за границу. Борис понравился Олегу, они прикипели друг к другу и проработали вместе более сорока лет.

Если Олегу удавалось найти настоящего талантливое и верное партнера, который хорошо понимал, что вся деятельность клоунской группы должна быть настроена только на одного солиста, то такого партнера держал около себя долго.

Как-то я спросил Олега про ассистентов и комедийных партнеров Карандаша. Известный своим непростым нравом, Карандаш постоянно приглашал себе двух-трех молодых клоунов. Некоторое время это были Никулин и Шуйдин. Однако почти всегда партнерство это очень плохо заканчивалось — скандалами, драками и увольнениями.

«Что, такой тяжелый характер был у Карандаша?!» — спросил я. Олег ответил: «Да нет. Просто все партнеры, попадая к большому артисту, через некоторое время начинают тянуть одеяло на себя. Им кажется, что они гораздо лучше, интереснее, смешнее „звезды“. А тут какой-то солист ходит и руководит ими, постоянно делает замечания. Вот это самомнение и является основной причиной всех конфликтов и скандалов. Потому что, — продолжал Олег, — если ты в состоянии работать один — ну так и работай один. А если ты пришел работать партнером к солисту — то будь добр, все свое творчество, всю свою деятельность на манеже подчини работе на главного исполнителя. Это же так просто».

Поскольку у Олега всегда было очень много реквизита, бутафории, которые он всегда изготавливал сам, то ему был необходим помощник, по цирковому — ассистент. Он видел, что у многих значительных артистов всегда было много ассистентов. Иллюзионист Эмиль Кио, например, возил с собой больше сорока ассистентов. Эти же ассистенты были его партнерами-артистами на манеже.

Олег нашел молодого парня, своего ровесника, по имени Василий. У этого парня было все, что нравилось Олегу: он был рукодельным, дисциплинированным, очень внимательным к мелочам и деталям. Но

главное, это был очень простой, немного даже примитивный, но добрый человек, который смирился и покорно принял все сложности непростого характера Олега. Он тоже прослужил Олегу более сорока лет. Потом ушел на пенсию, а вскоре его не стало.

Таким образом, у Олега образовалась своя команда. Инспектор манежа, ассистент, два-три клоуна-партнера. В программе сразу почувствовали его значимость. А бурная популярность и горячий прием на манеже публики еще раз доказывали это.

Надо еще раз сказать, что у Олега никогда не было звездной болезни. Но он очень жестко добивался признания своего статуса, своего места в цирковой программе. «Каждая птичка должна знать свою полочку», — говорил он. Артисты цирка, особенно возрастные, или «звезды» манежа, всегда были людьми непростыми. Многим было наплевать на успех коллеги где-то там у королевы. Они десятилетиями добивались своего места, были лидерами в программах, а вокруг них всегда находились подчиненные им люди, зависимые артисты и номера, которые ездили за ними по лучшим городам, а иногда и за границу.

Этим «звездам» и приходилось постоянно доказывать свое право быть лидером. Олег своим значительным успехом у публики постоянно отвоевывал себе место под солнцем в каждой программе. Так длилось долгие годы.

Порой это напоминало ему ту встречу с хулиганами на первой его «барахолке» с мылом в 41-м году. Но тогда у него хотели отнять только деньги. А здесь с ним постоянно боролись за первенство. За первенство в программе, за то, кому директор цирка выделит лучший номер в гостинице, у кого лучше, больше, удобнее и светлее гардеробная (гримерная комната). Где поставить реквизит: рядом с выходом на манеж или далеко во дворе под проливным дождем. А время репетиций — утром, днем или вечером впритык к представлению — за это тоже надо было бороться.

Олег навсегда остался «мальчишкой с ножичком в кармане». В этих виртуальных «драках» в цирковом закулисье он действовал очень жестко или сам, или с помощью своей команды. Главным оружием была его популярность, а еще журналисты (ведь в каждом городе о нем писали восхищенные рецензии, что неимоверно злило других артистов). И всегда Олег Попов добивался положения лидера программы.

Очень многие артисты, особенно пожилые, серьезно завидовали ему, распускали о нем сплетни, всячески старались очернить его. Они-то и сложили молву о нем как об очень жадном человеке.

О его прижимистости и в самом деле слагали легенды. Но если мы

вспомним его голодные детство и юность, безотцовщину, то сможем понять, почему он всегда оставался бережлив к деньгам. Но особенно бережлив он был с едой. Ее он всегда считал символом достатка. Много позже, когда в разных турне наступали трудные периоды, финансовые затруднения (так бывает!), он повторял одну и ту же фразу: «Надо дотянуть до крапивы». Не все его понимали. А ведь он был дитя войны, дитя голода. Во время войны особенно трудно было выживать зимой, и мать всегда ему повторяла: «Сынок, потерпи до весны, до первой крапивы! Знаешь, какие из нее вкусные щи получаются!» Олег повторял эту фразу и в Париже в 90-е, и в Германии в 2000-е, успокаивая себя и друзей: «Надо дотянуть до крапивы!»

В Японии

Многовековая островная жизнь Японии отразилась во всех явлениях ее изумительной культуры и быта.

Только появление американских военных баз после Второй мировой войны спровоцировало необратимый, обвальный процесс исчезновения национального своеобразия и экзотики в этой загадочной, мистической стране.

Еще в шестидесятые весь мир ошеломило чудо возрождения национальной экономики Японии, захват ею всех мировых рынков радиоэлектроники и автомобилестроения. Ученые назвали это «промышленным бумом».

Девушки на работу тогда еще ходили в кимоно и деревянных сандалиях. Японцы еще продолжали, как и в Средние века, бесконечно кланяться в разговоре, а мир уже пребывал в шоке от продукции двух гигантов — «Toyota» и «Sony». Их изделия казались футуристическими, словно спустившимися с инопланетного корабля. А ведь делали эти магнитофоны и радиоприемники, опередившие свое время, те самые девушки, пришедшие на завод в традиционных нарядах.

Но кока-кола и джинсы, виски с содовой, рок-н-ролл и Голливуд неуклонно делали свое дело. Японские девушки очень быстро отказались от своих чудесных кимоно, надевая их редко, только на праздники. Они, как и везде, переоделись в джинсы.

Самой модной косметической операцией 60-х в Токио стало превращение японских «узких глаз» в европейские. Пройдет еще десяток лет, и Гиндзу в Токио трудно будет отличить от Пятой авеню Нью-Йорка. Глобализм.

Но тогда, в шестидесятые, в Стране восходящего солнца еще сохранялся необычайно терпкий коктейль экзотики средневековой Японии с чудесами новейшей электроники. И если вы с визитом посетили учреждение, ресторан или магазин, то, выходя, замечали, что все его сотрудники выстраивались в ряд у дверей для того, чтобы синхронно и глубоко поклониться вам на прощание.

Непростые отношения у Олега были с разными «звездами» отечественного цирка — с Валентином Филатовым, с Карандашом... Однако Карандаш признал Попова, что стало для него большой победой.

Признал не сразу, он ценил артистов только по их работе на манеже. Увидев Попова в Москве, Карандаш убедился, что перед ним Мастер. Олег же, который никогда не был ни его ассистентом, ни стажером, ни учеником — всегда относился к Карандашу с глубочайшим уважением.

Были у Попова и друзья. Одним из самых близких стал для него на многие годы выдающийся советский артист, канатоходец, изобретатель, режиссер Владимир Александрович Волжанский. Это тоже суперзвезда советского цирка.

Когда-то, в 30-е, эквилибрист, гениально стоящий на руках, он участвовал в необычном аттракционе под круговым занавесом — «На дне моря». Люди «морского дна» — он и еще один суперэквилибрист — Лев Осинский, постоянно стоя на руках, изображали разных морских животных. В таком состоянии они находились почти целый аттракцион. Минут 15–20.

Стояли они так здорово, что вдруг, поддавшись общей рекордистской пропаганде, заявили о своем намерении «пройти на руках от Москвы до Петербурга 700 км». И для них это была не шутка. Они репетировали день и ночь, наматывая бесконечные круги вокруг цирка. Ходили с утра до вечера, готовились, репетировали. Потом началась война. Осинского призвали на фронт, и там в бою ему осколком оторвало руку. Он вернулся в цирк инвалидом, но вопреки судьбе создал номер «эквилибрист на одной руке», с которым проработал многие десятилетия, получив прозвище Цирковой Маресьев.

А Владимир Александрович Волжанский создал восхитительный номер «Звездные канатоходцы». Природа его одарила великим качеством технического циркового гения. Его мостики, на которых обычно стоят канатоходцы и между которыми протянут стальной трос, или, по-цирковому, канат, были произведением технического совершенства. Обычно эти мостики стоят незыблемо, твердо, растянутые мощнейшими лебедками. Ведь даже неправильная установка может привести к травме и к смерти канатоходца.

Владимир Александрович изобрел «подъемные мосты». Это было настоящее чудо. В середине номера один из мостиков, на котором стояла группа артистов, поднимался вверх под углом 45 градусов, оставляя под таким же углом канат. Канатоходец поднимался по нему с огромным трудом наверх, а потом вдруг поднимался второй мост почти под самый купол. Канат образовывал еще более высокий угол, по которому просто невозможно было подняться. Но Волжанский поднимался — зрелище это было феноменальным.

Помимо режиссерского дара, таланта художника, режиссера, канатоходца, постановщика, Владимир Александрович обладал еще очень серьезными техническими навыками. Однажды во время гастролей советского цирка в японском городе Ниигата вместо нормального купола с бетонными перекрытиями в цирке оказался потолок, затянутый брезентом.

Волжанский пришел в ужас — номер отменяется. Это позор! И импресарио пришел в ужас — один из лучших номеров программы не может работать. И тогда он вместе со своими партнерами, ассистентами начал вязать сеть. Вязали почти целые сутки. Получились так называемые «пауки».

Он превратил потолок этого спорткомплекса в Ниигате в целую паутину, распределив нагрузку на несколько десятков несущих «пауков», по-другому «подвеситься» к этому потолку было нельзя. Он распределил всю немалую тяжесть этой нагрузки на разные точки. Вечером следующего дня случилось чудо: «Звездные канатоходцы» работали!

Этот талант техника, талант Кулибина не мог не импонировать Олегу Попову. И они подружились сразу, с самой молодости Олега, хотя между ними была приличная разница в возрасте. Дружба эта длилась многие десятилетия.

И вот еще одно воспоминание от Олега Попова.

Однажды в Японии, когда артисты уже распределялись на группы не по семь человек, как в 56-м, а всего лишь по трое, Владимир Александрович предложил Олегу и его жене Сане «тему» для похода.

Тогда, в 60-е, в моду входили кожаные куртки — «косухи», со множеством косых «молний», будто кто-то ножичком порезал гладкий лак. Использовались эти куртки в основном мотоциклистами, но после Марлона Брандо они стали очень популярными.

Вечером Волжанский сказал по секрету Олегу, что «нарыл» одно местечко. Решили пойти вместе.

Утром они отправились в путь. В те времена пользоваться наземным транспортом или метро наши артисты себе не позволяли. Во-первых, боялись заблудиться в сложных переплетениях маршрутов, да и ради экономии денег артисты ходили только пешком.

Иногда «орбита» за дешевыми сокровищами длилась несколько десятков километров. В таких мегаполисах, как Мехико, Рио-де-Жанейро, Токио, на дорогу туда и обратно уходил полный световой день. Вставали рано утром, а возвращались перед самым представлением, на которое почти не оставалось сил.

Итак, отправились через весь Токио за «косухами». Пройдя добрых

полтора десятка километров, подошли к маленькому магазинчику на окраине города. А в нем — странные рыболовецкие снасти: удочки, спиннинги... «Боже мой, кажется, я ошибся», — запричитал Волжанский.

На пальцах начали объясняться с хозяином. Тот вежливо по-японски спрашивал: «Что вы хотите?»

Японцы в те времена отличались величайшей вежливостью и услужливостью, особенно к европейцам. Совсем недавно кончилась война, и на острова пришли американцы. А с ними шутить было нельзя. И если вы пришли случайно в другой магазин, то вам помогали найти и доставить то, что вы хотите, из другого магазина. Такой сервис был тогда в порядке вещей, и чаевых за услуги японцы никогда не брали.

Так произошло и на этот раз. Артисты Попов и Волжанский с помощью пантомимы стали изображать «косуху» на себе. Особенно старательно изображали замки «молния»: «вжик» здесь, «вжик» тут, вот так застегивать, так расстегивать.

Японец долго не мог ничего понять, а потом вызвал мальчика, курьера, посадил его на велосипед и куда-то отправил. Гостям предложил чай, какие-то сладости. Сидели они на токийской окраине долго, более часа. Начали нервничать и собрались уходить, боясь опоздать на представление.

Мальчик приехал и привез огромную черную, бархатную коробку. Артисты сразу поняли, что это не «косухи», но решили посмотреть, что же мальчик привез.

Коробку открывали с особым пиететом, будто выполняя какую-то церемонию. Внутри на вишневом бархате лежали... ножи, золоченые, красивые, инкрустированные. Это были ножи для харакири. Незадачливый японец решил, что гости собираются сделать себе харакири, и послал мальчика на другой конец города, чтобы только угодить клиентам.

...Япония в 60-е годы, когда Олег приехал туда на гастроли, была полна экзотики, национального своеобразия. Глобализм и техническая революция только начинали разрушать ее самобытность. Восточный менталитет все еще превалировал над европейским и американским. В Азии, например, зрители очень сложно воспринимают клоунаду. Они смеются над чем-то другим. Они визуально наслаждаются, скажем, цирковым представлением, почти не проявляя чувств.

А клоунада требует зрительского проникновения, соучастия. Однако Олег в нескольких своих репризах нашел «ключ» к зрителям. Потом, неожиданно для всех, вдруг заговорил по-японски. Зрители очень хорошо принимали его шутки. Им нравилось, что молодой клоун — «умелец». Он был необыкновенен в своем номере эквилибриста; у жонглеров он

жонглировал, у акробатов прыгал с подкидной доски, летал в воздушном полете.

Олег развивал успех, обретенный когда-то в Брюсселе. Он не стоял на месте. Даже в Токио они с Волжанским закупили болтов, тросов и чекелей для «звездных канатоходцев» и экзотических тканей, кукол и головных уборов для реприз Попова.

В большом магазине Токио Олег, подсобрав денег, купил модную электробритву «Филипс», тогда это была мечта. Стоила бритва советскому артисту несколько дней работы. Ведь всем тогда платили одинаково мало. Не более 5–7 долларов в день — гроши совершенные, особенно для Японии. Там, если вы вдруг захотите съесть что-либо европейское, скажем, кусок жареного мяса, то надо выложить сумму, равную зарплате за три-четыре дня работы.

Попов купил «Филипс», вставил ее в сеть, чтобы попробовать, и бритва моментально сгорела. Он вспомнил, что в Японии электронапряжение 110 вольт, а бритву он купил и не переключил на другое напряжение. Бритва сломалась, а с нею сгорели и деньги за несколько дней работы.

Олег расстроился, но вспомнил, что руководитель гастролей и представители японского импресарио постоянно им говорили: «Друзья, если в гостинице возникают какие-то вопросы, нажимайте кнопку, на которой написано „servis“». Тогда к вам придет служащий гостиницы и как-то поможет». Он нажал кнопку.

Пришел служащий гостиницы, Олег показал сгоревшую бритву и вилку с розеткой. Расторопный мальчик сразу все понял, забрал бритву и куда-то исчез. Его не было около часа. А когда мальчик вернулся, в руках он держал абсолютно новую бритву. Показал, как переключать напряжение и пользоваться бритвой.

Олег полез в кошелек, чтобы достать деньги, мальчик тихо сказал: «No, no, sir. Servis». И ушел.

Сын хозяина, организатора всех гастролей, миллионера по фамилии Хомма, очень хорошо относился к Олегу. Посещать вечерние шоу или какие-то еще развлекательные учреждения советским артистам было категорически запрещено. Но когда Олега приглашал сын хозяина, руководители программы смотрели на это сквозь пальцы. Хомма-младший часто приглашал его в ночные заведения, в которых никогда не бывали советские люди. Олег был любознателен и посмотрел множество концертов, потрясающих шоу, которые ему как творческому человеку видеть было весьма поучительно.

Тогда же в их компании появился молодой переводчик, которого звали Адзума. Он учился в Московском университете и хорошо говорил по-русски. Молодой, симпатичный парень всегда сопровождал Олега и Хомму-младшего. Привязанность Олега к сыну импресарио была оценена. Сначала за ними очень подозрительно присматривал приставленный к артистам «дзержинский», но затем, видя, что Олег возвращается всегда в нормальном состоянии и не так поздно, он к нему претензий не имел.

Сын Хоммы очень много выпивал, но, как многие японцы, с большим трудом переносил алкоголь. Вскоре, уже после отъезда программы советского цирка, у него появилась зависимость и от алкоголя, и от наркотиков.

Его отец, Хомма-старший, был хозяином порядка пятидесяти отелей по всей Японии. Надо сказать, что в Японии не существует таксопарков. Все такси и очень большое количество автобусов принадлежат исключительно гостиницам. Поэтому Хомма-старший был чрезвычайно богат.

Однажды старик привез всех артистов, всю программу, на самый север Японии, к морю. Это было странное местечко: небольшое ровное плато и скала, у подножия которой на берегу моря расположилась крошечная деревенька.

Буквально несколько нищих домиков и дальше мрачное, бушующее море. На самой вершине этой скалы старший Хомма и устроил пикник. Артисты с удовольствием выпили легкого винца, съели по курице, послушали японскую музыку. А потом Хомма подвел всех к краю скалы и сказал: «Вот в этой деревушке я родился».

Впоследствии они узнали, что во время войны старший Хомма был бандитом, «якудза», и контролировал всю Северную Японию до Токио. Вот таким образом и стал он одним из самых богатых людей Японии.

Позднее наше посольство, оценив его влияние и мощь, разрешило ему проводить гастролы советского цирка.

А его сын уже после окончания гастролей начал спиваться. Пил и принимал наркотики. От горя старший Хомма умер. А сын оказался на грани совершенного разрушения личности. Очутился в наркологической клинике и оставался там долгие годы.

Вот тогда-то скромный переводчик Адзума, позднее Адзума-сан, служивший сыну и слугой, и доверенным лицом, и носильщиком, и шофером, попросил больного подписать какой-то документ. Не особенно вчитываясь в содержание, Хомма-младший подписал бумагу, по которой передавал переводчику Адзуме многие активы и право самостоятельно

проводить зарубежные гастролы.

Так в Японии появился новый крупнейший импресарио. Он начал самостоятельную деятельность в конце 70-х — самом начале 80-х годов.

Став импресарио, Адзума-сан не часто приглашал Олега в Японию. Всего один или два раза. Ведь Олег был свидетелем «рождения» этого крупнейшего в мире шоу-бизнеса магната.

Саня

Битва за место под солнцем всегда требует жесткости.

Ежедневная борьба за кулисами часто превращается в настоящую войну. Ведь «одолеть» соперника на манеже было недостаточно, надо выиграть «внутреннюю» борьбу со «своими». Надо доказать коллегам, часто великолепным артистам, чего ты стоишь и законно ли ты занимаешь первые места в «ложе успеха».

Бесконечная «авральная смена» сакральной службы манежу с утра и до поздней ночи, борьба с конкурентами требовали жертв. И жертвами этими становились самые близкие. Семья. Но бесконечная уверенность, что дома всегда ждут тепло, мягкость, душевная щедрость, успокоит любого сурового воина, вселит в него веру в себя, уверенность в победе.

Обычно тепло это бывает односторонним. Но такова судьба жен большинства великих людей — им достается только «изнанка» яркой жизни. Самые суровые герои приходят домой, чтобы залечить свои раны, чтобы хоть на время стать слабыми, беззащитными. А их женам остается только одно: терпеть.

Попов женился рано, в 22 года. Его знакомство с будущей женой произошло тоже по-клоунски анекдотично. Олег работал в цирке на Цветном бульваре. В тогдашних цирковых оркестрах, особенно в столицах, среди инструментов обязательно была скрипка. И вот в оркестре Московского цирка появилась совсем молодая девушка, юная, красавица еврейка, с потрясающими черными локонами. Она сидела отдельно, в самом углу оркестра, так что ее было видно с манежа. И все молодые артисты заглядывались на нее.

В том числе и один из многочисленных тогдашних партнеров Олега. Она ему понравилась, но он не знал, как к ней подступиться, и спросил совета у Олега. Олег сказал: «Ну ты ей что-нибудь подари! Или как минимум купи ей мороженое. Это будет знаком внимания. Или пригласи ее куда-нибудь в кафе». Клоун был скуповат: «Вот еще, буду я ей покупать мороженое, а потом в кафе водить...»

Олегу и самому эта девушка нравилась. Он и исполнил всю свою «программу»: подарил мороженое и пригласил ее в кафе.

Так в его жизнь вошла Саня. Александра Ильинична была очень домашним человеком. Она быстро родила Олегу девочку. Олег очень хотел

мальчика; он хотел продолжения цирковой династии, мечтал о сыне. Если бы родился мальчик, то он бы, конечно, назвал его Олегом, и это был бы Олег Попов-младший. Но у него родилась девочка, ее назвали Ольгой; почти что Олег.

Девочку отдали в цирковое училище, и Олег Константинович, несмотря на то, что очень много ездил, всегда оставался заботливым отцом. Он приезжал с гастролей, привозил многочисленные подарки жене и дочери.

Потом понял, что не хочет жить месяцами в отрыве от семьи, и решил создать для жены номер. Просто партнером его она быть не могла, она после родов располнела и была обаятельной женщиной с отнюдь не спортивной фигурой.

Но ведь Саня была первоклассным музыкантом, значит, и быть ей музыкальным эксцентриком! Она ведь окончила консерваторию и блистательно играла на скрипке.

В те времена лучшим образцом музыкальной эксцентрики был и многие годы оставался номер Амвросьевой и Шахнина. Эти муж и жена работали так: высокий и крепкий мужчина был одет в женское платье, а его маленькая обаятельная жена, потрясающая актриса Елена Амвросьева, была одета в мужской костюм. Между ними происходил конфликт, так как они никак не могли сыгаться, в результате огромная женщина-пианистка начинала играть на тромбоне, а мелкий мужчина пытался освоить рояль и вытворял всякие смешные штуки. В финале номера они переодевались, и все понимали, что огромная пианистка — это высокий красивый мужчина, а мужичок — это очаровательная длинноволосая женщина.

Недолго думая, Олег решил создать что-то подобное. Он нашел своей жене партнера, тоже музыканта, высокого и обаятельного клоуна. И они создали свой номер. Но Амвросьева и Шахнин были универсальными музыкантами и играли на разных инструментах, а Саня владела только скрипкой, поэтому часть номера была записана на магнитофон и шла под фонограмму. К сожалению, номер большим успехом не пользовался. Но долгие годы сопровождал Олега во всех его гастролях.

Постепенно за Олегом начали ездить и другие артисты, с которыми он дружил. В частности, появился номер с дрессированными очаровательными собачками Юрия Сосина. Замечательный, веселый номер и добрый, веселый и эксцентрический человек. Сосины были люди очень хлебосольные. И Олегу нравилось у них обедать. Ведь отношение к еде, как мы знаем, было у него священное.

Так вокруг Олега Попова образовалась целая полусфера: инспектор

манежа, клоуны-ассистенты и один-два номера из программы.

Олегу очень удавались клоунские пародии на цирковые номера. В частности, в те времена был очень популярен жанр силового жонглирования. Атлет — огромный человек с прекрасной фигурой — жонглировал гирями, бросал ядра себе на шею, в общем, проявлял чудеса силы и мощи. После окончания его номера Олег выходил со своей пародийной репризой «Гиря» и тоже изображал «силача», который поднимает «тяжелые» гири и штанги, однако в финале его разоблачали.

Для того чтобы играть эту репризу, пользовавшуюся очень большим успехом, Олег просил отдел формирования Союзгосцирка, чтобы вместе с ним **всегда** ездил номер силового жонглера. Обычно это был атлет по фамилии Гурьев. Он имел изумительную фигуру и исполнял все трюки силачей. Парень он был спокойный и покладистый, да и Олегу было приятно после него выходить на манеж со своей пародией.

Куба и Америка

Традиционно советских людей отправляли в страну «врага № 1» как на войну. Долго инструктировали, давали «важные» советы. Посылали только самых лучших.

А уже там, в этой самой вражеской стране, советские люди вдруг замечали, что враги живут словно на какой-то другой планете.

И все-то у них лучше, чем у нас, и все есть: и одежда, и обувь, и еда, и машины, и дома. Магазины ломятся от товаров. И живут так не только капиталисты — «кровопийцы», но и самые простые люди.

А вот когда после изнывающей от благоденствия Америки судьба актерская вдруг бросала их в полуголодную Гавану, где даже бананы, растущие на каждом углу, выдавались жителям только по карточкам, а владельцы домовых огороδικов во всеуслышание объявлялись «ненадежным (читай: вражеским) элементом» — то в головах самых правильных советских людей возникали вопросы, которые уже нельзя никому задавать («заложат — и больше не попадешь в капстрану»).

Да и только что появившийся артист Высоцкий поет: «Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!»

В начале 60-х годов между Советским Союзом и Кубой бурно декларировалась политическая дружба. Фидель Кастро много раз приезжал в Советский Союз. Его здесь очень любили. Не только правительство Хрущева, но и простые люди нашей страны. Его здесь называли Федя, наш Федя.

В это время начались гастроли советского цирка в США. Как всегда, выбирались лучшие номера, для того чтобы не ударить в грязь лицом перед «империалистами». Те должны были своими глазами видеть, какие шедевры создает наш строй! Ведь таких цирковых номеров в Америке и не было никогда. Сформировали мощнейшую программу. Клоуном был, конечно, Олег Попов. Работали они в десятке крупнейших городов Штатов с феноменальным успехом.

И тогда Фидель Кастро, будучи человеком прямым, обратился к Хрущеву: «Что происходит? Мы дружим с Советским Союзом, а наш главный враг получает лучшие цирковые программы! А мы, ваши друзья, так любим цирк и не имеем возможности увидеть замечательных артистов!»

Срочно было принято решение перенаправить всю программу на Кубу. Но поскольку между Кубой и США не было никаких отношений, то посольство СССР в США погрузило весь реквизит и всех артистов на корабль, который должен был зайти сначала в Венесуэлу, а потом, на обратном пути, на Кубу, чтобы не получилось прямого рейса из США. Этого не допустила бы ни американская, ни кубинская сторона.

И вот все артисты во главе с Олегом Поповым прибыли на Кубу. Их поселили в самой лучшей гостинице «Гавана Либра», которая еще совсем недавно была «Хилтоном». Им предложили работать в спортивном зале, который тоже когда-то был крупнейшим американским спортивным залом. Там они и работали с огромным успехом.

Это был 1961 год. В середине гастролей началась война в «Заливе свиней» (Кочинос). Американцы на десантных кораблях высадили группу «бывших кубинцев». Это были настоящие головорезы. Их отправили, чтобы не вводить на Кубу армию США, что привело бы к прямому конфликту с Советским Союзом. Якобы это была личная инициатива кубинских эмигрантов. Вооруженные до зубов, они высадились на берегу, и там началась серьезная боевая операция.

Фидель Кастро распорядился поставить «под ружье» все население. И мужчин, и женщин. Все, кроме детей, надели форму и взяли в руки оружие. Ему задали вопрос: «Здесь советская цирковая программа. Что делать с ними?» Фидель, не задумываясь, сказал: «Выдать форму и оружие».

И все наши артисты, включая Олега Попова, получили кубинскую форму и автоматы Калашникова. Правда, находились они далеко от первой линии атаки, но были готовы к боевым действиям, защищая независимость дружественной Кубы.

Золотой век советского цирка

Уже к 60-м годам в отечественном цирке сложился настоящий рынок зарубежных гастролей.

Во главе этого рынка были «вожделенные» для артистов самые преуспевающие страны — Япония, Австралия, ФРГ, США. Среди социалистических стран — Югославия и Чехословакия, потому что там можно было купить мечту советских людей — автомашину «Волга». Гастроли в другие соцстраны ценились значительно меньше.

Рынок диктовал свои условия: для того чтобы поехать в желаемую страну и заработать, нужно было иметь хороший цирковой номер. Это было неперенным условием того времени.

В те же самые годы началось колоссальное строительство новых стационарных зданий цирков во всех крупных городах СССР. Увеличение количества цирков автоматически привело к увеличению количества цирковых номеров.

Тогда-то и появились в советском цирковом искусстве целые «очереди» конкурентов — идентичных номеров в одном жанре. Например, «акробаты с подкидной доской» — эти «безбашенные» парни, которые взлетали на высоту шести-восьми метров, чтобы выкрутить несколько крутых сальто-мортале для удовольствия публики. Или номера «джигитов», которые на бешеной скорости исполняли опасные трюки на лошади и под ней, наводя своей кавказской экзотикой оторопь на публику. И этих номеров также возникали десятки, как и номеров с собачками, воздушных «вертушек» и хулахупов.

В каждом жанре шла жаркая битва за первенство. И если в одной труппе акробат выкручивал три сальто-мортале, то другая уже готовила новый трюк — например «тройное сальто с пируэтом».

Победителю доставался приз в виде гастролей в самую богатую страну. Так, путем рыночной конкуренции, или «социалистического соревнования», в отечественном цирке возник высочайший уровень цирковых номеров, который бесконечно улучшался и совершенствовался.

Клоунов, конечно, оценивали по смеху в зале и по умению «раскачать» публику не только у нас, но и за рубежом.

В эти годы Олег Попов придумывает огромное количество реприз.

К нему приходят партнеры с особыми комическими данными.

Достаточно назвать Якова Моисеевича Шехтмана, который работал свой, не похожий ни на кого номер. Это был «человек-фонтан». Он мог выпить 10–12 литров воды, а потом, нажав на живот, выпустить из себя фонтан чистой воды.

Олег очень часто использовал этот трюк в своих репризах. У него были разные партнеры. Вместе с ними он создавал и изготавливал реквизит. Он первым построил клоунскую машину и ездил на ней по манежу. Потом машина разваливалась, а он безуспешно пытался собрать ее.

Большинство «стариков» того времени его по-прежнему не принимали, потому что он был очень молод. И, конечно, их злил его успех.

Да, они видели, что Олег труженик, а это главный комплимент для циркового артиста. Труженик — это человек, который репетирует и утром, и вечером, и перед представлением. Но ведь к Олегу успех пришел «слишком рано», ему уделялось слишком много внимания со стороны прессы, правительства, импресарио. Это неприятие было замешено на зависти.

Но приезжая в цирк со своей командой и начиная работать с программой, Олег регулярно доказывал, что является настоящим «генералом» цирка, не меньшим, чем они.

В частности, в день премьеры обычно составляется последовательность будущей цирковой программы. В этом процессе обычно принимают участие инспектор манежа и клоун. Хороший инспектор, или «шпрех», расставляет, режиссирует программу по темпоритму, чтобы не потерять интерес зрителей. Также он учитывает все технические сложности подготовки к номеру. Клоун же расставляет имеющиеся у него в арсенале репризы в тех паузах, которые технически необходимы. Если, например, идет снятие сетки, воздушного полета, или установка этого же полета; если устанавливается тяжеленная «центральная» клетка из железных секций вокруг манежа, чтобы могли работать хищники, — эти многоминутные паузы в представлении требовали от клоуна достаточно больших усилий.

Когда множество людей бежит по манежу, это отвлекает. Клоун должен найти точку в зале или вокруг манежа для того, чтобы зритель практически не замечал этих мельканий, а сосредоточил все свое внимание на нем. Клоун в любой ситуации должен находить возможность занимать и веселить публику. Очень часто в составление программы грубо вмешивались звездные «гастролеры». Они заслуженно считали, что это их программа, и «рулили» ею по своему усмотрению.

Таковыми цирковыми «богами» были Филатов, Дуровы, Кио и некоторые

другие. Эти «генералы», как и Олег, возили за собой несколько номеров друзей и родственников. Поэтому в одной программе они часто сталкивались друг с другом. Одну группу привез с собой «гастролер», другую — Олег. А ведь в программах Олега Попова собирали только лучших артистов.

Однако так было не всегда. Иногда его просили поехать в Сибирь или на Дальний Восток, для того чтобы «взорвать кассу» и поднять интерес у публики в тех городах, где зрители перестали ходить в цирк. Тогда он приезжал с простой, очень недорогой программой, без «гастролеров».

Но в те годы возрастные и «звездные» артисты всегда «продавливали» свое мнение и доказывали, что программа должна быть такой, как им хочется. Часто это было вопреки, а иногда и просто назло клоуну.

Олег очень жестко спорил со старшими, доказывая правильность своей позиции. Это не было капризом. Олег выстраивал программу так, как было удобно для зрителей, для обслуги. А также для клоуна, чтобы показать себя в лучшем виде. Внутри общецирковой программы у клоуна имеется своя «клоунская программа»: от менее смешной к самой смешной репризе.

Старшие «гастролеры», как правило, не соглашались с его вариантами не потому, что он предлагал плохое, а потому, что они хотели показать свою власть. Показать, что они здесь хозяева и руководители. Нередко это приводило к закулисным скандалам.

Однако все уже знали, что Олег просто так свои позиции не сдает. Если речь шла о цирковой программе — главном деле его жизни, то он бился до последнего.

В 60-е годы еще большее значение приобретает для него семья. Саня становится артисткой цирка и с головой погружается в цирковую жизнь. Она берет на себя все тяготы цирковой семьи: переезды, упаковка-распаковка личных вещей. Цирковые неудобные кухни, контакты с женами партнеров и завистников, бытовые конфликты.

У Олега подрастает дочка Ольга. Когда ей исполнилось четырнадцать, ее отдали в цирковое училище — то же, которое заканчивал Олег. И жанр ей предложили близкий к тому, что делал Олег Попов. Она стала готовить номер «Танцы на проволоке». Девушка была миловидная и успешно окончила училище. Работать начала, конечно, в программе отца.

В это время в советском цирке на манежах блистали несколько изумительных жонглеров экстра-класса. Таких как Аберт, Сергей Игнатов. Одним из лучших в те времена был молодой выпускник циркового училища Евгений Беляуэр. Высокий, стройный, черноволосый парень

носил прическу, как у «Битлз». Он буквально «зажигал» зал своим жонглированием. В финале номера виртуозно жонглировал тремя предметами и при этом энергично крутил головой. В него влюблялись многие девушки. Влюбилась и Ольга. Когда они поженились, многие друзья Евгения, шутя, дразнили его, говорили, что он женился на «золотом мешке». Многие были уверены, что для него это был брак по расчету. Евгения это очень задевало. Ведь у них с Ольгой действительно были настоящие чувства.

Олег, мечтавший о внуке, просил их, если родится мальчик, назвать его Олегом. Обещал, если они так сделают, сразу подарить им машину. Машина в те времена была предметом всеобщих мечтаний, купить ее было очень сложно, да и по деньгам мало кто мог позволить заплатить 5 тысяч рублей при зарплате 120–180 рублей в месяц.

Евгений Беляуэр был человеком амбициозным и тоже представителем цирковой династии. Ему тоже мерещилась слава и «звездная дорога», ведь он, как и всякий артист, считал себя не хуже Олега Попова и искренне верил, что его жизнь сложится еще более успешно. И когда у Ольги родился сын, то он назвал его Евгением — в свою честь. И мальчик вместо того чтобы стать продолжателем Олега Попова, стал продолжателем Беляуэров. Но продлить карьеру отца у него, увы, не получилось.

Так наметился разрыв между дедом и внуком. С каждым годом углублялся и разрыв между Олегом и дочерью и зятем. Олег очень тяжело это переживал. Он обиделся на дочь. Ему казалось, что внук мог стать его красивым продолжением и принять на себя часть его славы.

Однако Олег всегда помогал дочери. Он покупал ей дорогие подарки, часто по просьбе жены решал ее финансовые и квартирные вопросы. Но история с продолжением династии его сильно обидела. В цирке династии очень развиты, и Олегу, конечно, хотелось, чтобы рядом с династией Дуровых, Корниловых развивалась династия Поповых.

В конце 60-х годов Олег, к тому времени народный артист РСФСР, был чрезвычайно популярен на телевидении. О нем много писали, его снимали в кино. За рубеж он выезжал не менее двух-трех раз в год. А эти гастроли приносили достаточно серьезную прибыль всем артистам.

Артисты покупали «за бугром» только дешевые вещи, на дорогие у них было недостаточно денег. Но покупали они с умом — только то, что было острым дефицитом в нашей стране.

Был период в начале шестидесятых, когда в стране практически не было мужских носков, и артисты цирка привозили мешками нейлоновые носки самой невероятной окраски. Потом наступила мода на парики, и

артисты начали привозить их сотнями. Конечно, таможенники об этом знали и частенько хватали «за шиворот» зарвавшихся «контрабандистов». Методы таможенников с годами совершенствовались, но и наши артисты изощрялись. Они прятали товары так, что даже самые опытные таможенники не могли найти.

Десяток часов «Seuko» завязывали в непромокаемый мешок и опускали в бидон с краской, а полсотни париков закладывали на дно клетки с тигром, под которой обычно предусмотрен второй пол. Конечно, никакой таможенник не залезет в клетку к хищнику посмотреть, не лежат ли там пачками женские колготки или джинсы «Levis».

Во время работы Олега в Италии началась повальная мода на болоньевые плащи, которые стоили там копейки. И большинство цирковых артистов тратили все свои суточные на покупку этих плащей. Затем их укладывали в огромные деревянные, похожие на гробы ящики с рабочим реквизитом. В конце гастролей их утрамбовывали ногами.

В каждой стране за нашими артистами ходили филеры местных спецслужб. Они следили, не передают ли артисты какую-либо информацию. Иногда случалось, что эти филеры в трудный момент могли выручить артиста, если он заблудится или попадет в какое-то дурацкое положение. С нашей стороны в каждой цирковой программе за рубеж выезжало от одного до пяти офицеров советских спецслужб. Они присматривали за артистами и выполняли собственные миссии.

Крупным зарубежным изданиям не нравилось, что показ достижений советского цирка шел под лозунгами пропаганды советского строя. Местные журналисты не упускали возможности посмеяться над бытом советских артистов, над их бедностью, скаредностью, особенно над тем, что они закупают в таких количествах. И решили устроить грандиозный скандал.

Местом для скандала был избран город Неаполь, из которого уплывал кораблем цирковой багаж.

Программа отработала с огромным успехом, погрузила свой реквизит и «покупки» артистов в деревянные ящики, закрутила их на мощные болты и перевязала канатом на всякий случай. И когда все эти ящики были доставлены в порт, их сложили на паллет, и огромный портовый кран медленно с разворотом понес их на высоте птичьего полета над портом. Миновал водное пространство, и уже над пирсом неожиданно большая часть ящиков «случайно» раскрылась прямо в воздухе (что теоретически было невозможно: ящики были закручены плотно на болты). И из них разноцветным дождем посыпались на пирс десятки тысяч болоньевых

плащей. Они падали не «комками», а развернувшись в воздухе, превращались то ли в осенние листья, то ли в парашюты.

Весь этот «цветной десант» довольно долго сыпался на пирс. «Совершенно случайно» здесь же оказалась телевизионная камера с прямой трансляцией, многочисленные фотокамеры снимали все это богатство. Скоро появилась статья «Русская программа едет домой спекулировать болоньевыми плащами», «цветной дождь» показали в новостном блоке на телевидении. И очень долго ветер гонял разноцветные плащи по прибрежному пирсу.

...В 1969 году Союзгосцирк готовился к празднованию очень важной даты — 50-летию советского цирка. Государственный цирк в нашей стране создан был по указу Ленина 26 августа 1919 года. Тогда были объединены балаганы, частные цирки. С этого дня советский цирк ежегодно проводил свои праздники. Масштабно отмечались и 30-летие, и 40-летие.

Правительство всячески поддерживало и поощряло цирк. Потому что это было поистине народное искусство. Но были в истории советского цирка и непростые времена.

Один старый артист рассказывал, что сразу после войны все цирки страны пустовали, «горели». Потому что цирковое искусство, как и всякое другое развлечение, напрямую зависит от состояния экономики в стране.

Кто пойдет в цирк, когда в доме нет хлеба, когда вокруг голод и холод? С 1945 года до середины 50-х в цирке было очень мало зрителей.

Артисты цирка вспоминают это время как время «авизо». Директор цирка сообщал программе, что выплатить зарплату артистам он не может. Вместо зарплаты он выдает справку, называемую «авизовка». И они отправляются в следующий город за государственный счет, чтобы там, если будет успех, получить невыплаченную зарплату.

Многие семьи так с «авизовками» и ездили по несколько лет. И весь этот ужас длился много лет. У людей в тот послевоенный период уже не было привычки ходить в цирк. Цирк как-то существовал сам по себе. Общество отвыкло от него.

И вдруг происходит чудо. Уезжает наша первая программа за рубеж и привозит оттуда фантастический успех. Надо сказать, этот успех широко подогревался всеми средствами массовой информации Советского Союза. Тогда-то советское общество вдруг осознает, что рядом с ними, здесь, живет великое искусство.

В истории России было много случаев, когда успех привозился из-за границы. Какой-то артист, на которого еще вчера никто не обращал внимания, вдруг возвращается с успешного конкурса или гастролей, и

зрители с ошеломлением обнаруживают, что среди них живет «звезда».

И тогда наступил «вал» зрительского интереса к нашему цирку. Начинается «золотой век» российского цирка.

Руководство страны хорошо понимало, что есть виды развлечений, которые необходимы тяжело работающим людям. Это те виды, которые не заставляют сильно думать. Главными видами такого развлечения были футбол и хоккей. На Западе футбол и хоккей считаются разновидностями шоу-бизнеса. Их «звезды» получают немереные гонорары потому, что собирают многомиллионные аудитории у экранов телевизоров.

Но следом за ними по популярности был, конечно, цирк. Вот тогда и возникла идея у руководства Министерства культуры построить цирки во всех областных центрах Советского Союза.

Выяснилось, что в бюджете для этого специальных денег нет. А цирк уже приносил большие деньги государству. И правительство приняло решение выдать цирку ссуду. Построить цирки, которые навсегда останутся собственностью Союзгосцирка, а затем цирк будет эти ссуды возвращать назад государству. Так не поступали ни с одним видом искусства — ни с театром, ни с кино, ни с филармониями. Везде государство объекты культуры строило безвозвратно.

Так и договорились. И все 60-е и 70-е годы в стране шло массовое строительство цирков. Правительство хотело, чтобы у народа было его любимое народное развлечение. Цирки строились практически во всех областных городах. Выбирались лучшие места в городе на центральных улицах или площадях, часто по соседству с обкомами или горкомами партии.

А когда построили эти цирки — выяснилось, что теперь в стране не хватает уже цирковых номеров.

Выход нашелся — разрешили артистам работать вторые и третьи номера, приглашать на манеж детей, чтобы они тоже участвовали в представлениях. Так постепенно вырастали будущие цирковые династии.

Тогда же родилась мысль приглашать в цирк бывших спортсменов. Их переучивали, обучали цирковой специфике, актерскому мастерству.

Так и появилось понимание «трех источников и трех составных частей» циркового искусства.

Главным источником всегда была и остается цирковая семья. Дети артистов цирка, часто в прямом смысле, вырастают на манежах. Они проводят здесь все свое свободное время. Даже если они ходят в детский сад или школу — все остальное время они проводят в цирке. Они наблюдают, как репетируют старшие, смотрят, как кормят животных, как

готовятся клоунады. Они вырастают в этот мир с рождения и, конечно, хотят, как все маленькие дети, стать артистами цирка. Часть из них, повзрослев, уходит в другие профессии, но бо́льшая часть остается на манеже.

Второй составной частью для рождения будущих артистов цирка является цирковое училище. Когда-то оно было единственным в стране, говорили, что оно чуть ли не единственное в мире. Потом появилось цирковое училище в Киеве, потом в Тбилиси. В Советском Союзе было три цирковых училища. Туда брали детей с четырнадцати лет. Это был своеобразный техникум. Сначала все дети обучались общим дисциплинам, жонглированию, акробатике, эквилибру. Потом видели, какие предпочтения есть у девочки или у мальчика. И начиная с третьего курса готовили уже персональный номер для будущего артиста.

Третьим источником появления цирковых артистов являлся спорт. Как правило, основным жанром его была акробатика. Постепенно с развитием спортивной гимнастики в цирк стали приходить и мастера, и чемпионы из этого жанра. С развитием такого вида спорта, как «прыжки в воду», исполнителей в воздушные полеты, где требуется в падении выкручивать несколько сальто-мортале, вольтижéров, стали брать именно оттуда.

Цирк 60-х стал принимать черты фундаментальности. Выдающийся деятель нашего цирка Николай Павлович Барзилович объединил всех одиночек-режиссеров, пришедших в цирк из эстрады или театра. В Измайловском проезде он создал и построил уникальное здание цирковой студии. Здесь готовились новаторские номера. Работали изумительные режиссеры, балетмейстеры, художники. В студии имелось конструкторское бюро. Для всех талантливых исполнителей режиссер в студии придумывал номер, художник рисовал костюмы, реквизит. Мастерские все это изготавливали.

В эти же шестидесятые в ГИТИСе (Государственном институте театрального искусства) создается заочное отделение цирка (очное появится позже). Друг Олега Попова Марк Местечкин, выдающийся советский цирковой режиссер, вместе с Никитой Сычкиным создает на эстрадном отделении отделение режиссеров цирка. Первый набор режиссеров цирка был, конечно, «звездным». Там были и Котова — Ермолаев, там был Запашный, там был и будущий народный артист СССР режиссер Виль Васильевич Головкин.

Главное событие должно было произойти 26 августа 1969 года. К 50-летию советского цирка Марк Местечкин создал потрясающую юбилейную программу в цирке на Цветном бульваре. Достаточно сказать, что там работали все лучшие клоуны. В одной репризе встречались Олег Попов,

Юрий Никулин и Карандаш.

Юбилей цирка был делом государственным. Государство очень ценило и идеологическую роль цирка, и ту финансовую помощь, которую оказывал цирк, привозя валюту из-за рубежа. Всесоюзному объединению Союзгосцирк был присвоен орден Ленина — высшая награда страны.

Празднование юбилея цирка обсуждалось на заседании политбюро. Огромное количество наградных списков, десятки заслуженных артистов России, множество народных артистов РСФСР, сотни медалей и орденов. Пять человек в 1969 году получили высшее звание народного артиста СССР: Михаил Николаевич Румянцев (Карандаш), Ирина Николаевна Бугримова, Евгений Тимофеевич Милаев, Валентин Иванович Филатов и — Олег Константинович Попов. Он был самым молодым в этом списке. В 1969 году ему исполнилось 39 лет.

«Лечение смехом»

Юмор — явление чрезвычайно деликатное, тонкое и неоднозначное.

Бывает юмор ироничный, саркастичный, самобичующий, а бывает едкая сатира — уничтожающая предмет насмешки.

Бывает юмор мудрый, философский, острое наблюдение, зацепившее в жизни что-то смешное, хлесткое сравнение со смешным явлением.

Не часто у юмориста рождается неожиданный мощный символ. Попробуй рассмешить зал, в котором рядом сидят высоколбые интеллектуалы и уличные алкоголики.

Огромное распространение с приходом Диснея получил так называемый «болевой» смех. Том гонится за Джерри, кладет лапу на стол и вдруг получает по ней со всей дури молотком. Да не просто так, а удар по каждому пальцу в отдельности. От боли пальцы раздуваются и краснеют, как ошпаренные. В ушах раздается паровозный гудок. Ну разве это не смешно??? Так думал Дисней, а с ним и миллионы зрителей по всему миру.

Присутствовал «болевой» смех и в ранних фильмах Чаплина и Бастера Китона. Многие кинокомики и цирковые клоуны пользовались «болевыми» шутками в разумных пределах.

И вот появился Норман Уиздом со своим «мистером Питкином». Особенно в фильме «Мистер Питкин в больнице» «болевой» юмор развернулся во всей своей широте. Успех был триумфальный. И что вы после этого прикажете делать остальным комикам и клоунам всего мира? Ведь сочинить что-нибудь смешное очень трудно, а тут вот он прямо под ногами — валяй, шути! Публике нравится.

Олег всегда успешно работал в разных цирках страны. В том числе и в главном — на Цветном бульваре. К нему там очень хорошо относились буквально все — и дирижер, и главный художник, и балетмейстер, но особенно — инспектор манежа. Старейший инспектор манежа, или, по-цирковому, шпрехшталмейстер, Александр Буше взял поначалу над ним покровительство. Он явно увидел в молодом клоуне будущую большую звезду.

Особого внимания удостоился Олег со стороны главного режиссера цирка, выдающегося знатока этого редкого вида искусства, художественного руководителя Московского цирка на Цветном бульваре Марка Соломоновича Местечкина.

Между ними возникла настоящая дружба. Они часто вместе с женами выезжали куда-нибудь за город или отправлялись на шестой этаж ресторана «Пекин» «на шашлычки». Так складывался этот творческий союз. Марк Местечкин, будучи на 30 лет старше Олега, умел дружить с молодежью.

Во время этих встреч и посиделок у них и родилась идея создания уникального клоунского спектакля. Испокон веков «коверный клоун» играл в программе «вторые роли». Так было в старые времена. Но не сегодня.

В «старом цирке» главным артистом цирковой программы всегда был «гастролер». Это человек, который заканчивал всю программу. У него были или дрессированные лошади, хищники или слоны, или же очень крупный аттракцион, такой, как у Кио. Имя «гастролера» писалось на афише. На него в основном и шла вся публика. Все остальные артисты были как бы «гарниром» для «основного блюда».

Клоун часто исполнял чисто технологическую задачу — заполнение пауз. Когда это был хороший клоун — он был украшением программы. Его запоминали. Но никогда даже такой клоун, как Олег Попов, в неписаных цирковых законах не мог сравниться с главным «гастролером» по значимости в программе.

Так было до Олега Попова. Точнее сказать, до Карандаша. Потом уже пришло время Попова.

Марк Соломонович Местечкин предложил Олегу совершить этот прыжок, очередной рывок вверх. После этого Олег должен будет занять уже совсем другое место во «внутреннем цирковом рейтинге», главном для любого артиста.

Этим рывком и стало создание в 1965 году «клоунского спектакля» в Москве. В таком спектакле уже клоун становился главным героем всей программы и уже под себя подбирал цирковые номера.

Как раз тогда в советском прокате появилась английская кинокомедия «Мистер Питкин в больнице» с Норманом Уиздомом в главной роли. Фильм вызвал восторг у зрителей, и многие клоуны, включая Олега, старались в своих клоунадах использовать больничную тему, появляясь то на костылях, то перебинтованными с ног до головы. В клоунаде также бывают модные поветрия.

Родилась идея, что Олег Попов во всех своих репризах и клоунадах будет появляться в образе доктора. А его партнеры и приглашенные в репризу артисты цирка станут изображать пациентов, которые приходят к нему на прием. Подобных реприз собралось немало, хотя пришлось дописать несколько новых. Одна из реприз называлась «Зуб». В то время наша стоматология была настолько на низком уровне, что все процедуры,

которые проходили у стоматологов, воспринимались как пытки. И Олег показал такого горе-стоматолога, который с помощью разных комических ухищрений «выдирает» огромный зуб у своего пациента.

Очень большим успехом пользовалась реприза «Утопленник». Здесь использовался талант Шехтмана. Того самого «человека-фонтана». Дежурный врач (Олег) сидел за своим столиком и делал вид, что кипятит шприцы в специальной железной коробочке на плитке (тогда еще не были изобретены одноразовые шприцы). На самом же деле он в этой железной коробке варил себе сосиски. Потом на носилках в манеж приносят утопленника: говорят, что он только что утонул и его еще можно спасти.

Олег наступает на огромный живот этого утопленника, и из него извергается целый фонтан воды. Доктор требует паспорт. В паспорте оказывается, что утопленник прописан в другом районе города. Возмущенный доктор кричит: «Так он же не из нашего района!! Идите и утопите его обратно!»

В создании этого спектакля принимал участие выдающийся балетмейстер своего времени Петр Гродницкий, который был фактически правой рукой Местечкина.

Эта клоунская история, пронизанная медицинской тематикой, с помощью специальной музыки, декораций и великолепной хореографии стала значительным событием в театральной жизни Москвы. Там было множество танцев медсестер, пациентов на костылях. Но одним из самых запоминающихся был «танец скелетов». Доктор делал какие-то рентгеновские снимки, и вдруг из этих негативов «оживали» скелеты. Девушки балета были затянуты с головой в черное трико, на котором светящейся краской были изображены кости. При специальном свете «кости» так ярко светились, что кроме них ничего не было видно. Это был новаторский по тому времени прием.

Успех был неимоверный, спектакль от души развлекал публику, напоминал смешные «цитаты» от «мистера Питкина», восхищал новыми и классическими репризами Олега Попова. Назвали этот спектакль «Лечение смехом». И смысл его заключался в том, что лучшим лечением для здорового организма является здоровый смех. В здоровом теле — здоровый дух.

Об Олеге снова заговорила пресса. Его чаще стали приглашать на телевидение. Для себя Олег считал главным результатом этого шоу сочиненные вместе с Местечкиным новые клоунады.

Это событие 1965 года было очень важным для окончательного становления актерской индивидуальности. Да и в творческой жизни оно

стало заметной вехой. Клоунский спектакль «Лечение смехом» вознес Олега Попова в цирковом искусстве на новый пьедестал. С этого момента его признают равным себе даже такие звезды циркового искусства, как Филатов, Волжанский, Бугримова, Карандаш, Кио, Милаев. Во время репетиций этого спектакля Олегу исполнилось тридцать пять лет.

Гастроли в США

Конечно, Америка 73-го разительно отличалась от Америки 61-го или 62-го. Тогда, после Карибского кризиса, напугавшего весь мир ужасом близкой смерти, русские казались доступными для диалога. С ними можно было спорить, каждый мог доказывать другому преимущества своей системы.

В 1973-м уже все очевидно. Американцы окончательно победили в космосе, высадив экспедицию «Аполлон-11» на Луне. Их образ жизни лучше, сытнее. Холодная война вступила в период разрядки.

Снова показалось, что можно договориться и остановить стремление уничтожить друг друга.

Хотя война во Вьетнаме говорила об обратном: там ведь в открытую, на земле и в воздухе, друг с другом воевали солдаты обеих супердержав.

Главным аргументом, несмотря на политику сдерживания, по-прежнему оставалась бесконечная гонка вооружений. Кто кого? В море, на земле, под водой и в космосе. Американцы уже более не строили приличных домов без бомбоубежища. Опасно.

70-е. Время расцвета длинноволосых хиппи и шока сексуальной революции. Время длиннющих и широченных лимузинов, невероятных клёшей на брюках, рубашек апаш, огромных шаров кудрявых волос на головах в стиле Анджели Дэвис. Америка эпохи Зорина — такой «желанный, вожденный» главный враг СССР.

В 1973 году, после долгого перерыва, связанного с противостоянием Советского Союза с Соединенными Штатами Америки из-за вьетнамской войны, наметилось некоторое политическое потепление. В качестве знака такого потепления и была направлена на гастроли в США одна из лучших советских цирковых программ.

Это была очень престижная поездка. Попасть в нее было трудно. Лучшим аттракционом нашей страны по праву считался «Медвежий цирк» Валентина Ивановича Филатова. Только ему доверялась честь вносить знамя Союзгосцирка на всех праздниках и больших торжественных заседаниях. Этим он фактически признавался Главным артистом советской цирковой организации.

Валентин Филатов в цирковом искусстве совершил революцию. Номеров с медведями в российском и советском цирке исстари было

великое множество. И скоморохи, и придворные шуты, развлекавшие царей и князей, всегда использовали так называемую «медвежью потеху». Можно вспомнить и пушкинского «Дубровского», где в качестве дикого развлечения с приезжими гостями использовался прикованный к цепи медведь.

Медведь всегда был зна`ком русского праздника. И, к сожалению или к счастью, представители других культур постоянно сравнивали русский характер с медвежьим. И до нынешнего времени, когда говорят о русских, часто подразумевают бешеного, агрессивного медведя.

Но медведь очень сложное и опасное животное. Специалисты знают, что он опаснее других хищников, потому что у него, в отличие от кошачьих, абсолютно не виден момент агрессии и атаки.

Если на вас нападает тигр, вы слышите его злобное урчание, как у кошки, видите его вздыбленную шерсть, поднятый хвост, выпущенные когти. А медведь — это «студень», который вращается около вас и резко атакует в самый неожиданный момент. Причем это животное очень ловкое. Попытка убежать от медведя в лесу редко может увенчаться успехом, потому что медведь на четырех лапах развивает скорость до 60 километров в час. Укрыться от него невозможно. Он накрывает человека своей тушей и ломает ему позвоночник. Очень опасное животное.

Часто дрессировщики медведей носят на себе царапанные и рваные раны. Особенно опасно, когда медведя надо выпустить из клетки и надеть на него намордник. Вот в этот момент он непредсказуемо жесток и опасен.

Валентин Иванович Филатов в совершенстве овладел искусством дрессуры медведей. Так и появился «Медвежий цирк». Это чудо, созданное в 1949 году, существует до сих пор уже многие десятилетия и поражает тем, что медведи скопировали, спародировали, иногда лучше, чем люди, практически все цирковые жанры.

У Филатова медведи ездили на велосипедах, управляли мотоциклами, ходили по канату. Он придумал номер антипод: научил медведя, лежа в специальном декоративном корыте, жонглировать несколькими предметами задними ногами. Его медведи, как гимнасты, летали в воздухе, стояли на катушках на передних лапах.

Одной из самых популярных интермедий у многих клоунов был «бокс». Эта клоунада передавалась из века в век и всегда исполнялась по-разному. У Чарли Чаплина это был один бокс, у Леонида Енгибарова другой. А Филатов разыграл эту клоунаду с медведями.

Практически Валентин Иванович не оставил следующему поколению дрессировщиков медведей никакого коридора. Он забрал и исполнил с

медведями трюки всех цирковых жанров. То есть создал чудо, реальное чудо.

После него через многие годы только один Владимир Дерябкин добился феноменального успеха в дрессуре медведей — за счет того, что пошел другим путем. Он не стал учить медведей цирковым трюкам, а начал учить их актерскому мастерству, точнее, натаскивать на комедийные, артистические ситуации. После «Медвежьего цирка» Владимир Игнатьевич Дерябкин создал уникальный аттракцион «Медвежий театр миниатюр». И там действительно медведи выступали и как артисты, и как клоуны.

«Медвежий цирк» Валентина Филатова на американских гастролях заканчивал второе отделение и, конечно, пользовался потрясающим успехом. Первое отделение на тех престижных гастролях заканчивал второй по масштабу аттракцион. Это был аттракцион канатоходцев Волжанских.

Морис Чалфин, знаменитый импресарио, традиционно проводивший гастроли советского цирка в США, считал канатоходцев Волжанских лучшим номером всего мирового цирка. По окончании гастролей в США он пригласил к себе руководителя советской программы Дмитрия Калмыкова. У Чалфина с Калмыковым были давние добрые отношения. Они постоянно подкалывали и разыгрывали друг друга.

Чалфин сказал:

— Дмитрий, я дарю этот огромный двухскоростной, вращающийся зеркальный шар Волжанским. Это дорого.

Тогда шары только появились как украшения дискотек и танцполов. Под потолком крутился шарик, и если на него направить лучи разноцветных прожекторов, то по всему пространству бегали огромные зайчики. А это был огромный полутораметровый, двухскоростной гигант — чудо тогдашнего шоу-бизнеса.

— Но я дарю этот шар только Волжанским. Знаю, у вас в стране все общественное, но это только Волжанским!

Калмыков с юмором ответил:

— Нет, у нас такой общественный строй, социализм. У нас всем все поровну. Поэтому мы возьмем большой нож и разрежем этот шар как арбуз и раздадим всем участникам программы по дольке.

Старик Чалфин затопал ногами:

— Нет. Только Волжанским. Я вас знаю, русских.

Один из Волжанских рассказывал, что когда он впервые встал на канат под куполом цирка, а в зале включили прожекторы и осветили зеркала этого огромного шара, он чуть не упал от головокружения.

Итак, Волжанские заканчивали первое отделение.

Перед выездом в США к программе возникло пристальное внимание. Артистов постоянно инструктировали, напоминали, что в Америке плохое отношение к русским, к Советскому Союзу. Обучали, как надлежит вести себя в сложных политических ситуациях. Требовали опасаться всяческих провокаций, диверсий, разведывательных, шпионских интриг и пр.

В конце подготовки выяснилось, что один из артистов заболел. Редкий случай, когда в одной из самых важных, самых вожделенных поездок вдруг оказалась вакансия. Руководитель гастролей в США Калмыков, открывая очередную программу в своем Тульском цирке, вдруг увидел юного выпускника циркового училища — Сергея Игнатова. Это был очень красивый высокий блондин с длинными до плеч волосами. И абсолютный феномен жонглирования. Тогда его никто не знал. А после этих гастролей Сергей заслужил титул лучшего жонглера в мире. Вместо девяти он бросал одиннадцать колец, а это был абсолютный мировой рекорд в жонглировании.

Но, уж конечно, совершенно не случайно клоуном на этих гастролях был высочайше утвержден Олег Константинович Попов. Тогда уже, несомненно, лучший клоун Советского Союза.

Во время подготовки к этим гастролям произошла досадная бюрократическая путаница, которая стала причиной большого конфликта в дальнейшем.

Валентин Иванович Филатов был старше Попова на десять лет. Он уже много лет был признанным лидером советского цирка. Ни с кем не посоветовавшись, Союзгосцирк издал приказ, в котором назначил «художественным руководителем» гастролей в США народного артиста СССР Олега Попова.

И совсем не важно, что будет делать художественный руководитель. Будет ли он расставлять программу, которая уже сто раз расставлена дома, или изменять что-то в номерах... Важно, что именно ему доверена честь быть художественным руководителем гастролей. А значит, получается, что именно он и есть первый и главный артист программы.

Это сразу произвело эффект разорвавшейся бомбы. Программа мгновенно разделилась на две части. Кто за Попова, кто за Филатова. Это взбудоражило всех, а в программе было около ста человек.

Филатов был человеком чрезвычайно эмоциональным. Иногда он позволял себе крепко выпить. В такие моменты он не мог сдерживаться. Назначение Попова художественным руководителем программы он воспринял как кровную обиду, и не столько со стороны Попова, сколько со

стороны руководства Министерства культуры СССР и Союзгосцирка. Этот приказ крепко отравил ему жизнь на все время гастролей.

Программа приехала в Нью-Йорк. Поселили всех артистов в лучшей тогда гостинице «Хилтон». Гонорары были очень маленькими, их даже называли суточными. По факту всем артистам выплачивался гонорар, составлял он, скажем, 100 долларов, но артист на руки получал только 15 долларов. Остальные деньги руководители программ сдавали либо в посольства на местах, либо привозили в Москву и отдавали в странную организацию под названием «Госконцерт».

Так платили всем артистам. И Олегу Попову, и Филатову, и ассистенту номера — одинаково. Это была абсолютно советская система.

Правда, импресарио всегда находили возможность добавить для звезд — Филатова, Волжанского, Запашного, Попова — какую-нибудь пятерку за руководство или еще за что-нибудь. Хотя в целом царила сплошная уравниловка.

Животных и реквизит с костюмами разместили в главном спортивно-концертном комплексе Нью-Йорка — «Медисон-сквер-гарден», легендарном зале со своей спортивной и концертной историей. Здесь проводились крупнейшие боксерские и хоккейные баталии, а также крупнейшие рок-концерты всех самых известных звезд мировой эстрады. Зрительный зал был рассчитан почти на 20 тысяч зрителей.

С первых же представлений начались провокации в зрительном зале. Немудрено. 1973 год — пик холодной войны. В зал приходили какие-то люди с мегафонами, кричали, что в Советском Союзе происходит травля евреев, что им не дают выехать и пр. Во время представлений несколько раз взрывались самодельные бомбы, хлопушки, которые, впрочем, не наносили никому ущерба, по залу разбрасывали пузыри с бычьей кровью, поднимали лозунги. Главной целью этих провокаций было сбить успех советских артистов, остановить поток зрителей. После представления к этим «демонстрантам» подходили пожилые господа и тут же на глазах у зрителей рассчитывались с ними. В зале было, конечно, огромное количество полиции, но американская публика сама брала за шиворот и выдворяла этих хулиганов с требованием не мешать представлению.

Советский цирк в очередной раз потряс американцев своими великолепными номерами с очень красивыми людьми в изумительных костюмах. Для публики это было откровением.

В Америке цирк очень развит и очень любим. Там есть несколько цирков мирового уровня. В частности, в Нью-Йорке многие годы работает цирк «Big apple» (так называют жители свой город) — один из лучших в

мире.

В те времена расцветал трехманежный цирк «Barnum Belley circus». Организаторы называли его крупнейшим шоу в мире. Этот цирк ошеломлял своими зрелищами еще с XIX века. На парад открытия программы в манежи выезжали 15–20 слонов с танцовщицами в перьях, высыпала сотня размалеванных клоунов, которые орали, били друг друга «батонами», обливали друг друга водой, стреляли. В красивых светящихся костюмах выходили балет, артисты. Происходило то зрелище, которое русское цирковое искусство не воспринимает, — когда одновременно на трех манежах идут три разных номера одного жанра. Если это, например, эквилибрист, то в центре работает главный номер, справа и слева — номера послабее. Но как смотреть такие номера? Надо все время переключать внимание.

А здесь приехала феерическая программа, в которой каждый солист работал один без массовки из клоунов. И огромный крытый стадион Нью-Йорка приходил в восторг. Русский цирк всегда славился своим индивидуальным, персональным мастерством.

Публика в Соединенных Штатах Америки очень горячая. Она привыкла свистеть, топтать ногами. К чему наши артисты были не готовы.

Начиналась программа номером акробатов с подкидными досками. Номер прекрасный, но в начале номера акробат отходил от доски и делал сальто в плечи другого акробата. Простой, начальный трюк. Парень, который сделал это первое простое сальто, не ожидал услышать страшный свист и громовой топот 50 тысяч зрителей. От неожиданности и испуга он упал с плеч партнера на манеж. Реакция на все цирковые номера была феноменальной.

В программе был знаменитый советский акробат Александр Саженов. Он первым в мире исполнил знаменитый трюк «сальто на ходулях» (двухметровой металлической трубе). Два человека прыгали синхронно с высокой тумбы, и он, описывая колоссальную мертвую петлю, почти как Нестеров, взлетал высоко под купол. А еще у него был потрясающий поклон. Он долго разгибался после прихода и, наконец, распрямлялся и выбрасывал руки наверх. Зрительный зал ревел. А потом Саженов победно обходил на ходулях манеж по кругу. Зрители приходили в дикий восторг. Многие годы он работал у Владимира Довейко.

О Саженове и его чудачествах рассказано множество историй. В 1961 году наша программа работала первый раз в Америке. После этого они переехали на Кубу. Там Александр Саженов подошел к самому Фиделю Кастро и попросил сфотографироваться. Фидель был весел, молод, полон

надежд. Конечно, он узнал Александра Саженева, циркового рекордсмена, и сфотографировался с ним и даже доброжелательно подписал фотографию.

Саженев тогда проживал в Баку. Приехав домой после гастролей в непривычно яркой рубашке и неизвестных тогда джинсах, он явился к мэру города и заявил:

— Уважаемый товарищ председатель горисполкома! Я не могу больше жить в таких условиях!

— Каких условиях?

— Я живу в коммунальной квартире вместе с матерью в одной комнате.

— В таких условиях живет пол-Баку. Чем вы меня хотите удивить? — привычно ответил мэр.

Тут Саженев достал фото:

— Но вы понимаете, ко мне должен приехать друг. Я не могу принимать его в таких условиях.

На фотографии была подпись латинскими буквами «Александр от Фиделя».

Мэр был ошарашен:

— Конечно, конечно, а когда он приезжает?

— Через две недели. Я уже заказал долма` с виноградным листом, специально готовлюсь для того, чтобы встретить его достойно.

И ровно через неделю Александр Саженев въехал в центре Баку в четырехкомнатную квартиру. В которой он бы мог достойно принять своего друга.

Оказавшись во второй раз в Америке, Саженев, как и все, поселился в «Хилтоне» — одной из лучших гостиниц Нью-Йорка. Правда, во всех номерах были по-американски совмещены туалет и ванная. В каждом номере кафельная плитка была разного цвета. Голубая, розовая, зеленая. Тогда это было очень модно. Встречались все цвета, только не белые.

У Саженева ванная и умывальник были моднейшего тогда черного цвета. Он позвонил руководителю гастролей, с которым до этого они были многие годы на «ты»:

— Дима, что это за безобразие? Что за номер мне выделили?

Руководитель задним умом понимал, что все номера в «Хилтоне» одинаково хороши. Кроме люксов, конечно, в которых жили Олег Попов, Филатов и Волжанский. Но что-то, наверное, не так. Он спустился в номер к Саженеву, осмотрел комнату, кровать, телевизор, холодильник, мини-бар и спросил:

— В чем дело?

— Нет, ты в ванную зайди. Посмотри, что там!

В ванной комнате руководитель увидел черный унитаз, черную ванную — все очень красиво, стильно.

— А что не так?

Саженов чуть не плакал:

— Я что, негр этим американцам? Почему ванная и туалет черного цвета?

А еще через несколько дней с ним произошла другая история. На всех номерах гостиницы «Хилтон» под дверными ручками висела металлическая табличка. Что на ней было выгравировано, артисты не понимали. Все, конечно, сразу побежали к переводчику. А там было просто написано «Руководство гостиницы „Хилтон“ не несет ответственности за ценные вещи, оставленные в номере».

Вскоре, поздно вечером, Саженов снова позвонил руководителю:

— Меня обворовали. Прямо в номере.

— Много украли?

— Много.

Руководитель прибегает к нему. Приглашают полицию, менеджер гостиницы вызывает собаку, в гостинице появляется сам комиссар, начальник полиции Манхэттена — центра Нью-Йорка, толстый человек, типичный американец со шляпой на затылке. Комиссар начинает разбираться. Спрашивает:

— Что у вас украли?

Саженов отвечает как-то обще: украли вещи.

— Какие вещи? Много?

— 7 штук.

— Что за вещи?

Тогда, в начале семидесятых, в обиходе американцев только появилась новинка — «трусы неделька». За один доллар можно было купить пачку из семи мужских трусов. Трусы все были разного цвета, чтобы можно их было менять каждый день. Вот эти «семь вещей» и были украдены у Саженева. Скорее всего, горничная просто выбросила их, посчитав грязными. Зачем беречь одноразовые трусы, цена которым доллар за всю пачку!

Комиссар нью-йоркской полиции захохотал так, что сбежались все полицейские, которых немало туда нагнали. Потом он успокоился и сказал через переводчика:

— Послушайте, мой друг, в Нью-Йорке воруют, воруют много, но у нас воруют ценности: бриллианты, драгоценности, доллары, но трусы... у

нас никто не ворует, успокойтесь. Гостиница компенсирует вам ущерб.

Саженов навсегда останется в нашей памяти не только как первый исполнитель сальто на «ходулях», но и как ходячий «вечный анекдот».

*

На «орбиту» Олег Попов часто ходил вместе с Владимиром Александровичем Волжанским. У них были общие интересы, они смотрели что-то техническое. Их интересовали всяческие новации, новейшие радиоприемники, новые магнитофоны, фотоаппараты, кинокамеры. Все те интересные вещи, которые могли быть применены в цирке.

Однажды, набегавшись за целый день по Нью-Йорку так, что ноги вот-вот откажут и они не смогут вечером работать, друзья решили поехать назад на метро. Вскочив в отходящий вагон, Олег быстро сел и занял место для Волжанского. Но на это место тут же бухнулась огромная напудренная старуха. Олег еле успел убрать руку.

Олег заговорил в вагоне по-русски, благо никто не понимает: «Володя, встань рядом. Ехать еще далеко, ты же без ног, я знаю. Сейчас, когда эта старая жопа выйдет — сядешь на ее место. Пожалуйста, не прозевай». Проехали две остановки. Старуха встала и, повернувшись к Олегу, на чисто русском языке сообщила: «Старая жопа выходит».

В то время в цирке, за кулисами, в гостинице, в примерках шла настоящая местная холодная война. Филатов по-прежнему негодовал на то, что не его назначили художественным руководителем группы. Публика принимала Филатова очень хорошо. Американская пресса и телевидение называли лучшими в программе его аттракцион, юного жонглера Сергея Игнатова и, конечно, Олега Попова.

Успеха Игнатова никто не ожидал. Молодой двадцатилетний жонглер-красавец, одетый, как все молодые американцы, в джинсы, длинноволосый. Тот же самый феномен, что и у Енгибарова, и Марчевского. Американские зрители увидели, что в СССР есть нормальная молодежь, значит, не все так страшно. У Сергея брали больше интервью, чем у остальных. О нем писали все газеты, писали потому, что он молодой. Сергей вел себя очень достойно и вместе с Олегом Поповым и Валентином Филатовым представлял три блистательных шедевра советского цирка в этой программе.

Как рассказывал сам Попов, Филатов негодовал. Программу составляет Олег, даже не спрашивая его совета. На всех пресс-

конференциях Попова представляют как худрука, а о Филатове ни слова. Великий человек, великий артист был похож на ребенка, у которого отняли игрушку. Он сам себе буквально «отравлял» жизнь.

«Посмотрите, как меня принимает Нью-Йорк. Как стоя аплодируют американцы, а дома меня ни в грош не ценят!» — терзался он.

Однажды утром, после бессонной ночи, когда программа должна была освободить отель и переехать из Нью-Йорка в другой город, Валентин Иванович пришел к горькой мысли. Он собрал всю свою семью: жену, двух дочерей и двух мужей своих дочерей (которые охотно приняли фамилию Филатов). На семейном совете Валентин Иванович сообщил, что хочет остаться в Америке. Он не хочет возвращаться домой, потому что хоть там и Родина, но его там недостаточно ценят. Здесь, в Америке, к нему совсем другое отношение. Медведи все его личные, реквизит тоже. Семья вся здесь, аттракцион тоже здесь. И ему стоит только переехать в соседний американский цирк (который, кстати, приглашал) и просто начать работать. Поскольку перед этим было несколько ночей бессонных, Валентин Иванович находился на краю депрессии.

А в это время вся программа покинула гостиницу и собралась в двух огромных автобусах. Все ждали его. По негласным цирковым традициям никто никогда никого не ждет. Если артист опаздывает, он волен взять такси и догонять всю программу, это его дело. Эта жесткая дисциплина была не только в цирке, но и в балете. Игорь Моисеев, например, не терпел опаздывающих. А здесь опоздание было не на 5 минут, а на все 40. Но артисты в автобусах молча сидели и ждали. Потому что это был Филатов.

Заместитель руководителя поездки, по-цирковому «дзержинский», офицер госбезопасности, приехавший в Америку для выполнения своей специальной миссии, мечтал о возвращении домой и получении очередной звездочки на погоны. А тут такое ЧП. Если в Штатах останется вся семья Филатовых, то его ждет позорное изгнание из органов, крушение дела всей жизни. Как-то узнав об этом «семейном совете», офицер тоже находился на грани нервного срыва.

В автобусах началась легкая смута. Артисты загалдели. И в это время за своего коллегу вступился Олег Попов. Он хорошо понимал, что происходит. С одной стороны, ему льстило, что его назначили хударком, с другой — он вовсе не хотел такого исхода и настоящей беды для великого артиста Филатова.

Олег прикрикнул на артистов: «Ну-ка прекратите паниковать! Сидите спокойно и ждите. Люди собираются. У них есть проблемы. Сидеть всем спокойно и ждать». Тогда он уже имел на это право. Ведь он уже был не

только художественным руководителем, но и Олегом Поповым. Лидером и на Западе, и дома, и в цирковой программе, и здесь, в Америке.

На семейном совете победил здравый голос жены Валентина Ивановича Юлии Васильевны. Она одна умела успокаивать этого бурного и буйного человека, великого русского артиста. Успокоила и сказала:

— Валя, о чем ты говоришь, какая Америка? Что мы здесь будем делать? Мы взрослые люди. У нас там дом, квартира, у нас там всё. Давайте спускаться в автобус.

Через 40 минут после назначенного времени отправления с серыми, опущенными лицами вся семья Филатовых вошла в автобус и села на свои места. И тогда Олег Попов скомандовал:

— Отлично. Все на месте, поехали!

И весь остаток гастролей Попов сделал все возможное, чтобы успокоить великого Филатова. Он сделал первый шаг, и Валентин Иванович это оценил. Однако эта история не осталась незамеченной. Один из зятьев Валентина Ивановича по возвращении в Советский Союз тут же развелся.

Он боялся, что после истории с семейным советом в Америке последуют серьезные карательные меры. Самой страшной из всех тогда считался запрет на выезд за границу. «Невыездные» артисты оказывались в роли прокаженных, их все сторонились, опасаясь кары спецслужб, партнеры отказывались работать с ними (зачем такой партнер, из-за которого даже в Польшу не выехать); были случаи, когда от них по этой причине уходили и жены.

Однако ничего этого не было. Руководитель мудро посоветовал «дзержинскому» в своем отчете не педалировать этот случай, а лучше совсем пропустить:

— Тебе же хуже будет, скажут, недоглядел. Смотри, Филатов с нами, с огромным успехом работает, вернулся назад в СССР. Если ты упомянешь об этом, то у тебя же будут проблемы. Давай пропустим, давай сгладим это.

Так и вышло.

Хотя руководство Союзгосцирка, конечно, знало об этом инциденте. Да и что, собственно, было? Да, домашнее совещание, на котором люди просто советовались. Да, опоздали. Но и это всё.

К Валентину Ивановичу не применялись никакие санкции. Так что зять его перехитрил самого себя.

А программа работала очень успешно. Артисты продолжали заниматься «полетами по орбите» — за покупками. Они, как всегда, выискивали только то, что являлось супердефицитом на Родине.

В то время вместо узких тонких галстуков 60-х появились широченные

вполрубашки галстуки с великолепными орнаментами и узорами. Их так и называли — «широкие галстуки».

Часть артистов занималась перепродажей купленного. Закупали этот дефицит в огромном количестве. Достаточно сказать, что эти галстуки в Штатах стоили около одного доллара, а у нас — целых 10 рублей. Простая арифметика: 10 галстуков — это 100 рублей, а сто галстуков — тысяча. А за 3–5 тысяч в Москве можно было купить маленькую квартиру. Поэтому купленные товары рассовывались во весь реквизит, все производственные ящики были до отказа забиты галстуками.

Ассистент большого аттракциона грузин по имени Парико привез в Штаты 20-футовый полупустой контейнер с консервами и продуктами для животных, а также с мелким реквизитом. На самом деле этот контейнер был привезен специально для того, чтобы загрузить его в обратную дорогу нужным товаром.

Забили этот огромный контейнер до потолка скрученными «широкими» галстуками. Посчитать, сколько их туда вошло, невозможно. Конечно, это был товар не одного Парико, а целой группы артистов во главе с аттракционщиком.

Парико в этих гастролях очень жестко экономил. Работали они во Флориде, там было очень жарко, под 40 градусов. Парико установил себе жесткий режим: он покупал в баре спортивного зала, где они работали, огромную бройлерную курицу-гриль за 99 центов и делил ее на две части. Завтракали все в отеле, а вот обедом и ужином была эта птица.

Так продолжалось несколько месяцев. Друзья подсмеивались над Парико и провоцировали его:

— Парико, смотри, как жарко! Смотри, какая прекрасная вода здесь продается! И кока-кола, и пепси! Выпей хоть стакан!

Но Парико был неумолим, он экономил и не тратил больше доллара в день на себя.

По возвращении Олег Попов встретил его уже во Владивостоке, куда он сопровождал животных и реквизит. Туда же плыл контейнер, доверху забитый галстуками. Прямо в порт, сразу после растаможки, прибыл грузовик из Тбилиси. Водитель грузин с помощью крана установил контейнер с галстуками к себе на платформу прицепа, отдал Парико огромную пачку денег и тут же поехал назад, в Грузию... Большая часть принадлежала не Парико, а его шефу. Он тут же передал тому деньги, оставив себе только свою долю. На нее тогда, думаю, можно было купить машину.

На радостях изрядно похудевший Парико вошел в лучший ресторан

Владивостока. Ресторан этот знали все моряки и наши артисты. Он назывался «Золотой рог».

Парико заказал себе все, что тогда было на кухне. И салат «столичный», и шашлык «по-карски» и какое-то вино. Он, не пьянея, просидел там трое суток, и все трое суток оркестр играл только для него.

Все трое суток человек не выходит из ресторана, гуляет, угощает всех подряд, поит весь ресторан, к нему приходят какие-то незнакомые люди, он всем наливает.

Олег Попов пришел туда пообедать перед вылетом в Москву. Сразу оценив ситуацию, он попытался остановить загул.

— Парико, пойдем домой, хватит. Ты и так уже почти все деньги профукал.

— Нет, Олег, еще осталось немного.

Он действительно пропил в этом ресторане почти все заработанные деньги. Все, что сэкономил полных три месяца, — все улетело за три дня.

Олег спросил его:

— Парико, вся программа знает, как ты жестко сэкономил. А может, стоило тебе вместо этой вонючей забегаловки зайти в самый дорогой ресторан Манхэттена и там, с таким же кайфом, пропить эти деньги, прогулять их?

— Нет, Олег, — отвечал Парико, — там все не так, как у нас. Давай я для тебя закажу еще коньячку.

В оркестре снова послышалось: «По заказу нашего друга Парико исполняется песня „Сулико!“».

Павловская денежная реформа

Однажды, в двухтысячных, автор этих строк, пройдя паспортный контроль в Шереметьеве-2, решил выпить кофе в валютном баре, располагавшемся тогда на «нейтральной полосе», перед самым выходом на посадку.

Получил сдачу две бумажки по доллару, сел в самолет. Там обнаружилось, что оба доллара были выпущены в 1941 году, и стюардесса на борту отказалась их принимать, заявив, что они уже недействительны и что в баре мне вместо сдачи подсунули фальшивку.

Приземлившись в Мюнхене, первым делом пришлось отправиться в кассу банка: два доллара — деньги небольшие, но хотелось разобраться. Кассир «Deutsche Bank» с вежливым поклоном принял две замусоленные купюры, а на предложение обратить внимание на год выпуска ласково ответил:

— Я вижу, 1941 год. Но ведь это же доллар! Настоящий доллар!

Позднее, через несколько месяцев, другой немец говорил мне:

— Денежная реформа? Да, знаю. У нас тоже проходила такая! Это было до евро. Тогда сменили всё — и картинку купюры, и номинал. В оборот вышли абсолютно новые деньги.

— Интересно, а сколько она шла по времени и когда закончилась?

— Как закончилась? Она еще продолжается потихонечку.

— Значит, через двадцать лет после объявления реформы какая-нибудь старушка может принести вам в банк устаревшие купюры — и вы их обменяете??!!

— Конечно, обменяем точно, по курсу, да еще спасибо скажем, что нашла время к нам зайти.

От этих слов меня бросило в дрожь. Зачем же надо было зимой 1991 года заставлять многомиллионную страну умирать в километровых очередях, давать на обмен всей наличной массы целой страны всего три дня — 23, 24 и 25 января (со среды по пятницу)? А потом запретить к обращению эти несчастные денежные знаки, заработанные иногда ценой целой жизни. Как же надо не любить и презирать свой народ, чтобы после ужасов войны, голода, карточной системы, тотального дефицита гнать его, как скот, к кассам «обменников»! Плакали тогда все денежки «Солнечного клоуна», а он их собирал всю жизнь...

В 70-е годы профессия артиста цирка из одной из самых непопулярных превратилась в весьма престижную. Цирки стали узаконенным сверху местом развлечения трудящихся, «истинно народным искусством».

Артисты цирка возвращались с огромными, триумфальными победами из-за рубежа. И их в каждом городе всегда встречали первые лица. Первый секретарь обкома, по-сегодняшнему — губернатор, считал за честь встретить знаменитого «гастролера». Прийти с семьей в цирк или принять звезду у себя в обкоме, создать ему наилучшие условия для проживания в областном городе и устроить интересную экскурсию по достопримечательностям, организовать солидные подарки местного производства и позаботиться о выполнении каких-то частных желаний. Начиная с этого времени, то есть с 70-х, и практически до развала СССР артисты цирка почувствовали себя «избранными». Ведь они действительно ежедневно рискуют своей жизнью — воздушные гимнасты, акробаты, дрессировщики.

Таким же образом в стране было продумано и стимулирование артистов. Поскольку большая часть их гонораров за рубежом забиралась, то зарплаты, которые им устанавливались внутри страны, были очень высокими.

К высокой зарплате артистам цирка полагалась прибавка, так называемые «суточные». «Суточные» выплачивались за разъездной характер работы. Разъездная жизнь действительно создает бытовые неудобства — это и вождение ребенка в школу, в детский сад, приготовление пищи, стирка и прочее в походных условиях гостиницы. Поэтому всем цирковым артистам доплачивались еще 75 рублей «суточных».

Таким образом, артисты цирка получали значительно больше, чем артисты кино, эстрады, театра и т. д. Они получали больше, чем большинство остальных граждан нашей страны. Хотя высшая ставка на эстраде была больше цирковой, но концерты, даже у суперзвезд эстрады, не проводились каждый день. Их могло быть максимум 10, 15 в месяц, и это уже считалось много. А в цирке постоянно, за вычетом переездов из города в город и отпуска, артисты ежедневно работали и получали свою зарплату.

Олег Попов, памятуя о военном и послевоенном голоде, всегда вел скромный образ жизни. Конечно, они с женой и дочерью очень хорошо одевались, но вся одежда привозилась из-за рубежа и шла не за счет тех денег, что он получал в стране.

Когда артисты цирка уезжали за рубеж, им также сохранялась зарплата

в стране. Это привело к созданию своего рода «жировой прослойки» у многих ведущих артистов. У цирковой элиты собирались очень приличные суммы. Тратить их в Советском Союзе особо было некуда.

Еще во время Отечественной войны руководство страны разрешило цирковым коллективам проводить частные концерты. Помимо того, была установлена так называемая «красная полоса» — сертификат, по которому продукты и мясо цирковым животным выдавались независимо даже от того, что в городе царил голод. Иногда это вызывало стихийные бунты на мясокомбинатах и продовольственных базах. Чтобы выжило цирковое искусство, правительство разрешило создавать и частные, так называемые «колхозные» цирки. Ловкие администраторы, как правило из артистов, колесили по городам, поселкам, районным центрам и богатым селам, словом, там, где имелись клубы, и зарабатывали так много, что спали на сундуках с деньгами буквально.

Однажды, во время войны, у одного очень известного артиста цирка животные стояли в тупике в товарном вагоне. Там хранились запасы хлеба на всю дорогу, овощей, чтобы кормить животных в многонедельном переезде. Там же стоял и сундук, полный денег. Купюры были просто прикрыты рогожей безо всякого замка. Артист долго скандалил с начальником станции и требовал, чтобы его животных, наконец, отправили. Прибежал ассистент и сообщил, что воры вскрыли вагон. Бросив все дела, артист побежал в тупик. Добежал до вагона, двери распахнуты настежь. Бросился к животным. Слава богу, они живы, здоровы, не покалечены, не поранены. Повернулся к имуществу, сундук, в котором поверх денег лежал недельный запас хлеба, открыт. Хлеб весь украден, овощи украдены, а деньги в огромном количестве не тронуты...

В начале 90-х, когда проводилась безумная павловская денежная реформа, у Олега Константиновича Попова, находившегося тогда за рубежом, пропали *все деньги*. Из огромной суммы друзья смогли разменять в давках и очередях только 26 тысяч. Олег очень переживал и сокрушался, потому что откладывал эти деньги почти 40 лет. «Боже мой, какой же я дурак! Люди говорили: вложи все деньги в иконы или бриллианты. Собирай валюту, доллары. А я отвечал: „Нет, только рубли, только рубли“».

Однажды автору этих строк удалось увидеть тайное тайных. Перед очередной поездкой Олегу Константиновичу потребовалось приподнять одну из плит в гараже, где было хранилище. Там лежало огромное количество разных вещей: старого печенья, старых галет, каких-то французских консервов, коробок конфет и пр. Но основное пространство под большим гаражом на две машины занимали купюры оранжевого цвета.

Это были самые крупные купюры — сторублевые. Они лежали ровно, подогнанные в коробках, Лениным наверх.

Он ведь регулярно получал большие деньги, но фактически в стране их никуда не тратил. Был очень экономным человеком, чтобы не сказать прижимистым. Всегда старался экономить даже на еде. Все дни проводил в манеже, готовил новые репризы, клоунады, строгал реквизит, общался с директорами. Выезжал в Союзгосцирк, выяснял будущие гастрольные «разнарядки» — куда, в какой город он запланирован, когда и в какую страну.

Расходов нет. Даже в цирковой столовой недоброжелатели подсмеивались над ним. Они с Саней питались отдельно. Ему казалось, что так будет дешевле.

Откуда взялась эта прижимистость? Думаю, что все идет от войны. От голода, от «барахолки», от страданий того времени.

Не раз через многие десятилетия после окончания войны Олег Константинович просыпался в холодном поту, прибегал к друзьям или жене и говорил: «Господи, какой страшный сон. Я проснулся, а в стране снова голод. Снова голод. Это самое страшное, что только может быть. И нет никакой надежды. Я ведь так тяжело переживал те десятилетия, без хлеба, без еды, что боюсь повторения, как страшного кошмара».

Мне думается, что, собирая деньги, он целую жизнь собирал еду. «Запас пропитания». Для него все эти денежные запасы были «продуктовыми складами». Он запасался на случай войны, на случай несчастья. Тем более что в стране за те годы, когда он работал, периодически возникали кризисы и предвоенные ситуации. Иногда казалось, что вот-вот все рухнет и начнется война, обычная или атомная.

Олег очень любил старинные вещи и коллекционировал самовары. Частенько ходил на свалку, где в те времена можно было найти разные ценности. Люди во время войны, особенно в Ленинграде, часто выбрасывали на свалку вещи, не понимая и не зная им цены. На свалке того времени попадались старинные фолианты, старые картины, позолоченные багетные рамы. Там же, по рассказам знатоков, случалось отыскивать старинные серебряные и даже золотые подсвечники.

Один старый рабочий рассказывал Олегу, который очень легко сходилась со всеми, у кого были «золотые» руки, что при строительстве гостиницы «Россия» в Москве было разрушено очень много старинных домов Китай-города, и рабочие, монтажники выходили после смены с серебряными подсвечниками, фрагментами чайных сервизов из серебра и прочими уникальными вещами. А парадокс того времени состоял в том, что

все эти вещи ценности, в сегодняшнем смысле этого слова, не имели.

Если бы вы принесли их в комиссионный магазин, вас спросили бы: «А где вы их украли?» И вы попали бы в список неблагонадежных людей. Да и настоящую цену за них вам никто никогда бы не дал.

Однако всегда — и до войны, и особенно после — в стране была целая когорта людей, которых в социалистическом обществе называли спекулянтами, барыгами. Эти оборотистые люди уже тогда понимали настоящую ценность таких вещей. Но в народе этих людей не любили.

Рабочий, монтажник, выносивший со строительства гостиницы «Россия» золотые и серебряные вещи, просто менял их на водку. А ушлые люди с удовольствием давали за золотой подсвечник две бутылки водки, а за серебряный — одну. Работягам казалось, что они совершили выгодный, хороший обмен.

Олег на какое-то время увлекся коллекционированием старой мебели, у него было несколько предметов в стиле ампир. Но больше всего из «старинушки», как он говорил, его интересовали самовары и иконы. Он родился в простой семье, предки его были священниками, поэтому у него в квартире оказалось несколько изумительных икон, в том числе и в серебряных окладах. На шкафах и на антресолях у Олега стояли старинные самовары, которые он купил или выменял.

Олег всегда носил на груди золотой крест и всегда молился перед представлением. Но выказывать свои духовные пристрастия, как и демонстрировать свой интерес к иконам, в те времена не позволялось никому и было попросту небезопасно. Потому что могли спросить, прищурившись: «А вы случайно неверующий?» И тогда прощай карьера, можно было потерять почетное звание «выездного человека». А безопасность и возможность выезжать два-три раза в год, а то и пять раз в году, как выезжал Олег Попов, за границу в то время полностью зависели от лояльности к государственному порядку. Государство же у нас было атеистическим. И никто из артистов, несмотря ни на какие пристрастия, не мог высказывать свои религиозные убеждения.

Однажды Олег репетировал после представления в Туле. К нему приехал известный цирковой балетмейстер Петр Гродницкий. Олег придумал очередную репризу, и Петр Львович должен был поставить танец для нее.

Реквизитом будущей репризы была гитара. Гродницкий показывал Олегу, как крутить ее в танце. Во время показа Олег пару раз получал гитарой по лбу. Время было позднее. Представление тогда заканчивалось в начале одиннадцатого, да еще часовая репетиция. Но завтра был выходной,

и после репетиции они собрались ехать в Москву домой.

Олег только что купил новую «Ладу», «восьмерку». У него было много машин, но он всегда предпочитал маленькие. Любимой его машиной был «фольксваген-жук». А здесь только что появилась «Лада» с новым неожиданным дизайном — «зубило», как ее называли в народе. Он решил испытать отечественный продукт.

Они выехали поздно ночью. Трасса Москва — Симферополь, как и все трассы в то время, не освещалась вообще. Было мало указателей, разметка практически не видна.

В 20 километрах от Тулы в тот вечер сломался огромный открытый грузовик. Он вез трубы. Длина труб оказалась значительно больше длины кузова грузовика, и туго связанные между собой трубы на несколько метров выступали за борт. К самой длинной трубе был привязан матерчатый красный флажок для безопасности.

Поломка произошла вечером, и водитель сделал все по правилам — поставил рамку с флажками на асфальт за метр до края труб. Он пошел искать помощь и оставил грузовик посреди рабочей полосы на самом бойком месте движения.

Вечером флажки были видны, и водители, конечно, объезжали эти зловещие трубы. А ночью флажков на темной трассе видно не было.

Олег с Гродницким ехали весело, шутили, смеялись, пили кофе из термоса. Увидев грузовик, Олег затормозил, но скорость была большой, а еще тормозной путь...

В общем, раздался треск, звон разбитого стекла. Как рассказывал сотрудник ГАИ, расследовавший это происшествие: самая длинная труба, как шампур от шашлыка пробила стекло и прошла ровно между головами клоуна и балетмейстера.

В этой истории поучительна реакция двух разных людей. Гродницкий от неожиданного страха потерял дар речи и не мог говорить почти до самого утра.

Олег, мгновенно оценив обстановку, выскочил из пронзенной машины, упал на колени прямо на асфальт и в голос закричал:

— Боженька! Спасибо, что ты мне спас жизнь! Спасибо, Боженька!

И начал креститься и отбивать поклоны.

Управляющие Союзгосцирком

Привычка называть главные управления своих организаций «главками», а руководителей — «управляющими» — жила в цирке долго.

Уже не было никакого Главного управления цирков, ему на смену пришло Всесоюзное объединение, уже все руководители назывались генеральными директорами, а артисты по старинке говорили: «Пойду в „главк“, поговорю с „управляющим“ — сколько это может продолжаться!»

И если между артистами всех жанров шла постоянная конкурентная борьба за первенство, то «управляющие» и их право судить и оценивать любого артиста, выделять его, награждать, баловать принимались безоговорочно.

Как правило, эти люди имели большой партийно-комсомольский опыт: опыт вести собрания, опыт управлять «массами», «неуклонно проводить линию партии». Согласовывать каждый шаг с вышестоящим руководителем. Мимикрировать, «незаметно» менять свое решение на противоположное. Быть «крепким винтиком единой машины», вести свои коллективы к победе развитого социализма. Артисты боялись их, доверяли им, внимательно прислушивались к замечаниям своих «управляющих».

Все годы становления Союзгосцирка, начиная с самого открытия «железного занавеса» в 56-м году, его возглавлял бывший полковник строительных войск, родом из Белоруссии, человек, которого судьба связала одновременно с армией и с искусством. В 40-е годы полковник Феодосий Георгиевич Бардиан был начальником строительства лучшего тогда Новосибирского оперного театра. Прославившись на этом строительстве, он был назначен на должность управляющего Союзгосцирком.

Должность хлопотная, но в те годы Союзгосцирк еще не был слишком прибыльной организацией. Все началось после первых же гастролей за рубеж. Бардиан застал «золотую эпоху» советского цирка. Он был еще довольно молод в 50-е, но очень активно содействовал этому процветанию. Ведь большинство артистов в начале его карьеры еще не были суперзвездами, но были молодыми и начинающими.

Управляющий рос вместе с ними, и между ними складывались добрые отношения. Он выезжал на гастроли, руководил, отправлял за рубеж программы. Министр культуры Фурцева ценила его, потому что с его

приходом цирк впервые стал прибыльным. Цирк был *единственным* видом искусства, который не требовал дотаций. Мало того, валюта, которая приходила в Союзгосцирк из заграничных гастролей, немедленно переправлялась в Госконцерт.

Бардиан был всеми любим. Проработав 21 год, он стал образцом управляющего на все времена. Его знали, его уважали, с ним считались. Он очень хорошо разбирался в цирковой табели о рангах, сразу мог отличить талантливое от неталантливое артиста. Он знал, на кого можно прикрикнуть, а кого успокоить, продвигать дальше к вершине славы.

В годы его руководства советский цирк развивался очень бурно. Занимая высокий пост, Феодосий Георгиевич оставался весьма дипломатичным человеком. Он был членом коллегии Министерства культуры СССР, и когда начинались бурные скандалы известных музыкантов, драматических артистов или танцоров, умело переводил всё в шутку; чтобы разрядить обстановку, рассказывал, например, о том, как в Твери из цирка убежал слон. Это был умный, хитрый, сильный организатор, лидер, которого любили все артисты, уважало и ценило руководство. Трудно переоценить все, что сделал этот человек для советского циркового искусства.

Однако в 1972 году против него начали «копать». Кто-то пустил клевету, будто то ли его секретарша берет взятки, то ли он сожительствоет с ней. Одним словом, Бардиана уволили с работы и назначили заведующим кафедрой циркового искусства в Государственный институт театрального искусства (ГИТИС). Кафедрой, которую создавал Местечкин для себя. Освободившееся место использовали для Бардиана.

Цирковой молодежи, которая рвалась к успеху и часто догоняла и обгоняла стариков, достался уже совсем иной управляющий. Министр культуры прислал руководить цирком нового человека. Внешне он был типичным партийным работником — высокий, худой, сердитый, с неторопливой вальяжной походкой, с привычкой при волнении плавно вытягивать шею. Звали его Михаил Петрович Цуканов.

До цирка он работал освобожденным секретарем парткома Министерства культуры СССР. То есть был специальным партийным чиновником, должность которого приравнивалась к должности секретаря Московского райкома. Только что появившемуся новому министру культуры СССР он, видимо, не угодил, и от него избавились, традиционно назначив на самостоятельную работу. Такой работой и стал Союзгосцирк.

А этим новым министром культуры СССР стал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Петр Демичев. С одной стороны, он принадлежал к

числу главных людей страны, а с другой — передвижение кандидата или члена политбюро в министры, а особенно в министры культуры, было явным понижением. Демичева назначили министром культуры сразу после самоубийства его предшественницы Екатерины Алексеевны Фурцевой. Однако оставили в кандидатах в члены политбюро.

Для кандидата в члены политбюро обязательной была особая система охраны. Пришлось в торце старинного здания на Арбате пробивать отдельный выход — только для него. Для него же построили в здании отдельный новый лифт.

А в цирк после Бардиана, человека своего «в доску», с которым можно было и поплакать, и пошутить и который был для артистов добрым, отзывчивым «папой», пришел замкнутый «сухарь», типичный партийный чиновник. Михаил Петрович был человек высокомерный, строгий, подчеркнуто холодный, «чужой».

С артистами у него отношений наладить не получилось. Но он к этому и не стремился. Как настоящий партийный руководитель, он прежде всего задался вопросом, как значительно увеличить доход возглавляемой им организации. Забывая, что это не завод, не фабрика, а вид искусства и доходность этого вида искусства в прямом смысле зависит от создания новых, интересных номеров и аттракционов. Как только появляются новаторские произведения, так немедленно начинает расти интерес зрителей.

Недолгим путем он выяснил среди бухгалтеров, что в Союзгосцирке изредка практикуется проведение цирковых представлений на стадионах. В частности, такую практику завел директор Кисловодского цирка Трахтенберг. Изначально Кисловодский цирк имел очень малую посещаемость, а в те времена установленной нормой посещаемости зрителей, или «загрузки зала», были 85 процентов. И Трахтенберг, который был очень хорошим директором, нашел выход. Он изучил особенности района. И стал проводить для отдыхающих в городах Минводы и Ессентуки специализированные, большие цирковые представления на стадионах.

По положению, оплата за представление на стадионе была двойной, или, как говорят артисты, «две палки». Многих больших артистов это не устраивало. Они сопоставляли заработок организаторов (полученный на их имени) и их собственный. И считали, что стадионы — это не дело для искусства и что это напоминает какую-то «потогонную систему». Чтобы затормозить этот «нечеловеческий конвейер», артисты выдвинули требование еще больше увеличить ставки за работу на стадионе, полагая,

что никто им больше денег не даст и на этом все закончится.

Однако Михаил Петрович Цуканов, который видел будущее для Союзгосцирка только в работе на стадионах, стал эту идею отстаивать. Запланировав множество стадионных представлений, он с удивлением узнал, что его распоряжение регулярно не выполняется, а артисты под разными предлогами (болезни и прочее) не едут на стадионы и срывают спектакли.

Тогда он решил снизойти до диалога с ведущими артистами. Михаил Петрович был человеком очень порядочным и честным. По сегодняшнему времени — «кристально честным». Но общаться с людьми, разговаривать с ними он не умел (недаром его кличка в Министерстве культуры была Гусак). Он умел лишь издавать приказы, распоряжения, циркуляры и пр.

Первым под раздачу попал Олег Попов. Цуканов вызвал его к себе и сказал:

— Олег Константинович, мы сейчас начинаем новую стратегию развития, мы будем всё больше и больше работать на стадионах, чтобы принести Родине максимальную прибыль.

На что Попов, по договоренности с другими звездами, отвечал:

— Вы знаете, Михаил Петрович, я не могу работать на стадионах. У меня как у клоуна на таком огромном расстоянии нет контакта со зрителями. Я не вижу глаз зрителей.

Это было чистой правдой, потому что клоуны должны видеть хотя бы первый ряд зрителей, с которыми они общаются.

Цуканов вспылал. Его к этому времени уже, конечно, проинструктировали:

— А в Америке, где вы тоже работаете на стадионе, только крытом? Да и во всех остальных зарубежных поездках наши советские артисты всегда работают на крытых стадионах или во дворцах спорта. Там вы тоже не видите глаз зрителей?

Олег в ответ тоже вспылал, и разговор не получился. Следом к управляющему пришел Филатов. И он, по договоренности, тоже отказался работать на стадионах, мотивируя это тем, что животные могут разбежаться — уж слишком большие расстояния.

Цуканов никак не ожидал такой мощной отповеди от ведущих артистов. Но был он человеком прямым, сильным и решил войти в полную конфронтацию с ними. Он объявил, что все артисты, которые дома не работают на стадионах, за границу не поедут.

А это уже был запрещенный удар, потому что артисты цирка, такие как Попов, Филатов, Волжанский, Запашный, выезжали за рубеж по много раз

в год. Они были востребованы за рубежом. Их там знали и просили, чтобы они приехали. Просили не только импресарио, но и зрители. Теперь билеты за границей продавались не просто на советский цирк, как во время первых гастролей, но персонально на тех артистов, которых давно ждали.

И вот началось время, когда импресарио обращались к Цуканову, просили отправить на гастроли, скажем, Валентина Филатова, а его замы, да и он сам утверждали, что у Филатова сейчас идет смена молодняка, меняются животные, и он в течение года не сможет никуда поехать. «Очень жаль. Можно тогда попросить Олега Попова?» «Олег Попов заболел, не сможет приехать!» Или: «Олег Попов находится в годовом турне по Австралии».

Цуканову было невдомек, что цирковые импресарио — люди ушлые, они были знакомы со всеми артистами цирка. Часто эти импресарио обедали дома у артистов или вместе ходили в рестораны. Ведь они уже подружились во время последних гастролей за рубежом. И, конечно, вся эта ложь была шита белыми нитками. Многие из импресарио жаловались на действия Цуканова в Министерство культуры, писали о том, что их обманывают и не дают возможности работать с теми артистами, которых просит зарубежный зритель. А это в конечном итоге ведет к росту напряженности между странами.

Сегодня в цирке, да и в целом в стране ситуация другая: если даже сговорятся все до единого артисты Росгосцирка и будут категорически выступать против руководителя, близкого министру культуры, их голоса никто не услышит. Теперь у нас гласность, но, как кто-то пошутил, «с появлением гласности исчезла слышимость». В те времена гласности не было, но «слышимость» была. И когда письма и жалобы подписывали такие артисты, как Бугримова, Филатов, Волжанский, Запашный, Олег Попов, Никулин, Довейко, Маргарита Назарова, Кио, Кантемиров, — наверху к ним прислушивались и совершенно справедливо пеняли Цуканову: «Какой же вы руководитель, если не можете найти общего языка с вашими ведущими артистами? Это же гордость Советского Союза!»

Для того чтобы найти с ними общий язык, надо было отступить. А Цуканов не отступил.

...За несколько лет до этого произошел большой скандал на эстраде. Объединение эстрадных артистов называлось ВГКО — Всесоюзное гастрольно-концертное объединение. На эстраде тоже были свои звезды, и они тоже имели право голоса. И эти голоса слышали и в политбюро, и в Министерстве культуры СССР.

Руководителем ВГКО был бывший цирковой жонглер Николай

Павлович Барзилович. До войны он окончил Институт красной профессуры, продвинулся как чиновник от искусства и занял высокий пост. В цирке это человек-легенда — он создал у нас первую студию, Центр циркового искусства, — уникальный центр создания новых цирковых произведений. А на эстраде, как ни странно, он прославился как карикатурный чиновник со своими барскими манерами. Он месяцами не принимал артистов, у него в приемной было пять секретарей, работал он всегда за закрытой дверью. Часто среди актрис он заводил себе любовниц, а потом продвигал их по карьерной лестнице. Также он активно принимал взятки от артистов эстрады.

И вот когда терпение у звезд эстрады кончилось, собралось скандальное совещание, да не где-нибудь, а в здании Большого театра. Это было еще в бытность Фурцевой.

На этом совещании в президиуме сидели первые артисты тогдашней советской эстрады. Главным артистом того времени был сатирик Николай Смирнов-Сокольский. Это был человек блистательного ума, умевший и в страшные времена говорить правду со сцены. Вместе с ним за столом президиума сидели Русланова, Райкин, Утесов, Мирон и Новицкий, Миронова и Менакер, «Тарапунька и Штепсель» — словом, самые популярные артисты эстрады того времени.

И к приезду Фурцевой они сговорились, что все единодушно потребуют увольнения Барзиловича. Возглавлял это собрание Смирнов-Сокольский. И когда Фурцева приехала и села к ним в президиум, слово предоставили ему.

Он был действительно потрясающе остроумен и парадоксален. Стоя на трибуне, он произнес легендарные слова:

— Вот все тут говорят и требуют: уволить Барзиловича! А я категорически против!

Звезды эстрады от неожиданности обомлели: как? Ведь он один из главных инициаторов этого «переворота»! И вдруг такое предательство!

Но речь продолжается:

— Почему не увольнять? Я объясню вам почему. Посмотрите: квартира у Барзиловича есть? Есть шикарная многокомнатная квартира на улице Горького! Дача в Переделкине у Барзиловича есть? Есть. ЗИМ (самая дорогая машина того времени) у Барзиловича есть? Есть! Деньги у Барзиловича есть? Есть, и в большом количестве! Ну, сами посудите, Екатерина Алексеевна, — обратился он к Фурцевой. — Придет к нам новый управляющий. Квартиру ему дорожную надо? Надо! Дачу в Переделкине ему надо? Машину ЗИМ ему опять надо? Надо! Да и денег

немало ему опять надо! И ведь все эти огромные расходы снова и снова лягут на наши плечи! Да мы просто этого не выдержим! Я очень прошу вас, Екатерина Алексеевна, оставьте Барзиловича!

Хохот разорвал весь зал. Фурцева тут же встала и тихо сказала:

— Вопрос решен. Барзилович с сегодняшнего дня уволен.

Аналогичное совещание собралось и против Цуканова. На это совещание к новому министру культуры СССР пришли Довейко, Рогальские, Юрий Никулин, Кио, Милаев, Запашный, Волжанский, Филатов, Маргарита Назарова — в общем, все звезды цирка. И, конечно, зачинщик «антистадионной смуты» — Олег Попов.

Для того чтобы примирить стороны, новый министр решил провести совещание на своем уровне. Все, кто там был, очень удивились тому, что Демичев, человек маленького роста, с красивой седой головой, сидел на огромном стуле. Кому-то даже показалось, что он не дотягивается ногами до пола. Еще большее удивление вызвало то, что в сравнительно небольшой комнате он почему-то говорил только в микрофон. В общем, воспринимали его как Гудвина из известной сказки. Ведь артисты цирка привыкли говорить с манежа, с площади, даже на стадионах им случалось говорить своим голосом. А здесь небольшой зальчик, а министр вещает в микрофон тихим шепотом. Оказалось, что так принято в политбюро. Видимо, и там разговаривали в микрофон тихо, не повышая голоса, не испытывая никаких эмоций, осознавая свою неимоверную власть.

Организаторы совещания посадили оппонентов друг напротив друга. Всего было человек 20–25. Половина, человек 12–13, — ведущие мастера, они были категорически против Цуканова. Другие, примерно столько же, — верные этому управляющему директора цирков и чиновники аппарата, те, кто считал его политику правильной.

Демичев выслушал все выступления. Затем произнес:

— Мы посоветовались, поговорили с коммунистами и решили. Сколько лет у вас работал предыдущий управляющий? 21 год. Сколько лет работает Цуканов? Два года. Значит, работать ему осталось у вас еще 19 лет.

Бурные аплодисменты... И те, кто был «против», и те, кто был «за», понимали, что силу дубиной не переломишь.

После этих слов все вышли. С министром остался один Юрий Никулин. Тогда, в 1972-м, он был уже мегапопулярен. Уже вышли шедевры: «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука». Никулин остался наедине с кандидатом в члены политбюро. Остальные артисты сели ожидать его в приемной.

Юрий Владимирович пробыл в кабинете министра всего 20 минут. Дважды за время разговора к ним туда заходил секретарь, приносил какие-то бумаги. А когда Никулин вышел, он сделал грустную гримасу, а потом сообщил коллегам:

— Ну всё, ребята, кранты! Только что подписан приказ. Цуканов уволен. С этого дня у нас будет новый управляющий, или, по-новому, генеральный директор.

Мощный крик «ура!» взорвал приемную.

Колеватов

Во все времена в некоммерческом социалистическом обществе, в тени официальной идеологии процветали и энергично трудились так называемые «дельцы», «спекулянты» и «аферисты».

Шукшин называл их — «энергичные люди». И даже посвятил им пьесу с таким названием. Казалось, что при социалистической экономике нет места этим «делягам» — «осколкам чуждой системы», но они регулярно рождались из поколения в поколение, оглядывались по сторонам, цепким взглядом находили слабое место в экономике — и тут же, с неимоверным напором, спешили это место заполнить.

Они жили и действовали в СССР еще в 20-е и 30-е годы — вспомним легендарного Александра Ивановича Корейко.

Особенно широкое поле деятельности открылось для этих «жучков» в хрущевскую эпоху. Дефицита в стране было хоть отбавляй — от мужских носков до белого хлеба, а строгость была уже не той, что при Сталине.

Крутились эти по-своему талантливые люди во всех сферах советской торговли: от мясокомбинатов и универмагов до ювелирных и валютных торгов. Они могли всё — достать билеты на премьеру в Театре на Таганке, устроить в больницу к лучшему хирургу, получить дефицитное лекарство, купить путевку на престижный курорт, сделать московскую квартиру. Их объединяло одно — необыкновенное обаяние, доскональное знание человеческих слабостей и пороков, умение блистательно ими пользоваться. Все они были привлекательны, обладали особым цинизмом, стремлением к наживе, умением нравиться людям. После «перестройки» большинство из них стали миллионерами, а то и миллиардерами и олигархами.

Весть о приходе нового генерального директора быстро разлетелась по всей стране. Вообще, «цирковая почта» — вещь особая. У Бардиана, одного из первых генеральных директоров Союзгосцирка, произошла страшная трагедия. Погибла дочь. Она шла по железнодорожным путям, и ее сбил поезд. Бардиан сидел у себя в кабинете, ему позвонили из морга и попросили приехать на опознание. Он бросил всё. Сел в машину и поехал в морг, после чего вернулся на работу. Вся процедура заняла два часа. А когда он вернулся на работу, у него в приемной на столе лежала огромная пачка телеграмм с соболезнованиями со всей страны — от Владивостока до Калининграда. А ведь Бардиан никому не говорил о звонке из морга, знала

об этом только его секретарша. Вот так на всю страну сработала цирковая система оповещения.

А тут в историческом здании на Пушечной, 4, принадлежащем Союзгосцирку, появился новый генеральный директор. Миллион вопросов: откуда он, сколько лет, как ведет себя с людьми?

Ждали очередного райкомовского или прокурорского работника — ну кто еще разбирается в культуре?.. А тут вдруг свой, родной, бывший директор Малого театра, бывший директор Большого театра. Впервые за многие годы в руководстве цирками появился обаятельный, остроумный, да еще опытнейший человек. Внешне он очень напоминал Чичикова: лощеный, обходительный, внимательный и деловой.

Однако после первой же встречи с директорами ему дали другое прозвище: Хлестаков. И прозвище это намертво прилепилось к Колеватову. Впоследствии так все и говорили: «Хлестаков сказал, Хлестаков распорядился».

Почему же Хлестаков? Директора подтверждали: «Чрезвычайно контактен, сходится с человеком буквально со второй фразы и тут же переходит на „ты“. Исключительное обаяние».

Олег Попов, который все годы руководства Цуканова был с ним в жесткой оппозиции, с осторожностью шел на первую встречу с новым генеральным директором. Колеватов же сразу растекся в улыбке, выскочил из-за стола, обнял, расцеловал и ласково сказал: «Олег Константинович, вы наш бриллиант, а мы ваша оправа!»

Олег вышел из кабинета ошарашенный. Вот это генеральный! После стольких лет третирования и партийных выволочек (к счастью, Олег Попов никогда не был членом партии)! Точно так же Колеватов «облизывал» и остальных «перваков» цирка, и у него со всеми завязались отличные отношения. Ведущие тут же намекнули ему на восстановление зарубежных поездок. Поняв, что это ключевой вопрос, Колеватов очень быстро всё восстановил. Сам созванивался с импресарио и быстро отправлял звезд за рубеж — ровно столько раз, сколько они хотели.

Первым поехал Олег. По просьбе импресарио Колеватов организовал ему гастроли в Испании и Португалии. Эта поездка никогда не считалась очень престижной, Испания была тогда небогатой страной. Периодически, из года в год, там случались конфликты с импресарио из-за неоплаты артистам. Иногда даже наших бросали, оставляли без денег. И тогда посольству приходилось вывозить советских артистов, их багаж и животных домой.

Но в конце семидесятых, в постфранковский период, понадобилось

налаживать отношения с этой страной. Собрали программу, правда, очень среднюю. Олег Попов взял в нее только своих друзей. Тогда ему казалось, что его одного достаточно для успеха. В программе не было ни одного крупного аттракциона. В таком виде начинались гастроли в Испании и Португалии.

Олег рассказывал, что Колеватов обратился к нему с просьбой. Он хотел выехать вместе с ним и посмотреть, как работает наш цирк за рубежом.

— Ну что ж. Это не проблема, — сказал Олег. — Мы приедем и сделаем вам вызов.

— О нет! Министерство просто так меня не отпустит.

— Мы скажем, что у нас там какие-нибудь проблемы. Скажем, финансовые.

— О, это то, что надо!

Через полмесяца Колеватов начал ходить по коридору Союзгосцирка и разговаривать как будто сам с собой: «Ой, ой, ой! Проблема в Испании! Там все плохо. Импресарио проворовался! Артисты сидят без копейки! Мне надо срочно туда выезжать! Иначе труба!»

Говорил он нарочито громко, отлично понимая, что каждое его слово в коридоре, переполненном артистами, тут же фиксируется и мгновенно распространяется на весь цирковой мир. А осведомители тут же передадут это в Министерство культуры. Так искусственно создавалось напряжение, которого не было.

Артисты, рассказывал Олег Попов, оборвали международные линии, звонили друзьям и спрашивали: «Что у вас там происходит? Что случилось?» — «Да нет, что вы, мы работаем спокойно в Мадриде. У нас все отлично», — отвечали им.

Просто новому генеральному директору нужно было срочно выехать в «заграницку».

В Испанию заведующим постановочной частью программы был направлен молодой директор цирка Станислав Трахтенберг. Заведующий постановочной частью должен заниматься погрузками, разгрузками, но Слава и в своем цирке никогда сильно себя не утруждал техническими проблемами. Его любили артисты, он тоже умел находить с ними общий язык. Был человеком добрым. Помогал, чем мог. Но вот рабочие вопросы он никогда и нигде не решал. Спокойненько разгуливал себе по «орбите» Мадрида. Город был очень интересный. В конце семидесятых в Мадриде началась новая волна сексуальной революции. Полураздетые девушки и юноши ходили по улицам. Накрашенные парни на высоких каблуках

открыто слонялись в общественных местах. Наши артисты впервые увидели огромное количество трансвеститов и других представителей сексменьшинств.

Цирковые представления в Мадриде начинались в десять часов вечера. Потому что было очень жарко. Это специфика Испании. Позднее утро, двухчасовой обед, а потом с пяти до семи сиеста — время отдыха.

Однажды Трахтенберг пригласил своего друга, руководителя поездки:
— Вы знаете, я нашел один ресторан, где обалденные морепродукты. У них все нарисовано на картинках при входе. Давайте вместе сложимся. Ну что мы всё тряпки да тряпки покупаем... Давайте разок сходим в хороший ресторан.

И они отправились в центр Мадрида. Им принесли огромное блюдо, на котором горой были насыпаны все известные морепродукты: мидии, устрицы, омары, кальмары, лангусты, крабы, гребешки и пр.

Два здоровых мужика с удовольствием «срубили» эту тарелку, запивая снедь недорогим белым вином. А когда выставили счет — крикнули, потому что там была написана месячная зарплата обоих в Испании. Но делать нечего — скинулись пополам. И отправились домой в гостиницу.

Испания того времени производила неизгладимое впечатление на всех пьющих. А в цирковой программе пьющих было немало. Мы говорим не об алкоголиках или запойных. Нет, артисты цирка — это крепкие люди, которые любят выпить, посидеть за столом с друзьями.

На суточные, то есть на дневную зарплату, которая выдавалась артистам, они могли купить 16 литров вина в день или 5 литров самого дорогого коньяка, который назывался «Veterano» или «501». Это был элитный коньяк, иметь возможность покупать каждый день по 10 бутылок такого коньяка было страшным соблазном. Выпивали в Испании все. И те, кто сильно пьет, и те, кто мало пьет, и те, кто почти не пьет. Шутка сказать — дармовой алкоголь.

Если во время первых поездок в 50–60-е кто-то из артистов вдруг сходил с «орбиты» и заходил перекусить в кафе, то остальные коллеги, как правило, останавливали его: «Что ты делаешь? Бутерброд съел? Это не бутерброд — это ты съел рукав от новой рубашки. Кусок мяса? Это одна штанина от брюк. Иди домой: ешь, как все, тушенку и суп, сваренный в туалете»

За прошедшие десятилетия кое-что изменилось. Некоторые артисты (о боже!) позволяли себе в выходной день посидеть в каком-нибудь кафе.

Количество кафе в Испании ошарашило русских. Говорили, что если стоит многоэтажный дом, то в нем минимум четыре кафе с одной стороны

и четыре с другой. Ходила легенда, что открыть в Испании кафе с алкоголем мог только тот, кто создал свое собственное вино и прошел лицензирование.

Однажды в неимоверную жару наши артисты зашли в кафе, в котором было очень прохладно. Типичный испанский подвальчик. Они отважились попросить у хозяина два стаканчика легкого вина. Хозяин с удовольствием принес им графин замечательного, недорогого, домашнего, некрепкого вина. К нему от себя поставил тарелку свежей бастурмы. Артисты замахали руками: мол, не заказывали. Хозяин также на пальцах объяснил, что это идет к вину: «Не беспокойтесь, в счет это не входит».

С ними одновременно зашел зампарторга программы. Он осуждающе поглядел на остальных и заказал бутылку минеральной воды. Ему принесли бутылку минеральной воды со свежим лимоном. А когда стали рассчитываться, то оказалось, что счет у тех троих, кто пил вино, был меньше счета того, кто пил минеральную воду.

Зампарторга устроил страшный скандал:

— Что это за безобразие? Вы меня обманываете. Они пили вино, ели бастурму и заплатили меньше, чем я за простую минеральную воду.

Хозяин же, кланяясь, отвечает:

— Извините, сеньор, минеральную воду мы экспортируем из Франции. Поэтому она такая дорогая у нас. А вино я подал свое, домашнее, самое дешевое, которое и произвожу здесь. Кстати, хамон я тоже делаю сам. Поэтому у них получилось дешевле, чем у вас.

Еще об Испании. В предыдущей поездке руководителем был легендарный директор Ленинградского цирка Владимир Андреевич Цветков. Это был замечательный человек, начинавший еще в Театре рабочей молодежи в 20-е, в «Синей блузе». Он был другом Райкина. Ближе к старости его назначили директором цирка. Он любил артистов, артисты обожали его. Приехав на гастроли в Испанию в качестве руководителя, он... ушел в «глубокий штопор»: крепко выпивал практически каждый день и почти не появлялся на работе. Вел себя достойно. Просто его никто не видел.

В Министерстве культуры СССР была такая традиция: отправляя программу артистов на зарубежные гастроли, министр культуры лично собирал всех у себя в большом актовом зале, произносил напутственную речь, напоминал о сложностях текущего политического момента, о том, что русских за рубежом не любят, и вы, дескать, должны ошеломить всех уровнем нашей культуры. В общем, такое дидактическое моралите.

А вот когда программа возвращалась, то ее обязательно встречали уже

на уровне замминистра. Там производился так называемый «разбор полетов». Докладывалось, кто как себя вел, как проходили гастроли. Выставляли вперед провинившихся, за время гастролей было множество разных инцидентов, опозданий, хулиганства, воровства и пр. Все это выяснялось и разбиралось.

И вот возвращается из Испании программа во главе с Цветковым. Все заходят в Министерство культуры, готовые к очередной головомойке. В тот раз отчет принимал легендарный заместитель министра Николай Мохов — очень опытный работник культуры и образования. Он тоже прилично любил выпить.

Отчитываясь о поездке в Испанию, Цветков произнес речь:

— Уважаемый товарищ замминистра, поездка прошла замечательно. Мы дали столько-то представлений. Огромное количество зрителей нас посетило. Вот я привез чемодан прессы. Успех неимоверный. Зрители принимали на ура. Единственное плохо — это один человек на протяжении всей поездки вел себя не очень достойно.

Мохов насторожился:

— Как не очень достойно?

— Да пил все полтора месяца беспробудно.

— Пил? Кто же это?

— Я, — сказал руководитель гастролей и опустил голову, готовую для казни.

Мохов, зная Цветкова с юности, встал из-за стола президиума, подошел вплотную и тихо спросил:

— Володя, а почему ты пил там? Что-то стряслось?

— Да нет, — тихо отвечал Цветков. — Просто понимаешь, Коля, сухого вина можно купить 16 литров в день на суточные. А коньяка — 5 литров.

Мохов закрыл глаза и вожденно причмокнул:

— Да ты что?

Он тут же представил себя на месте руководителя...

Программа, которую собрал Олег, тоже «тихонечко» выпивала в Испании. В номере «Подкидные доски» есть трюк, когда три человека стоят друг у друга на плечах. Нижний, средний, верхний. Это трюк средней сложности. Он на языке цирка называется «драйка», или драймангоф. Но поскольку у акробатов ноги были весьма ослаблены от бесконечного смешения сухого вина и коньяка, то нижний едва удерживал всю эту пирамиду. Они извивались, как змея, стоя всего несколько секунд, пока длятся аплодисменты. Острословы из этой программы смеялись и прозвали

этот трюк «синько zero уно», или «501», — по имени лучшего элитного испанского коньяка.

За многие годы «режимных» поездок, когда офицеры спецслужб и свои «добровольцы» вели неусыпный контроль за каждым шагом, Олег в совершенстве освоил все формы существования жизни под прессом.

В Португалии на представление программы Олега Попова пришел капитан большого советского торгового судна и попросил разрешения привести на спектакль всю команду. Денег у моряков практически не было, а увидеть любимого клоуна всем очень хотелось. Руководитель гастролей разрешил привести всех. Команда была большая. В ответ на любезность капитан пригласил в выходной день всю труппу прибыть на корабль.

Артисты на автобусе отправились в порт. Олег Попов в этот день изготавливал вместе с ассистентом Василием очередной монументальный реквизит для новой клоунады. Он попросил разрешения задержаться.

— А в порт мы сами дорогу знаем. Как нам там разыскать корабль?

— Да очень просто, — ответил руководитель. — Выходите на пирс. Как увидите корабль с красной трубой и белой полосой — это наш. Смело поднимайтесь на борт.

Программа отправилась на корабль. Их очень тепло приняли. Повар приготовил фирменный борщ. На второе были макароны по-флотски. Еда и в этих поездках для артистов была «дефицитом». Они по-прежнему экономили и ели только тушенку и суп из пакетиков. За два-три месяца эта пища уже просто не лезла в горло. А тут борщ! И горилка!

Команда корабля была смешанной. В ней также несла вахту группа кубинских моряков. И вот именно они устроили для артистов концерт после ужина. У них был целый оркестр, который допоздна развлекал всех кубинскими песнями и танцами. Олег так и не появился. Поздно вечером артистов привезли назад в отель.

Ночью руководителю позвонил тамошний «дзержинский», Олега в гостинице не было. Договорились ждать до утра.

В четыре утра в комнате руководителя раздался страшный грохот — пришел Олег Попов, а с ним еще пара моряков гражданского флота.

Олег был слегка навеселе, поэтому без конца смеялся:

— Ты сказал красная труба с белой полосой. Мы с Васей поднялись, а вас там никого не было. (Оказалось, что в этот день в порту стояло два советских корабля.) Но люди оказались добрые — приняли нас, накормили до отвала, напоили. Да еще и концерт устроили!

— Ну, хорошо, что хорошо кончается! А то мы уже волноваться начали! Давайте спать, поздно уже!

— Нееет! У меня и справочка есть! — продолжал дурачиться Олег.

— Какая справочка?

— А вот!

И один из моряков протянул руководителю свернутую в трубочку бумагу:

СПРАВКА

Настоящий документ удостоверяет, что Народный артист СССР Олег Попов и ассистент Василий Маленкин находились на борту советского теплохода «Тарас Шевченко» с 21 часа до 03–30 21 апреля 1977 года.

Капитан теплохода «Тарас Шевченко» (подпись).

Секретарь партийной организации теплохода «Тарас Шевченко» (подпись).

Председатель профсоюзной организации теплохода «Тарас Шевченко» (подпись).

(КРУГЛАЯ СИНЯЯ ПЕЧАТЬ:

Теплоход «Тарас Шевченко»)

Олег смеялся без удержу: «Дурак-дурак, а у меня справочка есть! Хорошие люди на корабле. Я им говорю: ребята, мои меня потеряли. А они мне справочку — и печать „бах!“».

Привычка многолетнего пребывания за границей под контролем давала себя знать.

В каждой поездке возникал один какой-нибудь товар, который надо было непременно покупать. В Испании только появились сервизы, на которых были нарисованы сцены из античной мифологии — на кофейниках, молочниках и чашках. Наши артисты прозвали их «Мадонна».

Сервизы были недорогие, поэтому все артисты покупали сразу по несколько коробок, чтобы продать их в Москве и купить что-то нужное, дефицитное.

Не отличался особой щепетильностью и «дзержинский», которому из-за огромных ушей Олег Попов дал прозвище «Чебурашка». Он попросил кого-то из женщин, и ему тоже купили 8 или 10 коробок этих сервизов.

Первоначально эти коробки лежали в его номере, а перед погрузкой, при переезде в Бильбао, весь реквизит собирали и на погрузчиках отвозили в порт. «Чебурашкины» коробки тоже отнесли в реквизит.

Погрузчики поставили всё на грузовики, и те отправились со всем грузом в порт.

Все сервизы были аккуратно размещены между цирковым реквизитом. Когда погрузка была в полном разгаре, «Чебурашка» решил нарушить традицию своего ничегонеделания и приехать в порт. Встал он на пирсе,

прямо под стрелой крана.

Не знаю, то ли нарочно, то ли случайно, но с большой высоты верхнего паллета вниз упала огромная коробка. Она по касательной ударила его в висок и с грохотом хлопнулась о пирс. Из нее посыпалось огромное количество сервизов «Мадонна». Все эти осколки с Фебами, Зевсами, Афродитами валялись теперь по пирсу.

«Чебурашка» от удара упал, на секунду потерял сознание, потом быстро пришел в себя. Его отвезли в больницу на перевязку, а затем велели лежать в номере.

Цирковые женщины всегда хлебосольны, очень внимательны и сердечны. Ровно через пять минут после того, как его привезли, раздался стук в дверь. Пришла одна из актрис:

— Я узнала о несчастье, которое с вами произошло. Вот, принесла вам куриный бульончик и пирожки. Поешьте. Вам сейчас надо. Вам нужны силы.

Она присела на постель больного, подала ему бульон, пирожки, а потом спросила:

— Скажите, пожалуйста, когда коробка вас ударила, вы не заметили, это случайно не мой сервиз на вас падал?

«Чебурашка» даже не нашел слов:

— Ну как я мог рассмотреть? Вы представляете себе: вам сверху на голову падает коробка. Как же я мог рассмотреть — ваш это сервиз или нет?

— Ну ладно, это я просто так спросила.

Через полчаса пришла другая женщина и принесла селедку под шубой и жареную картошку. Точно так же присев у постели, она спросила:

— Вы не видели, это не моя коробка ударила вас по голове?

Тут уже «Чебурашка» рассердился не на шутку. Он подумал, что женщины издеваются над ним. Когда же третья сердечная женщина принесла ему апельсины и кисель и задала тот же вопрос, он заорал на всю гостиницу:

— Вон отсюда! Чтобы духу вашего не было!

Колеватов объявил о том, что приезжает в понедельник. «Вот и славно, — сказал Олег Попов. — В понедельник выходной день, мы его встретим и поведем в какой-нибудь ресторанчик».

Олег обратился к Трахтенбергу. Он недолюбливал его, но знал, что Слава может найти недорогой ресторан для коллективного обеда с гендиректором.

Слава, ни секунды не задумываясь, назвал тот самый ресторан в

центре Мадрида, за обед в котором ему пришлось отдать месячную зарплату.

Колеватова встретили объятиями, поцелуями, анекдотами. Сначала привезли его в гостиницу, налили водки, намазали бутерброды красной и черной икрой. А он произнес свой знаменитый тост:

— Меня спрашивают, какую вы предпочитаете икру — красную или черную? А я отвечаю: и ту и другую!

Взял бутерброд с красной икрой и вытер его о бутерброд с черной икрой. И получился бутерброд с черно-красной икрой. Затем его повезли в ресторан. Там в этот вечер подавали морепродукты и лангустов в очень тяжелых панцирях, которые трудно расковырять. Хозяин этого роскошного заведения подал специальные щипцы. Оказалось, никто, кроме Колеватова, не умеет ими пользоваться.

Он очень ловко щелкал этими щипцами. И сметал тарелку за тарелкой. Принесли полный поднос — не хватило, потом принесли второй поднос. Здесь же сидел и Трахтенберг. Попов пригласил и его, и руководителя гастролей, и еще нескольких артистов. А в тот момент, когда принесли астрономический счет, Трахтенберг вышел. Олег долго искал его глазами, потому что сумма была невероятной даже для него.

Но нечего делать. Пригласили генерального — значит, его надо принимать. В конце своего «хлестаковского» турне Колеватов в небольшом кафе устроил собрание, похвалил артистов, сказал, что ими гордится родина. Наговорил множество приятных и теплых слов — это он умел делать, как никто. Вокруг сидели руководители номеров, и каждый из них перед этим собранием принес ему какой-то подарок. Подарки были разные. Кто-то принес красивые, лаковые туфли. Кто-то подарил бронзовую статуэтку рыцаря, которыми пестрели витрины Мадрида.

Олег знал, что в Испании продаются очень недорогие синтетические ковры-паласы огромного размера. Он снарядил в багаж к Колеватову несколько ковров.

Колеватов попросил: «Лучше привезите их с собой в реквизите. Приедете в Москву — принесете». Фактически не было ни одного человека, который бы не одарил «Хлестакова» подарком, мелким или крупным, дорогим и не очень.

Колеватов принимал подарки без напряжения — весело, с юмором. Он показывал всем, будто так и должно быть: «Я — ваш начальник. Давайте, несите». Когда за столом остались только руководители номеров, Колеватов с хохотом спросил:

— Ну что, «партвзносы» все сдали?

Имея в виду подарки. И лишь один молодой акробат, не участвовавший во всей этой вакханалии, не понял:

— Анатолий Андреевич, а я заплатил партвзносы еще в Москве.

— Ну ладно, тогда тебя это не касается.

Все дружно засмеялись.

Молва в цирке — вещь очень мощная. О том, что новый руководитель вовсю принимает подарки-взятки, заговорили все и стали рассказывать всем и всюду.

Теперь, в какой бы город, в какой бы цирк он ни приезжал, — всюду устраивались банкеты, его угощали, кормили-поили и вереницей несли подарки.

В те времена, в конце 70-х, даже кожаный пиджак считался очень дорогим подарком — «взяткой». Артисты цирка несли подношения не просто так, в ответ они просили что-то. Кто-то просил отправить за рубеж, кто-то выпрашивал звание «заслуженного-народного», а кто-то просил помочь с квартирой.

Надо сказать, что Колеватов в ответ на подношения помогал всем — и простым, и средним, и, конечно, великим. Большие артисты дарили большие подарки, при том что, как потом выяснилось, им вовсе не нужно было подарков, чтобы продвигать себя. Они были и так популярны. Такие артисты, как Олег Попов, ездили за границу до и после Колеватова. Для них это была просто благодарность человеку, который так хорошо к ним относился и во всем помогал.

Однако эта система «повальных подношений» сильно развратила нашу компанию, и часто в коридорах Союзгосцирка можно было услышать такой разговор. Один акробат говорит другому:

— А знаешь, я два года положил на то, чтобы подготовить тройное сальто. Ты ведь знаешь, что это пик в нашей профессии?

— Да, это топ нашей профессии, только вот зачем ты потратил на это столько времени?

— Ну как, я хотел, чтобы мой труд высоко оценили и отправили в какую-то хорошую поездку. Хотел помочь матери отремонтировать дом. Нужны деньги. Зарплата не такая уж и большая у молодого артиста.

А второй цинично продолжает:

— Одолжил бы пять тысяч рублей, отнес бы наверх и сразу поехал бы в Японию.

— Кому наверх?

— Самому.

— Самому? А что, он принимает?

— Да, принимает всю и деньги, и валюту, и драгоценности.

Система начала «звенеть», появились любимчики, появились люди, которые заходили к Колеватову, открывая дверь ногой. Наши артисты не скрывали свои подношения, а, напротив, на каждом шагу об этом рассказывали. Они демонстрировали буквально всем свои доверительные отношения с гендиректором, вызывая у слушателей зависть и уважение.

Многие артисты, такие как Кио, бывали дома у Колеватова. Многие общались с ним напрямую, вне работы. Близкая дружба возникла у Колеватова с Никулиным. Но и с Поповым у него были очень хорошие отношения. И «подарки» становились всё более и более серьезными.

Лучшей, самой прибыльной поездкой для артистов того времени считалась поездка в Японию. Потому что там можно было даже на суточные, недорого относительно наших цен, купить радиоаппаратуру.

Радиоаппаратура в 60-е представляла собой радиоприемники, так называемые транзисторы. Маленькие, большие, огромные. В 70-е появились магнитофоны, пленочные, студийные, и их тоже покупали артисты «на продажу», с тем чтобы поставить в комиссионный магазин или подороже продать какому-нибудь барыге.

А потом, в начале 80-х, в Японии и Германии появились так называемые стереосистемы. Этажерки, на которых находились четыре коробки. Одна из них была проигрывателем для виниловых пластинок, вторая — двухкассетным магнитофоном, третья — мощным радиоприемником, а четвертая — мощным усилителем. Там же внизу стояли динамики.

Такую стереосистему артист цирка мог купить, отдав целиком зарплату за два из трех месяцев работы в Японии. В Москве же такая «игрушка» стоила огромных денег — от 10 до 20 тысяч рублей. Тот, кто сумел привезти такую «систему» и продать ее, за эти деньги становился обладателем трехкомнатной кооперативной квартиры в Москве.

Некоторые артисты привозили Колеватову не только ковры и пиджаки, но и такие стереосистемы. Наиболее ушлые и богатые привозили драгоценности, бриллианты, а еще и валюту. Но опознать, чья это валюта, чьи драгоценности и откуда они появились, было невозможно.

Этот разврат продолжался несколько лет. За те четыре года, что работал Колеватов, система «подарков-взятки» постепенно распространилась на его заместителей, начальников отделов. Артисты между собой жаловались, что, возвращаясь из поездки, они привозили на один чемодан вещей больше. Большая часть — это то, что они купили себе домой, а еще один чемодан — «подарки-взятки» чиновникам. Надо было

дарить всем: секретарям, мелким клеркам, от которых зависела жизнь артистов. Тогда подарками в Союзгосцирке считалось абсолютно все. Например, в 60–70-е очень модны были шариковые ручки со множеством цветных стержней. Ручки были толстые, с пятью — десятью цветными стержнями: включая ту или иную кнопочку, вы могли писать и рисовать то фиолетовым, то зеленым цветом. Это считалось хорошим «подарком» для клерка.

Колеватов продолжал вести абсолютно хлестаковский образ жизни. Казалось, он совершенно не боится, что о его «шалостях» станет известно в ЦК или КГБ. Он продолжал выстраивать контакты и находил поддержку не только внутри Союзгосцирка.

Вычислив в Министерстве культуры СССР нескольких кураторов Союзгосцирка, он немедленно отправил начальника финансового управления в поездку в Скандинавию, где женщина неожиданно для себя сумела заработать несколько тысяч рублей. А начальника оргинспекторского управления — прямого куратора Союзгосцирка и тоже женщину — отправил в Японию. После чего женщина, можно сказать, «заболела» и начала грезить о том, чтобы самой занять место Колеватова. Как ни странно, мечта ее — к несчастью для циркового искусства — реализовалась.

Подарки принимали очень разную форму. Как-то в один провинциальный цирк приехала дочка Колеватова вместе со своим мужем. Артисты, конечно, бегали перед ними, «облизывали» их, накрывали столы: «как же... дочка самого Колеватова!»

Дочка вела себя точно как папа. Весело и цинично принимала дары, высокомерно поглядывая на тех артистов, которые к ней не подходили с поклонами. На этот раз она уезжала отсюда с необычными подарками. Ей поднесли трех собачек — видимо, какой-то особой породы, той самой, которую она «заказала». С того дня в цирке заговорили, что Колеватов берет взятки и «борзыми щенками».

Разговоры шли и шли. Пиком «подарочной истерии» стал 1980-й. В тот год Колеватову исполнилось 60 лет. Его связи еще со времен работы в Большом театре всех поражали. У него были потрясающие контакты в Моссовете, в Министерстве культуры СССР, в городском отделе культуры. Через Рогальских, известных артистов цирка, он подружился с министром внутренних дел Щёлоковым, другом юности Брежнева. Рогальские знали Щёлокова, когда он еще был в Днепропетровске секретарем райкома комсомола, но эту дружбу тщательно скрывали, сделав исключение только для своего руководителя.

Колеватов был уверен в своей абсолютной защищенности. Еще бы! Он сидит за одним столом с министром внутренних дел СССР, произносит добрые тосты, подносит ему какие-то подарки.

Делать подарки самому Колеватову стало «всенародной», всецирковой обязанностью. В программах хватались за сердце, Новый год — надо опять что-то подарить, ведь что попало не подаришь. Всем было известно, как один известный артист принес Колеватову в подарок бутылку очень дорогого французского коньяка. Французский коньяк тогда был супердефицитом и стоил довольно дорого. Колеватов, однако, закричал: «Что я, нищий что ли? Что вы себе позволяете приносить мне бутылки?» И выставил артиста за дверь. Сбрасывались все артисты цирковой программы, а потом руководители коллективов привозили дары «самому». Эта истерия захватывала не всех артистов и директоров цирков, но большинство из них.

Два заместителя Колеватова вообще не участвовали в этом. Один из них был Петр Севастьянов, человек очень порядочный, высоконравственный. Он был заместителем по творчеству. Он категорически отказывался от подношений. А когда приносили внаглую — он выставлял дарителей. Колеватов, зная это, назвал его «Петька-дурак».

Вторым был Виктор Владимирович Горский, первый зам. Фактически вся основная работа лежала на нем. Он тоже отказывался от всяких подношений. Только однажды он приехал в программу, которая находилась в ГДР, и когда самые рьяные артисты стали его умолять: «Виктор Владимирович, ну что вам подарить?» — не выдержал и сказал:

— Ну, раз уж вся программа просит, то подарите мне садовую скамейку-качалку.

Ему купили эту качалку. А потом она стала для него причиной большой трагедии.

В то время в Тульском цирке был поставлен спектакль «Легенда о Фаусте». Это редкая история для цирка. Спектакль имел большой успех и великолепную прессу. О нем писали и говорили.

Олег Константинович Попов, возвращаясь с гастролей в Югославии, остановился отдохнуть в Тульском цирке. Его там очень сердечно приняли, накормили и напоили. И Олег Константинович захотел посмотреть этот спектакль.

Постановщики спектакля стеснялись. Ведь Олег — безусловный авторитет в цирке, он мог и «распетрушить» спектакль — все-таки это был «Фауст». Но Попов настоял на своем.

После спектакля Олег встал весь в слезах. Он плакал. Потом тихо

сказал постановщику: «Ты даже не представляешь, какое чудо ты поставил». Это было 30 декабря, в предновогодний день.

И вдруг 2 января, когда по всей стране объявлены выходные дни, звонит помощник Колеватова и говорит: «К вам едет Колеватов. А с ним целая группа. Делегация руководителей».

Какая делегация? Оказывается, Олег Попов пришел в кабинет к Колеватову, привез ему новогодние подарки из Югославии. Потом тот собрал всех руководителей главка и дал слово Попову. А тот произнес:

— Вот вы здесь просиживаете штаны, а в Туле в это время поставили шедевр. «Фауст». Я смотрел и плакал.

Колеватов был легок на подъем. И вот он приказал всем: «1 января гуляем, а 2-го все едем в Тулу».

Вечером 2 января к Тульскому цирку приехала «стая» из двенадцати черных «Волг». Начальники, заведующие отделами, режиссеры и прочие.

Все они смотрели на постановщика с нескрываемым злом и упрекали его за то, что он тут понаставил чего-то, а люди лишились праздника!

После просмотра спектакля Колеватов вышел на манеж, собрал всю труппу и объявил:

— Вот перед нами настоящий шедевр. — Потом обернулся к своему помощнику: — Напишите представление в Комитет по Государственным премиям. Представить цирковой спектакль «Доктор Фауст» к Государственной премии СССР.

Все заплодировали, раздались бурные крики «ура!». Постановщик тихо спросил у одного из руководителей Союзгосцирка — седого и умудренного опытом человека:

— Это что, правда?

— Да нет, не бери в голову! Он завтра забудет обо всем и про это тоже. Одно слово — Хлестаков!

Вечером после спектакля все высокое руководство сидело за огромным банкетным столом, приходили артисты, рекой полилось вино.

И там Колеватов снова демонстрировал свой знаменитый трюк, когда вытер бутерброд с красной икрой о бутерброд с черной икрой. Уехал он совершенно счастливый.

А постановщик спектакля вспоминал, как за два дня до этого, в канун Нового года, он позвонил Колеватову по домашнему номеру — поздравил его с наступающим. Колеватов был в приподнятом настроении:

— А, привет, Сашка, как дела? Все хорошо? Поздравляю тебя с Новым годом! Прощу тебя принять назначение стать директором цирка.

Он «насквозь» видел и понимал мечты и пожелания каждого человека,

чувствовал, чего хочет от него каждый человек. Это был своеобразный талант.

— Да, кстати, — добавил Колеватов, — тебе привет от Николая Анисимовича.

— От какого Николая Анисимовича?

— Ну как от какого? От Щёлокова, министра внутренних дел. Я сижу с ним за одним столом.

Постановщик был сражен. Он никогда, даже близко не видел Щёлокова. И тем более не был знаком с могущественным руководителем всей советской милиции, другом юности Брежнева, претендовавшим на звание «главного преемника трона». Ничего себе «привет»!

Кто мог подумать, что ровно через 14 дней после этого звонка, 14 января 1982 года, Колеватов будет арестован! И начнется одна из самых мрачных страниц в истории отечественного цирка.

Следственные процедуры

Легко быть следователем по особо важным делам, когда есть ясная директива руководства. Раскалывать перепуганную до смерти жертву, дожимать, сталкивать, проводить очные ставки! А вот когда высокое начальство теряет интерес к твоей работе и на ключевой вопрос отвечает: «Как хочешь, решай сам!» — вот тут уж не до веселья.

Что значит «как хочешь»? Это значит, что ситуация наверху резко изменилась и теперь начальство совсем не жаждет «крови»? Или наоборот? Нет уж, вы будьте добры, дайте внятную команду, что со всем этим делать!

Есть такое народное поверье: как встретишь новый год, так его и проведешь. Анатолий Андреевич Колеватов, генеральный директор Союзгосцирка, встречал новый, 1982 год за праздничным столом с министром внутренних дел СССР генералом армии Щёлоковым. Он и представить себе не мог, что ровно через 14 дней к нему в кабинет войдут два рослых парня, предъявят ордер на арест, наденут наручники и в таком виде выведут из здания. Мимо сотни ошеломленных и оторопевших артистов.

И сразу понесутся по всей стране телеграммы и телефонные звонки: «Колеватова арестовали». — «За что?» — «Как за что, конечно, за взятки». Тогда еще страшное слово «взятка» в Союзгосцирке имело ласковое прозвище «подарки». Но так продолжалось недолго.

Следствие по делу Колеватова поручили вести двум высокопоставленным следователям Прокуратуры Союза ССР. Это были следователи по особо важным делам с генеральскими погонами. Их фамилии надолго врезались в память циркового сообщества.

Следователи утверждали, что с дачи Колеватова и его жены, артистки Театра им. Вахтангова Ларисы Пашковой, было вывезено ценностей на два миллиона рублей. Огромные по тому времени деньги. Те же следователи впоследствии рассказывали, что ровно через сутки пришло распоряжение Колеватова освободить. Он вернулся домой. Но едва успел снять ботинки, как за ним приехали и снова увезли — в камеру предварительного заключения. На этот раз уже надолго.

На первых же допросах Колеватов решил пойти на сделку с правосудием и начал методично сдавать всех, кто за эти годы «дарил ему подарки». Этот процесс занял у него несколько месяцев.

Он с хронологической точностью перечислял всех дарителей авторучек, кожаных пальто и пиджаков, других ценных вещей.

В список попали практически все ведущие артисты советского цирка. Здесь были оба брата Кио, Юрий Никулин, Олег Попов, Филатов, Мстислав Запашный, Рогальский, Авьерино и великое множество других артистов. Огромное количество этих людей почти на три года стало фигурантами скандального уголовного дела. Ведь по законам Советского Союза ответственность нес не только тот, кто брал взятку, но и в равной степени тот, кто ее давал.

Колеватов знал, что в 39-м на Лубянке пытали Мейерхольда и требовали, чтобы он признался, что является японским шпионом, также требовали сказать, кто еще входил в тайную организацию. Мейерхольд, как гласит легенда, назвал фамилии чуть ли не трехсот человек, включая имена всех видных деятелей культуры Советского Союза. Понимая, что всех же не арестуют! Абсурд! Но органы НКВД поступили по-иезуитски. Они арестовывали из этого списка только тех, кого им приказывали арестовывать. А на остальных просто лежало всегда готовое к возбуждению дело. Их в любой момент можно было арестовать.

Здесь же в «дарении подарков» уличались сразу все выдающиеся артисты советского цирка.

Известный иллюзионист Юрий Кириллович Авьерино обычно одевался, как денди, очень дорого: специальный портной шил ему костюмы, пальто; обувь у него была ручной работы. А наутро после ареста Колеватова его увидели в коридоре главка в какой-то туристской курточке, которая не сходилась у него на животе. На ногах у него были чуть ли не кеды.

Артисты перепугались страшно, особенно ведущие. Еще больше они напугались, когда началось следствие. Следователи избирали для допросов самую жесткую форму. Оказывали психологическое давление, сразу переходили на «ты», часто кричали, разговаривали грубо, угрожали реальными сроками, тем, что расследование ведется под контролем политбюро:

— Представляете, какой позор вас ждет, когда во всех газетах, включая «Правду», «Известия», на телевидении будет рассказано, что такой выдающийся артист арестован за взятки? Всему обществу сразу станет понятно, что именно этими взятками вы и добились своих регалий, своих орденов и званий!

Несколько лет работала целая группа. В цирке обычно выходной день — понедельник. В эти страшные годы артисты цирка, работавшие в самых

разных городах страны, всегда встречались в выходной день в Прокуратуре СССР. Ведь именно в этот день их и вызывали на бесконечные допросы. Встретившись, они разговаривали шепотом, боясь и подозревая друг друга.

Выдающиеся артисты просили «отдел формирования», чтобы их направляли в самые отдаленные города Союза. Если раньше они всегда просились поближе к Москве, то теперь их отправляли в Ереван, в Тбилиси, в Узбекистан.

Однако следователей это не смущало. Каждый понедельник покупался билет, и всех их можно было увидеть вместе в коридоре прокуратуры.

Клоуны, гимнасты, акробаты, дрессировщики и иллюзионисты сидели и тряслись. Следователи хорошо знали свое дело. Они вовсю играли на нервах этих людей. Ситуация и в самом деле была очень серьезной. Артисты, включая Олега Попова и Юрия Никулина, понимали, что с ними не шутят. Они понимали также, что это госзаказ пришедшего к власти Юрия Андропова. Тогда еще не было так очевидно для всех, что только что закончилась смертельная борьба между Щёлоковым и Андроповым за то, кто же из них будет преемником Брежнева. Это была настоящая война между двумя ведомствами: милицией и КГБ.

Но так уж случилось, что Щёлоков очень любил цирк. С самой юности он дружил с артистами Рогальскими. За это цирк и пострадал.

Подружился министр внутренних дел и с Колеватовым, и с другими артистами. И у него в гостях бывала частенько Галина Брежнева — дочь его друга. Сам Щёлоков частенько обедал в доме Брежнева. Жена генсека готовила его любимый украинский борщ.

Вот в рамках этой мощнейшей кампании «разоблачения злодеяний Щёлокова» в качестве козырной карты и потребовался цирк.

В начале следственных действий велось тотальное запугивание, это очень серьезно срабатывало. Еще до ареста Колеватова в Союзгосцирке сложилась острая конфликтная ситуация. Непримиримыми врагами стали генеральный директор Колеватов и директор Большого Московского цирка Милаев, зять Брежнева.

Он тоже был народным артистом Советского Союза, Героем Социалистического Труда.

И вот в один прекрасный день Милаев решил стать генеральным директором всего цирка. Колеватов Милаева не уважал и не признавал, как, впрочем, и большинство «великих» артистов цирка.

Союзгосцирк часто нарушал привилегии самостоятельности, которые были у этого цирка. Самостоятельности в формировании программ, выборе номеров и аттракционов. Эта ошибка, допущенная Колеватовым, и стала

для него роковой и привела его к трагедии.

Вокруг Милаева всегда крутились так называемые «жены артистов». Часто у хороших, но очень мягкотелых артистов появлялись странные жены «со стороны». Увидев «слабости» мужа, бывшие буфетчицы, продавщицы, сотрудницы ГАИ жестко брали всё в свои руки. От имени своих мужей они начинали ругаться с директорами цирков, с руководителями главка. Постепенно эти дамы завоевали свое место в оппозиции к Союзгосцирку.

И когда Колеватова арестовали, Милаев торжествовал. Он постоянно посылал на допросы этих женщин для того, чтобы они выливали ушаты грязи на обвиняемых. День и ночь те донимали следователей своими письменными и устными показаниями то на Колеватова, то на Олега Попова, то на Никулина, то на Запашного. Для них настал час торжества, когда они могли выместить многолетнюю скрытую зависть к звездам. Писали буквально на всех. В цирке наступило время всеобщего доноительства. Следователи жаловались, что нигде — ни в кино, ни в спорте — не было вылитو такого количества грязи, как в Союзгосцирке.

Следствие длилось почти три года. Эти три года превратились в настоящую пытку для подсудимых. «Мелких» артистов и мелких взяточдателей после двух-трех допросов переставали вызывать. А вот известных артистов прессовали до бесконечности.

Владимир Дерябкин, очень известный цирковой артист, режиссер, создатель аттракциона — также был неоднократно вызываем на допросы. Когда ему предъявили несколько японских телевизоров, отобранных у Колеватова (а среди них были разные — от самого маленького до огромного), и строго спросили: «Какой из них ваш, какой вы подарили Колеватову?» — Дерябкин, человек очень остроумный, ответил: «Посмотрите, какая широкая душа у меня. Душа донского казака. Разве ж я мог подарить маленький — конечно, мой самый большой!»

Следователи рассмеялись.

Постепенно их сердца оттаивали, потому что они понимали, что если действовать строго по букве закона, то надо арестовать буквально весь цирк. Следователи понимали, что это невозможно. Борьба за власть на самом верху закончилась полной победой Андропова. А сам он давно уже лежал в больнице. И полностью потерял интерес к этому делу.

Олег Попов очень сильно переживал эти вызовы, эти многолетние «пытки», как он говорил. Ведь когда следствие идет много лет, то все рассчитано так, что человек в конце концов психологически просто ломается. Он уже смиряется с тем, что обречен, что у него нет выхода.

И дальше наступает внутренняя психологическая война с самим собой. Всё! Кончилась твоя карьера! Кончилось твое везение! Все закончено! Ты пойдешь в полосатой робе и закончишь свою жизнь пятнадцатилетним сроком. Терзания продолжались даже во сне. Все три года.

Они все были уверены, что их арестуют. Ведь многие помнили 37-й год. И хорошо знали, какие проблемы возникали у Утесова. Помнили, что даже любимица всего советского народа Лидия Русланова пять лет отсидела сначала в колонии, а потом во Владимирском центральном. И ждали примерно такой же жестокости.

Олег Константинович вспоминал, как однажды на него наорал следователь, снова перейдя на «ты»:

— Ну всё, следствие подходит к концу и скоро «Солнечный клоун» в бушлате отправится на лесоповал... Здесь ваньку не валять! Клоунадами не заниматься! Вам скоро сидеть! Где ковры из Испании, которые дарили? Где стереосистема?

— Я не дарил никакую стереосистему. Только один дешевый ковер из Испании.

— Почему вы это сделали?

— Потому что человек ко мне очень хорошо относился, он был очень сердечен. Впервые руководитель ко мне так отнесся. Я ведь имею возможность подарить ковер. Точнее, имел такую возможность.

Выйдя из кабинета следователя, Олег плюхнулся на скамейку в коридоре. С ним что-то произошло. После трех лет сплошного стресса в голове у него началось какое-то мелькание, перед глазами все поплыло. Он ничего не видел вокруг, и Борис Шварц, которого тоже вызывали на допрос, вывел его как слепого на улицу. Олег сел на лавочку. Сидел в кромешной тьме. И только через некоторое время зрение к нему вернулось. Эти «затемнения» повторялись после допросов несколько раз, настолько глубоко было его потрясение.

Борис Шварц многие годы был самым преданным, самым верным партнером и сотрудником в команде Олега Попова. Он знал об Олеге всё. Вплоть до интимных подробностей. Однажды, много лет спустя, в разговоре со своим другом в Германии Олег сказал:

— Я не доверяю Шварцу.

— Как так, он же с вами сорок лет. Он самый преданный вам человек.

Олег ухмыльнулся и сказал:

— Да, преданный. Только вот следователи на Петровке по секрету сообщили мне, что он сдал им меня с потрохами. Всё сдал, только умолял не говорить мне. Так что эта «преданность» мне известна!

Так следственные мероприятия раскалывали сердца, раскалывали дружбу, так рождались конфликты. Мстислав Запашный, один из самых ярких артистов своего времени, был очень близок с Колеватовым. Был он человеком щедрой души. Возил только дорогие подарки. И, получалось, должен был сидеть вместе с Колеватовым.

Запашный понимал это, очень серьезно переживал. Дошло до того, что он сказал самым близким, что если ему будет вынесен обвинительный приговор, а значит, его автоматически исключат из партии, отберут аттракцион, уволят из Союзгосцирка, то он застрелится. Ему ведь как дрессировщику тигров выдавался пистолет с боевыми патронами. И он решил, что если у него отберут всё, на что он положил жизнь, — выход один. Другой жизни он себе не представлял.

И то были не пустые слова. Потеря зрения у Олега Попова, близость к суициду у Запашного, страдания Евгения Рогальского — это все было результатом психологического прессинга, который планомерно вела прокуратура.

Через три года следствия Мстислав Запашный работал в Ереване. Там его пожелал увидеть Католикос всех армян — глава Армянской церкви. Он очень тепло общался с Запашным, говорил, что восхищен его представлением, поднес ему подарки, пригласил в трапезную.

Запашный пожаловался этому мудрецу, что в течение трех лет его каждую ночь гложет тоска, доводя до полного отчаяния. Католикос выслушал и пообещал помолиться за него. Так получилось, что буквально после этой встречи следствие вдруг закончилось и суд не признал Запашного виновным. Тогда он срочно вернулся в Ереван, снова встретился с Католикосом, поблагодарил, а тот сказал:

— Вот видите, Господь вас спас.

— Что я могу сделать для вас лично и для церкви? — спросил Мстислав.

— Что вы, что вы. Я священник, Боже избавь. Вы можете пожертвовать что-то для церкви.

Запашный попросил, чтобы ему отлили свечку ценой в тысячу рублей. Тогда это были огромные деньги. И такую свечку он поставил в главной церкви города Еревана.

А следствие действительно зашло в тупик. Колеватов признался во всех смертных грехах. Артисты цирка также все как один признали свою вину. У следствия возникла серьезная проблема. Уже не было такого давления со стороны политических лидеров страны. Надобность в скандале отпала. А надо было что-то решать. И тогда следствие выбрало следующую

методику. Стали выяснять у экспертов:

— А вот если бы Олег Попов не дарил подарки Колеватову, он оставался бы таким же популярным или нет?

— Разумеется, оставался. Ведь он стал мегапопулярным за двадцать лет до прихода Колеватова.

— А на его зарплату как-то влияла дружба с Колеватовым?

— Нет, никак не влияла. Он первый артист страны, и он получал высшую зарплату, установленную государством.

— А Юрий Никулин?

— И про Юрия Никулина можно сказать то же самое.

Особый интерес следствие проявляло к Евгению Рогальскому. Были попытки обвинить его в том, что он главный взяточник и незаслуженно получил звание народного артиста РСФСР и высшую зарплату. Однако главная причина всех претензий к нему была совсем другой.

Жена Евгения Рогальского, верная и преданная мужу, обратилась во время следствия к другу семьи Иосифу Кобзону и попросила, чтобы тот переговорил со следователями. Кобзон знал старшего из них и, поехав в прокуратуру, задал вопрос:

— Скажите, пожалуйста, что вы прицепились к Жене? Он ведь труженик цирковой, он из цирковой династии. Работает и конный номер, и медвежий номер, и собачий номер. Работает много. Создает программы. Придумывает декорации. Это вообще очень творческий человек. Что вам от него надо?

— Пусть сдаст Щёлокова, — был ответ.

То есть от Рогальского, как человека, близко знавшего министра внутренних дел, требовалось только признание, что Щёлоков был взяточник.

Надо отдать должное Евгению Эдуардовичу: он не сломался на следствии. И за это очень серьезно поплатился.

Следователи придумали такой ход: заставили всех «великих» артистов советского цирка написать документ о том, что Колеватов сам «вымогал» у них взятки. Это хоть и слабое, но оправдание, чтобы не арестовывать и не сажать весь цирк. Пусть Колеватов один отвечает за свою жадность и свои преступления, а остальные пусть выглядят пострадавшими.

Начался процесс, на скамью подсудимых посадили Колеватова, его заместителя Горского, вспомнив ему скамейку-качалку из ГДР, и Евгения Рогальского, народного артиста РСФСР, который так и не сдал Щёлокова. Следствие подвело итог своей трехлетней работы. И потребовало наказания только для этих троих. Колеватов получил

астрономический срок — 14 лет. Для человека, которому тогда уже исполнилось 64 года, это было равно смертному приговору: ведь он должен был освободиться в 78 лет. Из тюрьмы, где долго не живут.

Горский получил три года, но поскольку следствие велось долго, ему зачелся весь период, который он провел в Бутырской тюрьме. Потом он сам рассказывал, как вошел в камеру и ему приказали подойти к старшему — «пахану». Камера была огромная, на сорок человек. Он подошел и поздоровался. «Пахан» спросил:

— Вы Колеватов?

— Нет, я не Колеватов, я Горский, его заместитель.

— А, ну хорошо.

«Пахан» распорядился предоставить ему хорошее место:

— Вы у нас будете здесь в почете.

Через некоторое время, уже как-то сблизившись с этим «паханом», Виктор Владимирович спросил:

— А если бы я сказал, что я Колеватов, что бы вы сделали?

— Ну, Колеватов сдал всех. Больше ста человек. По нашим понятиям, ему бы пришлось плохо.

— А почему мне выделили почетное место, рядом с вами?

— Потому что вы — это цирк, а цирк нас развлекал. Он дарил нам радость! Мы любим цирк. Поэтому к вам уважение. Наш цирк — лучший в мире!

Так рассказывал Горский.

Через некоторое время стало известно, что от арестованного Колеватова, которого отправили в Пермский край, отвернулись все друзья и знакомые. Кроме Юрия Владимировича Никулина. А Никулин, пользуясь своей громадной популярностью, связался с начальником колонии и уговорил, чтобы Колеватову дали самую легкую работу. Его назначили заведующим библиотекой. Он не должен был ходить на лесоповал или выполнять тяжелую работу. У него была самая привилегированная работа на зоне.

Никулин также хотел перевести его с Урала поближе, в среднюю полосу России. По просьбе Никулина директор Тульского цирка договорился с местными руководителями МВД и службы исполнения наказания. Они обещали найти нормальную камеру в городе, чтобы в нормальных условиях человек досиживал свой срок. Узнав об этом, Колеватов прислал директору цирка письмо и передал его через Никулина. Он благодарил его за заботу и сказал, что он никуда уже больше не поедет, потому что второй раз не переживет «этап», который длился 40 дней.

Оказывается, это было самое трудное, что ему пришлось испытать за всю жизнь.

Очень трудная доля досталась жене Рогальского. Энгелина Рогальская была однокурсницей Олега Попова по цирковому училищу. Они вместе в голодные послевоенные годы делили все тяготы. Энгелина всегда называла его Алькой. Она первая узнала о том, что он временно ослеп после допроса, что ему было так плохо и что несколько недель у него не прекращались приступы временной потери зрения.

После ареста мужа эта женщина осталась одна с тремя крупными номерами, с большим количеством животных. И, как водится, на нее начали нападать свои же коллеги-завистники, требуя отобрать у нее все номера, имущество и зарплату, а ее саму прогнать на улицу. Благо за нее заступились друзья, в том числе и Олег Попов. Рогальской сохранили все ее номера.

До ареста Рогальские жили очень привольно. Детей у них не было. Но поскольку были артисты очень эмоциональные, то часто очень громко ругались. И когда в их дом пришла беда, все сплетники были уверены, что теперь-то первая красавица цирка Энгелина Рогальская найдет себе нового мужа.

Если бы в те времена объявили конкурс цирковых красавиц, то несколько удивительных женщин, в том числе и она, могли по праву называться «королевами цирка». Их можно было сравнивать с красавицами Голливуда. А Энгелина Рогальская, оставшись совершенно одна, в окружении злопыхателей, вдруг начала писать стихи, отправлять их мужу на зону...

Все годы отсидки мужа она ходила в Верховный Совет, Верховный суд, в городской суд и т. д. Писала многочисленные письма с просьбой о помиловании и о несправедливом наказании. Потому что формально Евгения осудили за какой-то золотой браслет, но никакого браслета так и не нашли. Это было мстью следователей за то, что он не сдал Щёлокова.

Каждый месяц Энгелина Рогальская набивала сумки по 16 килограммов. В этих сумках были сало, колбаса, сигареты, сухари — все, что допускалось для посылки. И она сама отправлялась на зону к мужу. Ехала на поезде, потом на «кукушке» и на автобусе, после чего ей предстояло пройти пешком 16 километров по вырубленной зимней дороге. Одна из первых красавиц Москвы, рафинированная «светская львица» — она, завернувшись в полушубок, шла эти 16 километров, чтобы отнести мужу передачу. На этой страшной дороге иногда встречались беглые с зоны. Они отсиживались в лесу, нападали на людей, убивали.

Когда Евгений Рогальский досрочно вышел из тюрьмы, то он собрал друзей, которые помогали Энгелине все эти годы. Среди них был и Олег Попов. Рогальский сказал:

— Я хочу вас отблагодарить.

Но общий ответ был таков:

— Ты должен благодарить только одного человека — свою жену. Она у тебя — настоящая декабристка.

Колеватов также досрочно, не без помощи Юрия Никулина, вернулся в Москву. Застал совершенно разоренным свое «гнездо», в которое он долгие годы неутомимо приносил подарки, ценности, бриллианты, валюту. Жена его, ведущая артистка Театра им. Евг. Вахтангова, народная артистка РСФСР Лариса Пашкова, незадолго до его возвращения покончила жизнь самоубийством...

Народный артист СССР Юрий Соломин рассказывал, что случайно встретил его на бульваре и спросил:

— Где вы работаете?

— Работы нет никакой.

И Колеватова назначили «советником директора» Малого театра. Он получал зарплату и тихо доживал свою непростую жизнь.

Когда умер Виктор Горский, руководство цирка на Цветном бульваре разрешило устроить панихиду в своем помещении. В цирке принято провожать своих выдающихся людей на манеже. Но Горский только что вышел из тюрьмы, и на большой манеж положить его тело не сочли возможным. Траурная церемония проходила на малом, репетиционном манеже.

Собралось много народу, много было стариков — ветеранов цирка. На эти похороны пришел и Колеватов. Он выглядел прекрасно, пополнил, отпустил усики, подкрасил волосы. Выглядел бодрячком, шутил, со всеми разговаривал. Одним словом, Хлестаков. Потом подозвал молодого директора цирка и сказал:

— Ты видишь вон того высокого армянина, который стоит напротив нас. Знаешь его?

— Конечно, знаю, он же работал у нас.

— Так вот, запомни — именно этот человек, по заказу Милаева, принес и буквально всучил мне кожаное пальто. Ты же понимаешь, мне это кожаное пальто сто лет было не нужно. Я же был далеко не бедным человеком. А через час ко мне ворвались. Он и был тем самым «provokatorom», из-за которого меня арестовали.

— А зачем вы мне это говорите? — спросил директор.

— Я говорю тебе это для того, чтобы ты передал имя этого «провокаatora» следующим поколениям.

Этот страшный период, длившийся несколько мучительных лет, очень серьезно повлиял на психику всех ведущих артистов цирка.

И, конечно, в первую очередь на Олега Попова. Он вдруг осознал всю эфемерность своей славы. Он вдруг понял, что все, что было им завоевано в этой жизни — успех, звание, ордена, престиж, — все может быть разрушено в одночасье по чьей-то злой прихоти, одним движением руки.

Ему никогда в голову не приходило остаться за рубежом. Он, не скрывая, любил Германию, где пользовался особым успехом. Ему нравилась эта страна прежде всего тем, что в ней всегда было сытно. Он часто повторял друзьям:

— Они проиграли нам войну. Но посмотрите, как они живут, как едят, какие у них дома!

Ему нравилась Германия, а Германии, в свою очередь, очень нравился Олег Попов. Но никогда ему и в голову не приходило остаться там навсегда.

А у нас в стране уже начинались какие-то странные процессы. К власти пришел Горбачев со своей «перестройкой». Пообещал, что очень скоро все будет замечательно. Что завтра наступит научно-технический прогресс, а к 2000 году все жители страны получат отдельные квартиры. Что Россия больше не будет только сырьевой базой. Что наступает век электроники, технологии, высокой автоматизации производства...

И народ поверил ему. Так же, как верил в хрущевскую «оттепель». Поверил, что, может быть, именно теперь и будет все хорошо! Что заживем, пусть не так, как немцы, но хоть немного лучше, чем сегодня.

Зарубежные импресарио

Промоутер из немецкого города Эссена Роберт Вагнер пригласил своего друга в офис. С самой юности Роберт занимался только рок-н-роллом. Когда-то играл на бас-гитаре и имел свою группу. Но вовремя одумался и решил превратить увлечение в прибыльный бизнес.

Потом из года в год он проводил концерты в Германии самых успешных рок-музыкантов мира. Он знал все про характер Майкла Джексона и про «закидоны» Уитни Хьюстон.

Он умел со всеми ладить, а знание рынка и чутье импресарио позволили ему добиться коммерческого успеха. Его по праву считали лучшим в организации музыкальных концертов. Он не гнушался и проведением цирковых шоу и эстрадных концертов — и везде успех, везде прибыль.

А в офисе у него над рабочим столом, где обычно красуется афиша суперзвезды с автографом, висел плакат со сверкающей кабиной новейшего грузовика «SCANIA».

— Роберт, а почему грузовик? Ты же всю жизнь отдал музыке, концертам и представлениям?!

— А потому, что надо заниматься или искусством, или торговлей. Все это: и рок, и цирк, и просто концерты — это есть варианты торговли человеческим материалом. И нет в них никакого элемента искусства. А если уж торговать, то торговать «мерседесами», а не цирковыми жонглерами или акробатами.

И вправду, директора цирков шапито всей Европы — люди примитивные, ограниченные и злые. Они очень хорошо знают, как установить шапито на кривой и неудобной площадке, как раздвинуть кемпинги и протянуть сотни метров электропроводов и водяных шлангов. Но все они, за редким исключением — «Карабасы-Барабасы»; все они плохо относятся к артистам, часто недоплачивают им и обманывают во всем. А уж если в программе появляется молодая одинокая гимнастка, то они проявляют свое подлое нутро по полной. Потому что торгуют эти примитивы не электроникой, не точными машинами, а человеческим материалом.

Но только нескольким из них (и не директорам шапито) артисты присвоили высокое и уважительное звание «импресарио». Это те люди, под крылом которых, как правило, находится целая страна. Они привозят цирк,

оперу, военный ансамбль, кукольный театр — образцы искусства всегда превосходного качества и с наслаждением угощают ими «своего зрителя».

Перестройка была очень тепло воспринята у нас в стране, но еще лучше она была воспринята на Западе. Горбачев объявил всему миру, что угроза атомного нападения со стороны Советского Союза прекращается. После этих слов Горбачева полюбил весь мир и любит до сих пор. Руководители иностранных государств, начиная от английской королевы и заканчивая Рейганом, который, как известно, обманул «Горби» с ложным проектом «СОИ» (спутниковая война), с восторгом смотрели в сторону России. Слово «perestroika» повернуло лица простых людей всего мира к советским людям. Они смотрели на нас с теплом, добротой, радостью и надеждой. Наконец-то мы больше не враги!

Среди тех, кто возил советский цирк за рубеж, было множество ярких фигур. Этих зарубежных купцов обычно называли «импресарио». Каждый из них обслуживал свой регион.

В частности, Матнер регулярно возил артистов в Германию. Он открыл Олега Попова для широкой публики, он открыл Енгибарова, хотя ему так и не удалось провести гастролы этого гения в Германии.

Морис Чалфин возил советских артистов в США. Он был учеником самого известного американского продюсера шоу-бизнеса Сола Юрка. Выходец из Одессы Юрок еще в 20-е годы организовывал гастролы в США для Шаляпина. Его ученик Морис Чалфин тоже проникся любовью к русскому искусству. Он возил и балеты Большого и Кировского театров, и Ансамбль Советской армии. С особой любовью он проводил гастролы советского цирка.

В Австралии таким импресарио был Майкл Эджли. Его отец и дед тоже проводили гастролы Шаляпина. Они же первыми провели в Австралии гастролы советского цирка.

Сам Майкл был женат на гражданке Советского Союза. Он очень любил русских. Говорил по-русски. И раз в два года проводил по всему своему континенту феерические цирковые представления.

В Японии гастролы советского цирка сначала взял на себя бывший якудза по имени Хомма. Он несколько лет очень успешно проводил туры по всей стране. Потом неожиданно умер, и сразу после его смерти, пользуясь болезнью сына, личный переводчик Адзума забрал себе все связи, все контакты, увел часть ключевых сотрудников и создал свою компанию «Большой Циркус».

Во Франции в 70-е годы импресарио стала некая дама по имени Жанин

Рунге. Много лет она была секретарем известной парижской компании «Сорио Ломбразо Томазо». Эти «старички» славились своими прокоммунистическими взглядами, поэтому и получали со всевозможными скидками и преференциями артистов из Союза. Также они возили балет, спорт и, конечно, цирк.

С годами энергичная секретарь стала незаменимым помощником для пожилых продюсеров. А вскоре и сама превратилась в знаменитого импресарио. Жанин Рунге имела эксклюзивные права на показ всего советского искусства во Франции.

Очень яркой фигурой был человек, который возил наших артистов в Латинскую Америку. Звали его Энрике Канюки. Он был аргентинцем из семьи известных аргентинских евреев. По его словам, у него имелись родственные связи с советским дипломатом 20–30-х годов — Литвиновым. Якобы Литвинов имел какую-то связь с бабушкой Энрике. Сам Энрике окончил химический факультет университета в Буэнос-Айресе, стал доктором химии. Открыл свою лабораторию и изобрел формулу, с помощью которой начал производить полимер, имевший в Аргентине огромный спрос. Первая лаборатория превратилась в завод. Посыпались большие деньги, он построил еще несколько небольших заводов. Еще в юности Канюки стал активным членом Коммунистической партии Аргентины.

Понимая, что доходы от полимера скоро закончатся, Канюки искал, куда бы вложить свободный капитал. Как-то один из известных импресарио, мексиканских «волков» шоу-бизнеса, предложил ему провести в Аргентине гастролы советского цирка. Энрике вложился, и гастролы прошли чрезвычайно успешно. Он сразу вспомнил про свое членство в компартии, пошел в советское посольство и буквально потребовал себе лучшую программу, убедив всех, что прибыль пойдет в бюджет партии. И с той поры почти каждый год, 30 лет подряд, возил разнообразные программы из советского цирка по всем латиноамериканским странам — в Чили, Аргентину, Колумбию, Эквадор, Коста-Рику.

Приезжая в Советский Союз, Канюки сразу направлялся в Отдел культуры ЦК КПСС и просил, просил, просил. Человек он был двуличный, никогда не вспоминал про свои действующие фабрики, обращался просто как коллега-коммунист к коллегам-коммунистам. Его очень любил Шауро — начальник Отдела культуры. Ему разрешалось все, для него делались исключительные скидки, предоставлялись исключительные преференции.

В частности, после первых длительных гастролей психологи из ЦК КПСС и КГБ заметили: если советские артисты находятся за рубежом

больше полугода, у них происходят какие-то изменения в психике, возникает критическое отношение к советскому строю. Эти несчастные начинают воспринимать западный образ жизни как нормальный, а советский — как ненормальный. Вышло негласное постановление, чтобы гастроли цирка проводились не более трех месяцев.

С той поры так было везде, во всех странах, — несмотря на мольбы импресарио, терпевших на этом колоссальный ущерб. А Канюки получал программу на пять-шесть месяцев, потому что у него были верные друзья на Старой площади.

Когда началась перестройка, Канюки обратил свой взгляд на Германию, потому что там уже не было крепкого монопольного импресарио, а страна-то самая богатая в Европе. Именно там задумал он провести свои первые европейские гастроли. Готовились к этим гастролям в Германии фундаментально.

Сначала Канюки попросил главный телеканал ZDF дать лучшего режиссера-документалиста. Режиссер приехал и месяца два снимал документальный фильм — не о цирковой программе, а о внутренней «цирковой кухне». Он изумительным образом снимал внутреннюю жизнь цирка. В программе был номер с верблюдами, и он пролез к ним в стойло, при том что верблюд — опасное животное. Спрятался и в деталях снимал, как это животное кормят. Особенно умирительно было смотреть, как верблюд долго, почти две минуты, тщательно жует колючку.

Великого Олега Попова снимали в его слесарной мастерской, там, где он готовил реквизит для своей новой репризы. Очень талантливо показали скрываемую раньше изнанку цирка. Фильм получился великолепным.

За месяц до начала гастролей была назначена большая пресс-конференция, которая происходила не где-нибудь, а в Большом зале бундестага, там, где заседает немецкий парламент.

Олег Попов вместе с небольшой группой вылетел на эту пресс-конференцию в бундестаг. А за два дня до того он должен был участвовать в самой популярной в то время телевизионной передаче «Menschen Mayer». Тогда, в самолете, он открыл для себя новый напиток. В жизни он никогда не был пьяницей, но любил изредка выпить что-нибудь вкусное. Этим вкусным оказался для него «джин-тоник». Английский джин, смешанный с лимонным тоником, — дамский напиток, «long drink» — полюбился Олегу. И с тех пор до конца жизни он ничего другого не пил.

В самолете его компания выпивала, громко разговаривала, смеялась, и никто не заметил, что самолет опаздывает почти на час. А ведь это была немецкая компания «Luft Hansa», которая в принципе никогда не

опаздывает. Они приземлились во Франкфурте, а уже на следующий день им предстояли встреча и работа в Гамбурге. Между этими городами 400 километров. Из-за опоздания самолета из Москвы группа Попова опоздала на второй самолет — из Франкфурта в Гамбург.

Борис Шварц, немного говоривший по-немецки, побежал в компанию «Luft Hansa» и начал выяснять, что им делать. Компания принесла глубокие извинения и в качестве компенсации предложила два варианта. Можно переночевать в гостинице и поужинать за счет авиакомпании, а на следующий день улететь на самолете в Гамбург. Или, если пассажиры очень торопятся, к их услугам «вокзальное» такси, то есть они могут отправиться в Гамбург на такси за счет авиакомпании.

В Германии, на родине «мерседеса», в такси используют только новейшие немецкие машины, самой последней марки. Вот такой роскошный «мерседес» стоял прямо у дверей аэропорта. Борис Шварц открыл дверь и спросил:

— Отвезете нас в Гамбург?

Шофер отвечал:

— Битте! Конечно, садитесь, пожалуйста. Гамбург, так Гамбург.

Они вспомнили, как в Москве той же зимой, ночью, во время вьюги, водители отказываются отвезти в Бирюлёво, даже если предложить им 10 рублей. Они захлопывают перед носом дверь, бросают вас посреди ночи на холодной улице и уезжают. А здесь 400 километров до Гамбурга, ночью. — «Битте».

Разместились в двух машинах. Олег с Борисом сели на заднем сиденье. Ехали в хорошем настроении, смеялись, шутили. Вдруг Борис Шварц спросил, указывая глазами на спидометр:

— Олег, что это? Мили или километры?

Олег засмеялся:

— Это километры. Наш автомобиль едет со скоростью 180 км в час, иногда доходит до 200.

Через три с половиной часа их привезли в Гамбург. По дороге, которая называется «автобан», они наблюдали и другие достижения немецкой инженерной мысли. Если в Бельгии все «автобаны» подсвечены специальными дорожными светильниками, то в Германии светильников нет, но на дорогах всегда светло. Вся разметка делается ярчайшей светящейся краской так, что она светится даже в полумраке очень ярко. По краям «автобана» через каждые 150 метров установлены столбики, а в них вставлены призматические хрусталики. Немецкая инженерная мысль привела к тому, что не надо вообще включать электричество на дорогах и

тратить на это миллионы. Хрусталики в столбиках установлены на уровне фар автомобилей, и когда вы едете ночью по автобану, под вами «ярким огнем» светится разметка всей дороги, а впереди прокладывает путь линия ваших фар, отраженная от хрусталиков, она-то и освещает дорогу далеко вперед.

Как и все люди, Олег менялся с годами. В Гамбурге произошел случай, который был весьма характерен для Олега того времени.

Безусловно, Олег Попов 40-х сильно отличался от Олега Попова 70-х и 80-х. Но и Попов 90-х и 2000-х сильно отличался от Олега 80-х. Тогда, в 80-е, он еще оставался продуктом позднего социализма: непримиримая битва за свое место под солнцем, острое ощущение, что все вокруг стремятся использовать его, «попользоваться на халяву». А к 2000-м он совершенно успокоился — все битвы за жизнь были выиграны. Успокоился и умиротворился.

Но тогда в Гамбурге им предстояла съемка передачи на главном канале телевидения ФРГ ZDF. Это была самая популярная передача в Германии. Продюсер специально выбирал ее, чтобы сразу вся Германия узнала, что к ним снова приехал Олег Попов.

Эта воскресная передача «Menschen Mayer» пользовалась колоссальным спросом, а ее ведущий по фамилии Майер был одним из самых популярных людей в Германии. Тогда-то и произошел конфликт.

Олег с детства был приучен очень жестко держать слово. Был внимателен к своим обещаниям, но особенно — к чужим. Если кто-то из знакомых нарушал данное ему слово, он его просто вычеркивал из списка знакомых.

И вот у него с ведущим этого шоу господином Майером произошел предварительный разговор, из которого становилось ясно, что вся передача посвящена Олегу Попову. Мало того, ZDF подготовил в павильоне огромные декорации в виде собора Василия Блаженного. Они и стали декорациями всей передачи.

По приезде Майер снова встретился с Олегом:

— Олег Константинович, вот здесь вы даете мне интервью.

Олег говорит:

— Хорошо, пожалуйста. Мы же с вами договорились.

— А здесь вы рассказываете о своей жизни, а вон там играете две своих репризы.

Олег сказал:

— А вот об этом договоренности не было.

— Да, но разве вы не понимаете, что вы — клоун, и мы для вас делаем

декорации. Вы для этого прилетаете из Москвы. Я никогда не поверю, что у вас нет костюма.

— Да, я не взял с собой костюм. Потому что вы об этом не просили. У нас не было такой договоренности. Уж простите.

— Как простите? Это прямой эфир. Миллионы зрителей ждут вашей легендарной репризы «Луч». У нас здесь роскошные костюмеры, они вам за сутки всё сошьют. Я помню ваши полосатые брюки, черный бархатный пиджак.

— Нет, ну что вы! Костюм, тросточка, фуражка — это мои партнеры: к ним надо привыкать.

Майер видел, что над ним издеваются. Он понимал, что допустил ошибку и не договорился заранее с великим клоуном о том, что надо еще сыграть репризы, а не только дать интервью, как часто бывало.

Целые сутки он маялся. Потом подошел и сказал:

— Олег, я забыл вам сказать, что к гонорару за интервью за ваше клоунское выступление вам положен большой дополнительный гонорар.

Олег весело отвечал:

— Ну вот вы и нашли выход из положения. Это хорошее решение с вашей стороны. А я попробую решить вопрос с костюмом.

Съемки состоялись и прошли очень успешно. Олег без устали шутил. Его попросили сыграть две репризы, он показал добрый десяток. Немцев поразил его искрометный юмор, а в конце передачи он надел клоунский нос на чопорного, холеного ведущего. Передача имела триумфальный успех.

Ночью группа во главе с Олегом пересела в маленький автобус и поехала в Бонн. Там им предстояла большая пресс-конференция. В здании бундестага собралось более двухсот журналистов всех главных изданий Германии. Олег открыто говорил с ними о перестройке; с великой любовью произносилось имя «Горби» — Горбачев. Многие считают, что триумфальный успех тех гастролей во многом был обязан потеплению политического климата.

Олег Попов рассказал несколько смешных историй, потом схватил лежащие на столе яблоки и стал жонглировать ими. Журналисты посмотрели изумительный документальный фильм о внутренней жизни цирка. Реакция журналистов, а с ними всей Германии на возвращение Попова, как и на возвращение нормальных отношений с СССР, была неимоверно теплой и дружественной. За месяц до начала гастролей по всей стране были развешаны огромные цирковые афиши: «Олег Попов. Перестройка». Дворец спорта, где они выступали, буквально ломился, как в 56-м году. Так начиналась «вторая волна» любви немецких зрителей к

советскому цирку.

Начались гастроли в том же Гамбурге. В программе Олега Попова был знаменитый джигит Давлет Хаджибаев. Когда их всех привезли в спортивный зал, где предстояли выступления, они увидели, что организаторы от Канюки сбивают пол для манежа из тонкой фанеры. А наклон лошадей к земле в джигитовке, когда они идут по кругу с бешеной скоростью, составляет 45 градусов. Поэтому цирковая арена делается как велотрек, и первый внешний круг, так называемая «первая pista», выкладывается из прочной резины под углом, образуя край чаши.

Давлет был поражен:

— Вы хотите, чтобы мы работали вот здесь? Это же бетонный пол. Как лошади по нему скакать будут? Они же на первом представлении выбьют хлипкий барьер вашего манежа и он полетит в первый ряд и поубивает зрителей.

— Мы не знаем. Предложите что-нибудь.

Тогда Давлет с Олегом, понимая, что срывать гастроли никак нельзя, отправились на склад и купили там два слоя самой толстой резины, которую можно было постелить. А манежный барьер стянули лебедкой самым жестким тросом, чтобы под напором лошадиных копыт эти фанерные штучки не разорвало.

Олега поселили в роскошном номере на самом верху дорогой гостиницы, в непонятном нам тогда «пентхаусе». Он впервые очутился в таком номере. В пентхаусе был круговой обзор на четыре стороны. И когда его артисты выходили куда-нибудь утром, он развлекался как ребенок, высовывался на полкорпуса и кричал:

— Вы куда это, интересно, пошли? А ну немедленно назад!

Артисты сначала пугались от неожиданности, а потом улыбались. Это было смешно.

В свободное от репетиций время Олег шел, как обычно, на рынок, благо он находился совсем рядом с гостиницей. Портовый продуктовый рынок был совмещен с вещевым — «фломарктом».

Там были и морские продукты, и антиквариат на продажу. Артисты и Олег увидели там тунца невероятных размеров, в человеческий рост. Когда вечером они возвращались с рынка, продавец рыбы им вслед кричал: «Рыба, рыба! Отдаю все за одну марку!» Но никто не оборачивался. Тогда он кидал к их ногам огромную 10-килограммовую рыбину:

— Отдаю бесплатно!

Но артисты всё равно проходили мимо. Куда ее — в гостиницу?! Смешно!

Шли и на ту часть рынка, которая называется на всех языках европейских «фломаркт», или «блошиный рынок», а по-нашему «барахолка».

Но западные «барахолки» сильно отличаются от наших. Особенно славятся у любителей старины «фломаркты» во Франкфурте, Париже и Брюсселе. Там особые рынки. Скорее они напоминали хорошие антикварные магазины под открытым небом. Там не продавалась всякая рухлядь. На них можно было купить настоящие предметы старины в очень хорошем состоянии. Там, например, можно было увидеть медные насосы, которые когда-то качали пиво из бочек. Или старинные кружки, бокалы, огромное количество статуэток из фарфора, бронзы, старинные картины.

Олег обожал «фломаркты», он в этом пространстве «купался». Ему здесь нравилось. Он находил какую-нибудь фигурку клоуна и долго-долго торговался: «Сколько?» — «10 марок». — «Давайте за 2 марки». — «Ну ладно, за 3». Особенно нравилось ему покупать одежду, потому что на этих европейских рынках она продавалась абсолютно новая. Иногда его смущало, каким образом все эти тонны новой, модной одежды попадали сюда, минуя дорогие магазины. Олег сразу покупал себе два-три пиджака, трое брюк, укладывал в ту же сумку, приносил в цирк, подшивал у своего костюмера, мерил, укладывал в сундук и... забывал навсегда.

Западный Берлин — 89

Город-страна, выдвинутый на передовую сражения двух непримиримых идеологий, город, обнесенный огромной стеной (43 километра только в черте города), Западный Берлин стал грезой и мечтой большинства восточных немцев. Через окна верхних этажей можно было разглядеть, как расцветает в нем цивилизация, построенная на жажде наживы и капиталистической эксплуатации. И как тщетно пытается догнать его восточный антипод, построенный на доброте, отсутствии эксплуатации и материальной заинтересованности. Пытается догнать, но так никогда и не догонит.

Ведь Берлинскую стену поставили посередине единого когда-то города. А бежали через нее почему-то всегда только в одну сторону. Оказывается, это монументальное сооружение было возведено не против чужих, а против своих. Казалось, этому не будет никогда конца. Все были убеждены в незыблемости этой конструкции.

«Две вещи, которые поразили меня более всего на свете: выход человека на Луну и разрушение Берлинской стены» — это слова Олега Попова.

В конце 1989 года Олег начинал новые гастроли в Германии. Первым городом, где они работали, был Западный Берлин. Время было странное. Сегодня об этом снимают фильмы, это кажется далеким прошлым. А тогда наступила волна братского перемирия между немцами, волна, объединяющая Германию. Волна, которая и снесла стену, разделявшую на две части единое государство. Это время будоражило кровь. Казалось, что вот-вот наступит счастье.

По запросу импресарио Канюки в Западный Берлин для программы, которая должна была продлиться еще на полгода, отправили четыре номера. Куда отправлять этих артистов, толком никто не знал. У них были визы ГДР, в ГДР они прилетели. У них были визы Западной Германии. А Западный Берлин имел статус отдельного государства. И туда визы им никто не сделал. И узнали об этом они только на месте.

В самолете выяснилось, что двое артистов сильно простужены. У одного из них температура под 40. В аэропорту ГДР их, конечно, никто не встретил. Время было какое-то разорванное. Они наскребли мелочь и приехали на автобусе к посольству, которое находилось в самом центре

Восточного Берлина, на Александерплац.

Нельзя сказать, что в посольстве им сильно обрадовались — там все были заняты своими делами. Разрушалось государство, разрушалась целая система. Все прекрасно понимали, что ГДР приходит конец, а значит, вслед за ним конец приходит и посольству.

Поэтому дипломаты занимались своими личными делами. Когда семь несчастных артистов явились к ним, дипломаты были очень раздосадованы: «Что с вами делать, не знаем. Кормить мы вас не можем. Лечить мы вас не можем. Поселить мы вас не можем. Куда вас девать? Но въехать в Западную Германию вы не можете, потому что для этого вам надо пересечь Западный Берлин».

Артисты просидели в посольстве час, два. Больной свернулся калачиком в кресле и уснул. Ситуация казалась безвыходной. Олегу Попову очень нужны были в программу эти номера для того, чтобы продолжить тур. Наконец к ним подошел один из молодых дипломатов и сказал по секрету: «Ребята, вы здесь долго будете сидеть. Сейчас Германия объявила новую акцию. Все жители Восточного Берлина могут приехать в Западный Берлин, получить тысячу западногерманских марок, купить на них что угодно и вернуться. Поэтому туда рванула целая толпа. Вы с этой толпой можете там оказаться. А уж дальше как-нибудь найдете своих».

Делать нечего... Артисты отправились к Берлинской стене, к тому месту, где находился главный пограничный пункт. Самая тяжелая участь выпала в тот момент на пограничников, они ведь тоже были немцы и так же радовались тому, что объединяются два государства, что наконец-то можно будет поехать к родственникам. Они горячо сочувствовали всем, кто лез в Западный Берлин, нарушая границу. Душой они были полностью на стороне этих людей.

Группа артистов подошла к фильтрационному пункту. Молодой пограничник с ужасом посмотрел в их паспорта и сказал: «У вас же нет виз в Западный Берлин!» — «Но там наш цирк, там наша программа, пустите нас к своим». Пограничник постоял, посмотрел на них и тихо сказал по-русски: «Проходите».

Так эти семеро без визы оказались на территории суверенного Западного Берлина.

Они и представить себе не могли, что город такой огромный. Им надо было найти цирк, который уже закончил свою работу. Или хотя бы гостиницу, в которой проживали артисты. Они увидели множество афиш, которыми был заклеен город. Искали афиши с Олегом Поповым, с артистами его программы. Но ни на одной из афиш они, конечно, не

увидели название гостиницы, где живут артисты. Видно было, что гастроли уже закончились в каком-то спортзале. А значит, артистов и Олега Попова можно найти только в гостинице. А гостиниц в Западном Берлине несколько тысяч. Они продолжили свое путешествие пешком по городу с больными коллегами. Наконец кто-то вспомнил, что здесь у него есть знакомый, которому можно позвонить и у которого можно узнать, где остановились артисты. Но надо было найти мелочь, а денег никаких, тем более дойчмарок, в карманах ни у кого не оказалось. Упросили кого-то в кафе разрешить сделать один звонок.

И какой-то посторонний человек в кафе сказал, что гостиница называется не то «Савой», не то «Гранд-отель». Начали всех расспрашивать. Сказали, что «Гранд-отель» находится рядом, в двух остановках метро.

Благо погода была хорошая. Они, бедные, шли через центральную площадь города. Там стоял один из самых ярких памятников времен Второй мировой войны — высокая, поврежденная от авианалетов колокольня, бойница у которой была как будто срезана чьим-то адским ножом. Эту церковь не стали ломать, но оставили как знак прошедшего ужаса.

Чуть дальше они увидели памятник двум Германиям. Это был очень высокий параллелепипед, на все четыре стороны которого были впаяны «носы» автомобилей. С одной стороны стены, высотой в 10-этажный дом, торчали «морды» «мерседесов», а с другой — на той же высоте красовались «носы» «трабантов» — этих скромных машин производства ГДР. Наглядно была видна разница между социализмом и капитализмом. Это, пожалуй, самый символический памятник двум экономическим системам.

Шли они долго, почти целый день. Устали невероятно, больные еле двигались. Не было ни воды, ни денег, чтобы хотя бы попить. Наконец увидели гостиницу и рискнули зайти в нее. И случайно в холле увидели ассистента циркового номера. «Ой, ребята!»

К ним тут же выбежал Олег Попов. Он обнял их, повел в ресторан. Приказал, чтобы накормили. Для больных вызвал доктора.

— Хорошо, что вы приехали, потому что завтра мы уезжаем в Западную Германию. Если бы вы сегодня не пришли, то долго бы потом за нами гонялись.

А связи между ГДР и Западной Германией, конечно, не было никакой. Для того чтобы въехать в Западную Германию, надо вылететь из ГДР в Москву и заново прилететь в ФРГ. Так программа воссоединилась. Так и

началось длинное, почти 25-летнее турне Олега Попова по Германии.

Дело в том, что только что, прошлым летом, после длительного перерыва с бешеным успехом закончились первые гастроли Олега Попова. Они проходили под лозунгом «Олег Попов. Перестройка». И символом этой перестройки стал для немцев Олег Попов.

Канюки заработал на этой программе 25 миллионов долларов всего за одно лето, за три месяца. Это был феноменальный результат для шоу-бизнеса. И, конечно, он решил тут же развить успех. Канюки собрал абсолютно новую цирковую программу — во главе с Олегом Поповым, конечно, — и пустился с ней на гастроли в цирке шапито по всей Германии. Но жадность его была столь велика, а желание наживы так сильно, что он решил привезти на гастроли в Германию параллельно еще одну русскую цирковую программу. Сюда же он притащил на гастроли знаменитую певицу. Ему показалось, что наступило время, когда надо бурно и буйно зарабатывать деньги. Через месяц он дополнительно вытащил в Германию коллектив «Цирк на льду». Всего той осенью под флагом «Канюки Интернэшнл Продакшн» собралось на гастроли по Германии четыре программы.

Для Олега и его команды наступило новое время. Они осознали, что ситуация в мире, да и в их собственной стране тоже, резко изменилась. Пора и им принимать какие-то решения. Ведь не может же дальше продолжаться этот полурабский труд артистов цирка, когда ровно 85 процентов зарплаты любого артиста надо было отдавать какому-то Госконцерту. Всем надоело ходить строем, а когда требуют — доносить друг на друга. Когда-то же это должно закончиться! И Олег вместе со своим другом, молодым руководителем гастролей, решил положить этому конец. Он считал свою миссию перед государством выполненной. Он начал работать в двадцать лет. Честно отработал сорок лет, привозя в страну, как ни один артист, миллионы «золотых рублей». Рабочий срок закончился. Ему исполнилось шестьдесят. Время выходить на пенсию. Теперь он решил немного поработать на себя. Благо события в стране его к этому подталкивали.

Так начинались для него бурные 90-е.

«Ребята, надо брать!»

В стране началась первая «бархатная» революция. В одночасье разрушилась Коммунистическая партия Советского Союза. 16 миллионов человек, состоявших в ее рядах, сразу куда-то незаметно растворились.

По Центральному телевидению безостановочно транслировали бесконечные заседания Верховного Совета. Люди заговорили откровенно, без бумажки, упрекая друг друга в прошлых грехах и мечтая о будущем. Вся страна смотрела эти заседания как эстрадные концерты.

По всей стране прокатилась волна выборов. На многих предприятиях рабочие изгоняли старого директора, как представителя «старой коммунистической заскорузлой, надоевшей формации», и избирали нового — путем прямого и открытого голосования. Мощное впечатление на всю страну произвели общезаводские выборы на крупнейшем автомобильном гиганте «РАФ», который производил тогда очаровательные маленькие автобусики. Там созвали общее собрание и директором выбрали одного из горлопанов, который громче всех выступал на митингах. Этот случай подхлестнул всю страну. На многих предприятиях директорами избирали преимущественно тех, кто громче других выступает на митингах. Всем казалось, что именно эти люди приведут их к светлому капиталистическому будущему.

Таких вот «ораторов» избирали и в губернаторы. Во главе целых регионов в одночасье появились демагоги, которые никогда ничем не руководили. Дерзкая демагогия была основным оружием их успеха. *Nomen illis legio* — имя им легион.

Гастроли в Германии проходили бурно. Пригласив к себе руководителем молодого энергичного директора, Олег Попов планировал создать вместе с ним в своей цирковой программе что-то подобное тому, что происходило тогда во всей стране.

Он скоренько созвал собрание всей программы и провел выборы. Директором избрали назначенного на некоторый срок Союзгосцирком руководителя гастролей, а цирковую программу (государственные реквизит, костюмы, животных) взяли в аренду. Так эта модная тенденция пришла и в цирк.

Взяв в аренду средства производства, рабочие (артисты) обязуются выплачивать арендную плату, определенную коллективным договором

между программой и Союзгосцирком, а всю прибыль от продажи билетов в виде заработной платы оставлять себе. Хотя львиную долю от продажи билетов забирал себе, конечно, зарубежный импресарио, в данном случае Канюки. Артистам он оставлял максимум 10 процентов от общей суммы. Но и это были уже совсем другие деньги — их хватало и на достойную зарплату всем артистам, и на выплату арендной платы Союзгосцирку.

Олег сделал ставку на своего молодого друга, и они вместе создали первую в СССР арендную цирковую программу. Действие ее должно было начаться с нового сезона, с сентября месяца, а до конца года им предстояло собрать весь пакет документов и подготовиться к «боям» по переходу на новые условия труда.

Началась ежедневная рутинная работа. Откуда-то из ящика жонглеров достали новую, нетронутую пишущую мини-машинку «Москва». Купили несколько пачек писчей и копировальной бумаги. На них-то и сочинялись долговременные договоры между Союзгосцирком и артистами, между импресарио и артистами, между импресарио и Олегом Поповым.

Профессиональных юристов среди этих людей, конечно, не было, но они впервые в стране сочиняли контракты, исходя из простой логики.

Тщательно выписывали обязанности каждой стороны. Скажем, Союзгосцирк должен был оплачивать отправку, прием и растаможку программы. Росгосцирк должен был обеспечивать все выплаты в Пенсионный фонд. Артистическая сторона должна была регулярно выплачивать значительную арендную плату, сохранять Союзгосцирку «верность» и пр.

Эти документы сочинялись, печатались, перепечатывались — все это происходило при всесторонней поддержке импресарио Канюки. Он в этой ситуации только выигрывал. Артисты же бурно выясняли, кто остается в программе, кто едет, а кто не едет. Часть программы должна была вернуться в Москву, ее надо было заменять. Конечно, очень сильно переживали те артисты, которые прослышали, что их будут менять на другие номера.

Олег и руководство цирковой программы так бурно занимались подготовкой пакета документов, что все города, в которых работал цирк, пролетали мимо, как картинки из цветного калейдоскопа.

Первая часть гастролей закончилась, теперь им предстояло лететь в Москву и уговаривать руководство Союзгосцирка пойти с ними на этот небывалый в отечественной культуре эксперимент.

Перед самым отъездом они заехали в Антверпен. Олег очень любил этот город, разделенный на две части. Одна часть — историческая: ведь это

один из старейших городов Европы, его начало уходит еще в рыцарские времена. С другой стороны, это порт со всеми околопортовыми «грязными» подробностями.

В 1975 году, в соответствии с Хельсинкскими договоренностями, из Советского Союза начали уезжать евреи. Одним из первых городов, который они выбрали для постоянного жительства, был Антверпен. Как правило, это были выходцы из Грузии. Грузинские евреи основали свой маленький бизнес. На одной захудалой улочке около технической части порта они пооткрывали небольшие магазинчики; всего этих магазинчиков было около сорока. Продавалось в них одно и то же, так как единственными клиентами, покупавшими сомнительные товары в этих торговых точках, были русские моряки. Поскольку моряки получали еще меньше, чем артисты цирка, то покупали они в основном жевательную резинку в огромных количествах, третьесортную радиоаппаратуру: дешевые магнитофоны, наушники, плееры. Там же можно было купить самые дешевые в Европе цветные телевизоры. Кто побогаче, мог позволить себе купить видеомэгнитофон непонятной фирмы. Целый прилавок занимали порножурналы и порнокассеты. Все полки были забиты джинсами, также непонятного происхождения. В общем, там продавалось все то, что можно было влет продать в России.

Эти товары, как в зеркале, повторялись в следующем магазине, и т. д. Место это со временем стало очень популярным у моряков и артистов и получило название «красная площадь». Ведь все магазинчики сгруппировались вокруг небольшой площади.

Удивительно, что все эти люди, только что убежавшие из Советского Союза, из Грузии, говорили между собой только по-русски. Коренные антверпенцы и считали их русскими. Вся эта площадь была маленьким островком огромной страны в центре Европы.

Когда здесь появлялся Олег Попов со своими артистами, все продавцы приходили в восторг. С прилавков убирались порножурналы и кассеты — и появлялись водка, огурцы, острая грузинская закуска. Олега тянули за рукав, каждый хотел его угостить. Его там по-настоящему любили, им восхищались, с ним фотографировались, его артистам продавали товары чуть подешевле, чем другим. Олег обожал общаться с этими простыми людьми.

Ближе к центру Антверпена был еще один «русский квартал». После того как сломали старый немецкий вокзал, в каменных арках, на которых держалось это массивное здание, вырезали наружные стены, и под арками образовалось пространство для множества маленьких магазинчиков. Их

тоже заняли преимущественно выходцы из Советского Союза, из тех, что были чуть-чуть побогаче. И этих магазинчиков оказалось не менее сотни. Но там продавали исключительно золото.

Это золото еженедельно привозили специальные курьеры. Они извлекали из своих массивных кейсов большие картонные листы, обтянутые черным бархатом; в них были прорезаны специальные щели, из которых торчали золотые образчики. На первом листе были представлены кольца сорока видов, на втором — серьги, на третьем — крестики с распятием и без, браслеты и прочее, все по одному стандарту. Парадокс заключался в том, что агенты привозили во все магазины один и тот же товар, но в одном магазине стояла очередь, а в другом всегда было пусто.

Самым преуспевающим среди них был Давид. И магазин назывался «У Давида». У него пол был выложен из мраморной мозаики со звездой Давида, были красивые витрины. Давид вел себя подчеркнуто вежливо и предупредительно. Бывая в Антверпене, Олег захаживал к нему и часто спрашивал:

— Скажи, Давид, почему у тебя всегда такой успех в торговле, ведь товар во всех магазинах один и тот же?

Давид отвечал:

— Все очень просто, я каждый день хожу в синагогу. Я молюсь, молюсь, как положено. В этом и есть весь мой успех.

Третьей точкой Антверпена, где жили и работали выходцы из Советского Союза, были магазины-гаражи, в которых продавались экспортные советские машины «Лада».

Фирма «Скалдия-Волга» традиционно располагалась в Бельгии в Брюсселе и Антверпене, поближе к порту. Первое время там продавались советские автомобили «Волга», но потом их запретили использовать на дорогах Европы по техническим причинам. Компания переключилась на другие советские автомобили — «Лада». Эта машина до середины 90-х пользовалась немалым спросом. Причина успеха была в правильном маркетинговом решении: «Лада» продавалась как самая дешевая машина в Европе. Ее цена, как правило, не превышала тысячи долларов. Нередко на заднем стекле «Лады», едущей по дорогам Бельгии или Германии, было написано: «Извините, мой автомобиль сейчас в гараже на ремонте».

Самым успешным продавцом машин был Виктор. Бывший капитан Советской армии, он переехал в Антверпен с женой-еврейкой в 1975-м. И, будучи человеком хорошо разбирающимся в технике, быстро организовал продажу этих автомобилей, поставив всё на широкую ногу.

Для своих, а особенно для друзей Олега, он продавал машины очень

дешево. Молодые жонглеры, акробаты впервые видели машину по такой цене. Тогда ведь эти «Жигули», или «Лады», стоили в Советском Союзе целое состояние. Молодые артисты, словно дети, подбегали к Олегу в восхищении:

— Олег, Виктор предлагает автомобиль за 900 марок, совсем новая «семерка», хорошая, в отличном состоянии!

Олег, устроивший всю эту экскурсию своим коллегам по «достопримечательностям» Антверпена, смеялся:

— Надо брать! Бери два!

— Куда два, Олег, зачем?

Цирковая молодежь сдавала Виктору деньги. А назавтра он сам уже ставил автомобиль на корабль. И корабль через две недели привозил в Ленинград и машину, и документы. Там уже кто-то из родных по доверенности получал этот автомобиль и пригонял его в гараж. А здесь, в Европе, гастроль цирка Олега Попова продолжалась.

Так бурно начиналась новая «оттепель» для Олега и артистов его программы.

Это «будущее» строилось в гостиничном номере руководителя программы и печаталось под копирку на машинке «Москва».

А дома, когда программа вернулась в Москву и начался процесс переоформления документов, замены номеров, оформления документов на багаж, — сотрудники Союзгосцирка, все, кто мог «вставлять палки в колеса», начали делать это с особым удовольствием. Олегу звонили множество артистов: «Олег Константинович, возьмите». Многие из них были его хорошими друзьями. Но он извинялся и говорил, что не может взять всех, что импресарио, то есть хозяин, выбрал ту программу, которую захотел сам. Очень трудно давалась замена. Чиновники ждали взятки от будущих артистов — и получали эти взятки. Естественно, что это делал не сам Олег, но люди из его программы: они приходили, приносили какие-то подарки для того, чтобы решить ту или иную проблему.

Особенно трудно было вывозить животных, потому что нужно было проходить ветеринарные обследования, получать ветеринарные сертификаты. И все это щедро посыпалось подарками, взятками, валютой.

Все вокруг понимали, что это первая программа, которая фактически «отрывается» от Росгосцирка. Становится если не частной, то наполовину частной, уходит из-под огромной лапы Союзгосцирка.

Если раньше самой главной трудностью для артиста было получить визу, разрешающую выезд, от КГБ, то в последние годы все проблемы и «тормоза» упирались в чиновников Союзгосцирка. Он всякими уловками

пытался увеличить отчисления в свою пользу, тем самым уменьшая зарплаты артистов.

Это время напоминало предстартовую подготовку к взлету первого космического корабля. Олег был настойчив и не сворачивал с выбранного пути. Его друг директор «стоял насмерть» и проходил все бюрократические препоны. Чиновникам становилось понятно, что остановить этот мощнейший «локомотив» им не удастся.

За время пребывания в Москве этот серьезный процесс был завершен. Заключены договоры между импресарио и Союзгосцирком, между импресарио и каждым артистом программы. Огромную помощь на этом этапе оказал потрясающий юрист, внук Марка Местечкина.

Импресарио по-прежнему получал огромные барыши, а артисты получали как максимум одну десятую часть того, что они зарабатывали от продажи билетов. В договоре были учтены все моменты страхования и лечения артистов. Олег вместе со своим директором хорошо продумал систему регулярной покупки лекарств для артистов. Эти лекарства за рубежом не для граждан Европы стоили огромных денег. Даже при новых зарплатах покупать их никому не было под силу.

Импресарио должен был раз в три месяца выделять серьезную сумму на закупку лекарств. Был поставлен вопрос и о питании артистов. Если цирковая программа отработывала два-три представления в день, то артистам предоставлялся горячий обед. Канюки представил довольно жесткий график с большим количеством представлений в неделю. По контракту он был обязан кормить артистов. Вообще, этот контракт можно было назвать: «всё для артистов»; впервые практически все их профессиональные и коммерческие чаяния были удовлетворены.

На подписание этого контракта ушло практически все лето, потому что каждый чиновник, который должен был поставить свою визу, делал все возможное, чтобы отказать. Сначала приходил директор, упрашивал, потом приходил Олег, ему отказать было уже труднее. После Олега приходил Борис Шварц — приносил какие-то подарки, какие-то вещи, а чаще просто упрашивал.

Виз было немало — больше десяти. Контракт шел очень трудно. Благо отношения с генеральным директором Андрющенко и у директора, и у Олега были хорошие. В результате после тяжелейших испытаний первый в СССР в области культуры арендный контракт был подписан.

Надо сказать, что коллеги — артисты российского балета — срочно запросили копию этого контракта для себя. И скоро в очередной тур уже отправились артисты Большого театра СССР по аналогичному контракту.

Следом за программой Олега Попова зам генерального директора Союзгосцирка Татьяна Ассовская собрала свою программу и — также по аналогичному контракту — отправилась на несколько лет за рубеж.

Все было готово к началу новой вольной жизни. Дело было не только в зарплатах — главное, что прекращались бесконечное давление и неусыпный, постоянный надзор. Выяснилось, что и в области культуры можно жить и работать без посредников.

Два клоуна

Конкуренцию в искусстве никто не отменял. Первым в Ватикан расписывать галерею был приглашен Рафаэль, а досталась эта работа Микеланджело. Отец множества детей церковный органист Бах не мог понять, как сколотил свое состояние его коллега композитор Гендель.

В науке сотни примеров, когда великие ученые на дух не переносили друг друга, не говоря уже о политиках и общественных деятелях.

Конкуренция широко развита среди великих и одаренных людей. Часто неприязнь имеет яркую и нелюбимую форму. Но все зависит от воспитания соревнующихся. Если они в состоянии удерживать в узде свои эмоции и быть хотя бы на людях вежливыми друг с другом — это и есть пример для будущих поколений.

В цирковом мире тоже была своя «перестройка». В 1980 году умер директор цирка на Цветном бульваре Леонид Асанов, который проработал на этом посту много лет. Он был другом легендарного худрука цирка и главного режиссера Марка Местечкина.

Тогда Местечкину, которому было уже много лет, срочно потребовался молодой, энергичный человек, могущий стать при нем директором цирка. И он пригласил на эту должность своего недавнего студента Леонида Костюка — эквилибриста прекрасного номера «перши».

Условием Костюку было поставлено не лезть в творчество, заниматься чисто директорскими обязанностями и вообще делать то, что будет подсказывать ему опытный «мастер». Однако Леонид Леонидович и не подумал соблюдать никаких условий и практически с первых же дней вступил в жесткий конфликт с Местечкиным. За конфликтом этим наблюдала вся Москва. Доходило до вещей очень серьезных. Так, известный телевизионный режиссер Евгений Гинзбург, снимавший прославившиеся на всю страну «бенефисы» знаменитых артистов (Голубкиной, Гурченко, других), собрался снимать в цирке на Цветном бульваре новогоднее шоу, вести которое должны были Алла Пугачева и Игорь Кио. Это был первый опыт совместного шоу артистов цирка и артистов эстрады.

Гинзбург позвонил в цирк, секретарь соединила его с Костюком. И Гинзбург сказал:

— Извините, но я хотел бы говорить с Местечкиным, мы с ним

сговаривались сделать новый телеспектакль. У него было много идей.

— Местечкина здесь больше нет. Вы можете работать со мной. Я окончил режиссерский факультет ГИТИСа.

И прочее, и прочее.

У Гинзбурга было уже все подготовлено к съемкам большого шоу. Так что он вынужден был работать с Костюком. Хотя впоследствии, конечно, узнал, что Местечкин жив-здоров и продолжает работать главным режиссером этого же цирка. Последний так и не смог поверить, что ученик может с ним так поступить.

Эта «подковерная» борьба последних лет, возможно, и стала причиной того, что Местечкин неожиданно скончался. И в цирке освободилось место главного режиссера.

В том же 1981 году Юрию Никулину исполнялось 60 лет. Он попросил главк сделать ему разнарядку в Калининский цирк, потому что именно в этом цирке он начал когда-то свою работу клоуном.

Там Юрий Владимирович отработал положенные «разнарядкой» три месяца, а потом там же во всеуслышание заявил, что навсегда заканчивает свою клоунскую деятельность и уходит на пенсию. С его точки зрения, клоун должен именно в этом возрасте оставлять манеж. Хотя все помнили, что Карандаш с большим успехом работал до восьмидесяти.

Генеральный директор Колеватов немедленно предложил Никулину стать главным режиссером цирка на Цветном бульваре. Какое-то время Никулин отказывался, говорил, что высшего образования у него нет: есть-то всего лишь клоунская студия. Но Колеватов к таким пустякам относился спокойно.

— Вы легенда и в клоунаде, и в кино, — сказал он Никулину. — Так что занимайте спокойно это место и помогайте хорошим артистам делать хорошие номера.

Тогда же к Колеватову прибежал взбешенный Костюк. Он говорил, что это безобразие, что он не может работать вместе с Никулиным как с главным режиссером. Ведь это он, Костюк, и есть главный режиссер и директор.

Колеватов, относившийся к Костюку с юмором, ответил:

— Леня, запомни: если в цирке, где ты директор, Никулин будет работать даже гардеробщиком, то вся Москва все равно будет ходить «в цирк к Никулину».

Эта крылатая фраза облетела всю Москву.

Так Юрий Никулин возглавил цирк на Цветном бульваре.

К концу 80-х годов в здании цирка стало небезопасно работать. И

Никулин принял решение закрыть это здание.

Цирк торжественно закрыли специальной программой «До свидания, старый цирк!». Это было очень трогательно, очень грустно. И Юрий Владимирович Никулин на несколько лет переселился на Бульварное кольцо, сняв три-четыре маленькие комнаты под офис.

Вопрос о финансировании реконструкции, а фактически о строительстве нового здания цирка на Цветном бульваре в те времена мог решить только председатель Совета министров СССР.

Никулин записался на прием к Николаю Ивановичу Рыжкову и уговорил составить ему компанию Олега Попова и Ирину Николаевну Бугримову. Это были три самых значимых артиста цирка Советского Союза.

Узнав о том, что речь пойдет о реконструкции цирка на Цветном бульваре, Попов сразу согласился.

Это был год, когда вся страна «боролась с алкоголизмом». И когда три звезды советского цирка вошли в кабинет Николая Ивановича Рыжкова, одного из лучших премьер-министров за всю историю нашей страны, их усадили за стол и подали чай.

Никулин сразу пошутил:

— Фу, я думал, что хоть здесь-то подадут нормальную выпивку! А это всего-навсего чай.

Рыжков спокойно сказал:

— Хотите, я сейчас распоряджусь и вам принесут водку или коньяк, что вы предпочитаете?

— Нет, нет, это всего лишь шутка.

В результате остроумных, веселых разговоров, которые поддерживал и Олег Попов, и Бугримов, Рыжков согласился, что цирк надо реконструировать.

— Для реконструкции, конечно, вы выбрали тяжелейшее время, ребята, — сказал он звездам.

Это был 1988 год — пик перестройки. В стране катастрофически не хватало ни денег, ни элементарного продовольствия. Зерно закупали в Америке и Канаде. Но, поразмыслив, премьер понял, что здесь нужно реально помогать, что цирк действительно является любимым народным искусством.

На письме Никулина он поставил драгоценную визу о выделении 60 миллионов государственных «золотых рублей» на реконструкцию-строительство цирка на Цветном бульваре. Только благодаря Николаю Ивановичу эта реконструкция состоялась.

А после выхода из кремлевского кабинета Никулин остановил Олега Попова и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— За то, что ты сегодня сделал, открывать цирк на Цветном бульваре будешь только ты!

Олегу, собственно, больше ничего и не надо было.

Речь шла действительно о строительстве цирка... Потому что, когда цирк начали реконструировать, сразу поняли, что все здание надо просто снести. До самого фундамента.

Строительство поручили финской фирме. Она со своим новым проектом должна была быстро, за два года с небольшим, построить абсолютно новое здание.

Никулин очень хотел сохранить фасад «старого цирка», то есть историческое лицо. Но удалось сохранить всего два фонарика. Сам фасадный вход и барабан с двумя лошадками стали точной копией «старого цирка».

Многим цирковым новое здание не понравилось, потому что оно было построено во времена «хайтека». Холодное железо, мраморные полы, высокие стены. Все это отдавало поликлиникой. Москвичи привыкли к тому, что «старый цирк» был теплый, уютный, «намоленный», как говорится.

В это время Горбачев объявил в стране прямые выборы в Верховный Совет и впервые попытался провести их. Но поскольку он опасался, что его и первых лиц государства страна может не избрать депутатами, то предложил проводить выборы не так, как положено, а «по видам деятельности». Чтобы медики выбирали в парламент своих депутатов, педагоги — своих. А ЦК КПСС смог выбирать в парламент только своих — это же их узкоцеховая преференция.

Коснулись эти выборы цирка и эстрады. В частности, депутатом Верховного Совета был выбран певец Иосиф Давыдович Кобзон. С этого момента и началась его карьера как государственного деятеля; он разным людям помогал решать профессиональные и финансовые вопросы, пользуясь своим статусом депутата.

В цирке были выдвинуты две кандидатуры. Одна из них — силовой жонглер и мануальный терапевт Валентин Иванович Дикуль. Это легендарная личность. Дикуль с помощью самомассажа и изнурительных тренировок преодолел собственную инвалидность и стал одним из самых сильных и ярких «силовых» жонглеров циркового манежа.

Вторым кандидатом в депутаты был Юрий Владимирович Никулин. Конкуренция на выборах была довольно сильная, велась очень жесткая

борьба между профессиональными цехами и политическими партиями за каждое место в будущем Верховном Совете. И на предварительных выборах (праймериз) некая болезненная женщина от коммунистической партии впала в настоящую истерику. Сказала, что таких людей, как Никулин, нельзя допускать в Верховный Совет. Что он якобы, видя, как страна голодает, как разрушаются детские дома, растет число безработных и беспризорных детей, — он, пользуясь своей популярностью, ходит и кланчивается в правительстве деньги, приготовленные на покупку зерна. Ту самую валюту, на которую покупается еда для всей страны. Это была совершенно истерическая речь. Никулин был потрясен несправедливостью обвинений. Он встал и ушел из зала. И категорически отказался избираться в Верховный Совет. Хотя вполне возможно, что если бы он был членом этого Верховного Совета, то мог бы многое сделать для цирка и культуры в целом.

Прошло два с половиной года. Финская компания точно в срок выстроила новый цирк. Началась подготовка к новой цирковой программе «Здравствуй, старый новый цирк!».

Вот только Олега Попова в эту программу открытия цирка Никулин не позвал. Программа была очень хорошая. Там работал клоун Маргулян. Хороший клоун. Но — не Олег Попов!

«Цирковые» не понимали, почему на этом представлении нет Олега Попова. Ну, понятно, Никулин ушел на пенсию, на манеж не выходит. Но Олег-то в отличной форме.

И вдруг в самом конце представления Маргулян закричал хриплым голосом, как когда-то Михаил Шуйдин: «Юрик, Юрик!» И на манеж в своем клоунском гриме вышел сам Юрий Владимирович Никулин. Видимо, ему как артисту этот триумф был необходим. Ему хотелось, чтобы весь зал встал и взорвался бурными аплодисментами. Аплодисментами ему, человеку, который построил уникальное новое здание «старого» цирка.

А вот этого Олег Попов не простил Никулину никогда. Он очень серьезно относился к обещаниям. С ним, как со старинным купцом, можно было не подписывать контракт, а просто ударить по рукам. Он всегда честно, по-немецки пунктуально выполнял свои обещания. Но никогда не делал ни на шаг больше — потому что не было такой договоренности! Но если Никулин в Кремле пригласил его в цирк, пообещал и не позвал — это была обида на всю оставшуюся жизнь.

Отношения между ними всегда были непростыми, но вежливыми. Два лучших клоуна СССР — они часто встречались, сидели вместе за столами президиумов или больших банкетов, всегда очень дипломатично говорили

друг о друге.

Олег Попов имел колоссальный успех за границей, Юрий Никулин такого успеха за рубежом не имел. Его зритель был в Советском Союзе. Прежде всего потому, что он был настоящей мегакинозвездой. Зрители восхищались им в «Самогонщиках», в «Операции Ы», в «Кавказской пленнице» или «Бриллиантовой руке». И вдруг они видели живого любимого актера, который работает для них на арене и исполняет клоунскую репризу. Успех у Юрия Владимировича в Советском Союзе был неимоверным. По популярности с ним никого нельзя было поставить рядом. На улице Никулину приходилось глубоко натягивать шапку и надевать темные очки, чтобы его не узнавала и не растерзала толпа.

Олег Попов тоже попытался сниматься в кино, но в кино у него получалось не очень. У него был некий актерский «зажим». Привыкнув работать со зрителем на большом расстоянии, где необходимо было создавать некую «увеличенную» мимику, понятную и в 20-м, и в 30-м ряду, Олег пытался делать то же самое перед камерой. Но несколько попыток снять его в серьезных фильмах не удались. Хотя он очень много и успешно снимался на телевидении.

Была такая грустная история. Когда в 1966 году Олег Попов заканчивал свои триумфальные гастроли в Японии, туда же приехал Юрий Никулин сниматься в роли клоуна в советско-японском фильме «Маленький беглец». Они повстречались и холодно поздоровались. Олегу, конечно, было очень неприятно, что он, клоун, уже находится в Японии, а на роль главного героя, и тоже русского клоуна, создатели фильма приглашают из Москвы Никулина.

У них у каждого было свое поле. Олег был астрономически популярен в Германии, Европе, США, Латинской Америке. Никулин не менее популярен в своей стране.

Однажды произошел такой странный инцидент. У Олега Попова есть знаменитая реприза «Луч», которой он заканчивал выступления. В ней клоун поздно вечером приходит ужинать, садится в центре манежа. Ищет самое теплое место и усаживается прямо в луч прожектора. Луч убегает от клоуна, клоун его догоняет и ловит. Греясь в этом луче, клоун ужинает: пьет молоко, откусывает хлеб от батона. Затем засыпает и просыпается от резкого звонка будильника. Надо уходить. Клоун собирает все свои вещи, затем ладонями «собирает» луч и укладывает его в специальную прозрачную авоську. Встает и уходит. Когда в эту сумку попадал луч — она начинала светиться во все стороны. «Солнце в авоське». Олег в полной темноте под красивую музыку уходил за кулисы. Это был очень мощный

финал, сумка во все стороны светилась яркими лучами, зал разрывался от аплодисментов.

И вот однажды Олег Попов приехал в цирк на Цветном бульваре, где работал Никулин, и сел смотреть программу. И вдруг оторопел, потому что Юрий Никулин на манеже цирка на Цветном бульваре вдруг начал разыгрывать его репризу «Луч» — главную репризу из его репертуара.

Никулин доиграл всю историю, положил луч в сумку. Сделал несколько шагов, но, вместо того чтобы уйти с манежа и унести луч с собой, извлек его из сумки — и выплеснул этот свет зрителям. В зале мгновенно вспыхнул полный свет. Был невероятный успех. Олег прибежал к Никулину, пожал ему руку и сказал: «Юра, спасибо, очень интересный финал!» И с той поры всегда играл только этот финал.

Бо`льшую часть жизни отношения у них были уважительные. Отношения двух великих мастеров из одного жанра клоунады, двух коллег, двух конкурентов.

Олегу Попову 60

Есть люди, чьи способности проявляются очень рано. Уже двадцатилетними они добиваются признания и успеха. У них возникает дружба с людьми, которые намного старше их.

Так и живут они: сначала в координатах старшего поколения, а потом уже в своем или даже младшем поколении. Совершенно не заметив, как из вечно молодых превратились в умудренных опытом зрелых людей.

Как правило, такие люди не замечают, как к ним приходит старость. Ведь они энергичны, задорны, креативны. А тут — бах, и юбилей!

И вот наступил час «Ч». Перед самым отъездом руководство программы во главе с Олегом Поповым решило отправиться в гости к их большому другу Георгию Пахомову для того, чтобы попрощаться. В расчет бралось и то, что в будущем, возможно, понадобится его помощь.

Друг Олега, Георгий Пахомов, был родом из Свердловска. Там он дослужился до высокой генеральской должности, став директором отделения Свердловской железной дороги, после этого был переведен в Министерство путей сообщения СССР в качестве заместителя министра. Он занимал огромный кабинет, в котором когда-то сидел Лазарь Каганович, на площади у станции метро «Лермонтовская». Цирк в те времена полностью передвигался по железной дороге, и Георгий не раз находил и выручал пропавшие вагоны с цирковым реквизитом и животными.

Друзья весело зашли в кабинет к заместителю министра, постелили газету, выставили на нее водку, селедку, разные другие закуски. Георгий был добрым, простым человеком. Он любил цирковых, и особенно Олега. И после заздравных тостов начался душевный разговор. Георгий радовался за ребят, говорил:

— Хорошо, что вы поедете, заработаете там, побудете, наконец, самостоятельными. Тем более Олегу скоро исполняется 60 лет! Но я тоже, ребята, позаботился о себе. Я, как вы знаете, человек абсолютно советский, жизнь прожил честно. Не думал, не гадал. А тут всеобщий «угар приватизации», и мне как замминистра выделили не самый вкусный, но солидный кусочек.

— А что такое? — поинтересовался Олег.

— Дело в том, что все крупнейшие заводы и мощные предприятия страны имеют свои «узкоколейки», или маленькие железные дороги,

которые на платформах или в закрытых вагонах вывозят весь металл или готовую продукцию с территории завода. И эти «узкоколейки» соединяют завод с основными магистралями. Как выяснилось, таких дорог от заводов к основным магистралям в стране несколько сотен тысяч километров. Друзья, вы можете меня поздравить, сегодня принято решение об их приватизации, и я становлюсь владельцем пакета акций. Так что, когда вы приедете в отпуск — я буду уже очень богатым человеком и смогу вас принять как следует!

Друзья искренно порадовались за Георгия, выпили еще по одной...

А через пару лет во время одного из своих отпусков друзья Попова снова зашли к Георгию. Он продолжал работать на этом же месте заместителем министра путей сообщения уже России.

В стране в 90-е царили разруха, бандитизм. Остановилась практически вся производственная деятельность. Наступило ужасное время ельцинского «беспредела».

Друзья, придя к Георгию, снова расстелили газету. И опять на газете появилась водка, только уже с иностранной этикеткой, в качестве закуски положили нарезки колбасы, сыр и пр.

В середине разговора друзья спросили:

— Ну что, Георгий, получилось у тебя с приватизацией? Ты ведь, наверное, уже миллиардер.

— Ребята, — вздохнул Георгий, — на бумаге все получилось, и я стал владельцем всех производственных «узкоколеек» страны. Только сразу с этой бумагой разом остановились все заводы страны. Дороги от заводов к магистралям есть, а вот отправлять по ним нечего.

И тут этот немолодой «красный директор» как-то сразу «посуровел» и сказал:

— Виноват, я тоже попал под «чуму» этой приватизации, поверил было в эту глупость. Но сегодня, как и сорок лет назад, знаю твердо: если государство заботится о своей безопасности, то оно не имеет права приватизировать ни железные дороги, ни аэропорты, ни самолеты, ни нефтяные и газовые скважины. Да, пусть энергичные люди используют, арендуют эти государственные ресурсы, выплачивая государству честную аренду. Но собственность на все эти стратегические базовые элементы должна принадлежать только государству.

Так сказал нам этот мудрый человек, заместитель министра путей сообщения Российской Федерации, в самый разгар развала страны.

...Последнее, что требовалось сделать перед окончательным отъездом всей программы, это устроить юбилей Олега Попова. Ему исполнялось 60

лет. Олег начал работать в 50-м году. То есть юбилей был двойной — 60 лет со дня рождения и 40 лет блестящей карьеры и работы в государственном цирковом объединении. 40 лет его именем государство получало огромные (всегда миллионные) доходы в валюте. А когда цена нефти упала до самого нижнего края, то цирк стал едва ли не основным источником валютных поступлений в страну. И немалую роль в этом сыграл Олег Попов.

В душе Олег был очень разочарован, потому что 60-летие — это творческая черта, которую подводит каждый человек. Да, он был не обделен жизнью. У него были ордена, высший советский орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени (как он говорил — «на подушечки»).

Он был народным артистом Советского Союза, то есть имел «маршальское» звание. Но в день «золотого» юбилея, конечно, рассчитывал, что руководство страны каким-то образом его поздравит, что будет как-то отмечена его сорокалетняя выдающаяся работа.

Вопрос о месте проведения юбилея не возникал. Как где? Конечно, в цирке, где он начинал, где создавал спектакль «Лечение смехом», там, где его открыла и полюбила вся страна, — в Москве, на Цветном бульваре.

Друзья обратились к Никулину. Никулин сначала сказал: «Да-да, конечно», а потом, через несколько дней, уже накануне юбилея, позвонил Олегу:

— Олег, ты знаешь, у нас несчастье — обвалился потолок в кассовом зале, поэтому я вынужден тебе отказать, 31 июля в день твоего рождения цирк будет закрыт.

Олег ужасно обиделся. Эти два «отказа» и стали основой для новой волны взаимной неприязни двух великих артистов. Олег понимал, что это слабая отговорка. Цирк работал, а кусок штукатурки, что отвалился в кассовом зале, никак не повлиял бы на приход зрителей на юбилей, так как все они идут через центральный вход, минуя кассовый зал.

Олег посчитал, что Никулин просто не хотел, чтобы его главный конкурент работал в его цирке. Так же как и на открытии цирка после реконструкции, когда вместо него, несмотря на клятвенное обещание, работал Маргулян. Ему-то хотелось отпраздновать свой юбилей не в «цирке Никулина», а в легендарном цирке Саламонского, в котором блистал Карандаш, в котором он когда-то начинал и которому к тому времени уже исполнилось более ста лет.

Позднее, уже после смерти Никулина, Олег Попов был буквально шокирован, когда узнал, что этот государственный цирк, первый государственный цирк в стране, который был отремонтирован, в том числе и с его помощью, сугубо на государственные деньги, стал вдруг на сто

процентов частным. «Как это могло быть? Каким образом? — поражался Попов. — Ведь государственный Большой театр никому в голову не придет сделать частным. Или государственную консерваторию никто не сделал частной, хотя желающие могли на это найтись!»

Этого не понимал Олег Попов, человек, имеющий полное право возглавить любой цирк мира!

Директор Большого Московского цирка Леонид Костюк с радостью предложил Олегу Попову провести юбилей. И его провели быстро, шумно, при большом стечении народа в цирке на проспекте Вернадского. Олега пришла поздравлять вся Москва. Здесь были и министр культуры России, и будущий министр Швыдкой; появилась и новый генеральный директор Союзгосцирка Яирова.

Среди поздравлявших был и Юрий Никулин. Не прийти он, конечно, не мог, но пришел не один, а вместе с двумя другими участниками легендарной троицы комиков — Моргуновым и Вициным. Они спели куплеты из фильма «Самогонщики».

Юбилей закончился. Ни наград, ни правительственного поздравления он так и не дождался.

Теперь можно было прощаться со страной. Реквизит и животные были погружены в грузовики; программа и артисты вместе с Олегом сели на самолет и полетели в другую жизнь, в Германию, во Франкфурт. Уже оттуда они переехали большим двухэтажным автобусом в первый город, с которого начинались гастроли, — Кайзерслаутерн.

Лиха беда начало!

Когда пробиваешь головой стену и тебе удастся пробить ее, моментально срабатывает мистически неизбежный закон «отдачи». Его испытал каждый, кто сумел в своей жизни преодолеть казавшееся непреодолимым препятствие.

Закон этот гласит: «Насколько тебе удалось продвинуться в неизведанное, ровно настолько через короткое время судьба отбросит тебя назад». Этот закон испытан не единожды. И работает он только для креативных созидателей. Если ты прошел сквозь непреодолимое, а неумолимая судьба вновь отбросила тебя назад, но ты встал и пошел дальше, значит, эта дорога тебе по плечу. «Ведь все, что нас не убивает, — делает нас сильнее!» (Фридрих Ницше).

Отъезд состоялся в конце лета 1990 года, сразу после юбилейных торжеств. В это время в Союзгосцирке произошли изменения. Вместо генерального директора Андрющенко, который очень лояльно относился к Попову, в цирковую компанию прибыла бывший начальник Организационно-инспекторского управления Министерства культуры СССР Людмила Яирова.

Дело в том, что новый министр культуры Николай Губенко чистил аппарат своего министерства и сразу увидел, что управление, которое возглавляла Яирова, было абсолютно бесполезным. Оно было сокращено. А Яирову, по ее же просьбе, направили руководить Союзгосцирком. После поездки в Японию она давно приглядывала себе это место. Андрющенко бездоказательно обвинили в том, что он подписал несправедливый контракт с США. Была распущена сплетня, что, находясь там, он получил взятку в 100 тысяч долларов. Это была чистая ложь. Андрющенко, будучи человеком гордым, принял удар и не стал оправдываться. Он только пожаловался Попову:

— А вы знаете, что я вообще не подписывал контракта, за который меня сняли? Его, с разрешения Губенко, подписал первый заместитель министра культуры.

Попов возмущался:

— Хочешь, пойдем вместе к Губенко? Это же явная ложь и подстава, чтобы для кого-то освободить твое место!

Андрющенко горько отвечал:

— Все эти походы пустое. Спасибо, Олег. Обидно, что честь мою измарали. Зато благодаря этому контракту Союзгосцирк теперь будет получать каждый год на свой счет 5 миллионов долларов.

(Многие уже тогда называли этот контракт «золотым».)

— А эта сплетня про 100 тысяч долларов?

— Винюсь, я грешным делом получил-таки от импресарио в подарок новые очки с моими диоптриями — эта и была вся «злополучная взятка» за колоссальный многомиллионный контракт.

Так произошло, что в день назначения Яировой на должность Союзгосцирк одновременно отправлял две программы в Германию. Одна — программа Олега Попова, а вторую программу возглавил клоун Анатолий Марчевский.

Главным аттракционом в программе Марчевского были североосетинские джигиты под руководством знаменитого Ирбека Кантемирова. Он громко возмущался назначением Яировой. И после короткой и довольно невнятной речи министра культуры Губенко выступил с легендарной отповедью. Губенко упирал на то, что привел к нам женщину, которая будет работать, как настоящая «рабочая лошадь». Если бы он сказал хотя бы «рабочая лошадка», куда бы ни шло. Но называть женщину лошадью было по меньшей мере бестактно. Тем более в цирке.

И вот тогда вперед вышел седой и благородный старец, народный артист СССР Ирбек Кантемиров, и сказал:

— Господин министр, мы не раз вам говорили, и я лично не раз писал вам, чтобы не назначали к нам людей, которые опозорились, работая еще в управлении министерства, которое последнее время курировало нашу организацию. Что же вы делаете? Почему вы назначаете человека, который не должен, не понимает, не умеет, никогда не руководил ни одним крупным предприятием? За что вы так ненавидите цирк?

Губенко промолчал. Тогда Кантемиров сделал то, что от него никто не ожидал. Он достал из кармана партийный билет члена КПСС и положил его на стол.

— В знак протеста против этого бесчинства я выхожу из рядов Коммунистической партии Советского Союза.

Это было как гром среди ясного неба. В цирке тогда еще никто партбилетами не кидался. Марчевский еле-еле увел разбушевавшегося старика. И, конечно, этот день надолго остался в памяти как день отъезда двух программ и первый день работы нового генерального.

Программа Попова покидала Москву. Ту, теперь далекую Москву 90-х, Москву, в которой начиналось время, когда все вопросы решались только

путем денег, силы, стрельбы. Москву, которую мы себе и представить не могли даже в страшном сне.

Одним из первых городов программы Олега Попова был Кайзерслаутерн. Он известен своей футбольной командой. Там же расположена самая крупная авиационная база Соединенных Штатов Америки в Германии.

В тот момент начиналась война в Персидском заливе, Соединенные Штаты серьезно готовились к войне. В одночасье в небо поднялась и улетела вся американская воздушная армия. Город наполовину опустел, так как в нем проживало очень много американских военных. А немцы сразу прекратили посещать развлечения, потому что так они привыкли развлекаться только в мирное, спокойное время. Когда наступает какой-то кризис, все сразу закрывают свои банковские счета на замок.

В то время в России настала пора, когда из магазинов практически исчезли все продукты питания. Молодой немецкий промоутер подошел к Олегу и сказал:

— У нас есть такое предложение. Поскольку в России не хватает продовольствия, мы можем развернуть по всей Германии программу «гуманитарной помощи России». Красный Крест организует сборы продуктов питания, теплых вещей — всего, что нужно. Ведь мы, благодаря Горбачеву, теперь союзники. А покупка билетов на представление русского цирка тоже будет одним из видов всеобщего гуманитарного сбора.

Олег согласился. Инициировал начало этой знаменитой кампании по сбору «гуманитарной помощи России» министр-президент земли Рейнланд-Пфальц. В конце гастролей он должен был выступить перед артистами и вручить свою гуманитарную помощь — предполагалось, что это будут какие-то деньги. С легкой руки молодого промоутера волна благотворительности захватила всю Германию.

Немцы очень активно включились в сбор гуманитарной помощи. Однажды директор программы Олега Попова шел по улице города и вдруг возле него остановился роскошный, самой последней марки «мерседес». Оттуда вышел какой-то очень мощный сложением человек и на плохом английском спросил:

— Ты русский? Иди сюда!

Директор подошел. Тот открыл багажник, а там лежал метр на метр огромный запечённый окорок килограммов на 25. Как известно, копченый окорок — это немецкий деликатес.

Немец сказал:

— Забирай!

Директор растерялся:

— Зачем?

— Ты же русский, у вас там голодают.

Директор поблагодарил:

— Но это всё там, в России, а я ведь здесь, в Германии. Вы, уважаемый, отдайте это, пожалуйста, в Красный Крест. Мне не надо!

Часто приходили в цирк, приносили какие-то продукты питания. Но артисты и руководство программы просили всех относить эти подарки и всю гуманитарную помощь в филиал Красного Креста в Германии.

Надо сказать, что, несмотря на то что всю шла «Война в заливе», сборы от продажи билетов на цирковые представления снова сильно выросли. Немцы понимали, что их поход в цирк — это не только развлечение, но еще и поддержка страны, с которой теперь можно дружить, а не воевать. И были аншлаги, цирки были забиты буквально под завязку.

Наступил день окончания гастролей. Прибежал взволнованный промоутер и сообщил, что завтра в резиденции министра-президента — так в Германии величают руководителей крупных регионов (земель) — будет дан банкет в честь окончания наших гастролей. Приглашены все артисты. А сам «шеф» хочет вручить Олегу Попову 50 тысяч марок в качестве собственной гуманитарной помощи России. Будет представлено огромное количество телевизионных каналов. А так как это мероприятие широко разрекламировано по всей Германии, то предполагается несколько камер прямой трансляции. Олег только должен взять эти деньги и передать их Красному Кресту.

Олег как-то невнятно покивал головой, однако на банкет явился. В большом зале со светлыми полами, светлыми дверями, красивыми зеркалами был устроен стол для всей программы — более чем на сто человек.

Министр-президент вышел на сцену, вокруг сцены толпилось огромное количество журналистов, было множество телекамер, на нескольких камерах работали лампочки «лайф». Вся Германия с помощью прямой трансляции смотрела эту передачу.

Олег вышел на сцену. Перед этим один из журналистов спросил директора, почему Попов так странно одет: зеленый пиджак, розовые брюки, желтые носки, коричневые штиблеты, фиолетовый жилет?

На самом деле Олег никогда не придавал особого значения одежде, не соблюдал моду. Единственное, в чем он твердо придерживался правил, это были специальные шляпы, которые он заказывал только в Австралии. Круглые шляпы с плоским верхом назывались «Порк-пай». Он ходил

только в этих шляпах, всегда и везде оставался в них. И его, так же как по клетчатой кепке на манеже, по этой шляпе узнавали на улице. Директор ответил:

— Олег — эксцентрик, поэтому одевается всегда эксцентрично.

— Ах! — восхитился журналист. — Этим он высказывает сарказм по отношению к нашим привычкам следовать моде, придерживаться определенного стиля. Теперь все понятно: он — эксцентрик!

Олег поднялся на сцену, за ним поспешил и директор, исполнявший роль переводчика. Министр-президент, высокий, статный, красивый человек в отутюженном, роскошном смокинге с искрой, не спеша достал увесистую пачку денег — 50 тысяч марок. Эта пачка была перевязана красной ленточкой.

Он подошел близко к Олегу и с поклоном преподнес эти деньги «Солнечному клоуну». Защелкали затворы фотоаппаратов. Все камеры приблизились, чтобы снять крупным планом ответную речь великого артиста.

Олег вначале резко отвернулся от министра-президента и стал непринужденно болтать со своим директором о чем-то постороннем: о завтрашнем выходном дне, о поездке на «блошинный» рынок.

Склонившийся в поклоне двухметровый министр-президент не понял, что происходит, и распрямился. Он еще раз пафосно сказал в микрофон, что эти его личные деньги передаются голодающей России через Олега Попова. Он еще раз обошел Олега, еще раз склонился и еще раз попытался вручить 50 тысяч. Это повторялось несколько раз, пока директор шепотом не сказал:

— Олег, что ты делаешь? Идет же прямая трансляция! Вся Германия смотрит!

Тогда Олег развернулся, подошел к микрофону и, немного волнуясь, сказал:

— Я проработал в России больше сорока лет. И я привозил туда огромные суммы валюты. Цирк привозил золото и валюту даже тогда, когда в моей стране не было никакого другого источника валютных поступлений. Я делал все, чтобы моя страна была богатой и процветающей. А эти деньги не возьму!

И, переходя почти на крик, прибавил:

— Передайте их тем, кто довел мою страну до ручки!

После чего он взял директора за руку, и они оба спрыгнули со сцены и ушли из зала.

Что было с камерами, с прямой трансляцией, можно представить. Но

таков был Олег Попов, таков был этот человек, который осознавал свою гражданскую ответственность за каждое произнесенное им слово.

Энрике Канюки, импресарио этой программы, восхищенный первыми гастрольями Олега Попова по Германии, когда он заработал за одно лето 25 миллионов марок, решил воспользоваться благоприятным моментом и умножить свои доходы.

Помимо программы Олега Попова он привез еще три программы. Самый большой успех был, конечно, у программы Олега Попова. Она была компактная, маленькая, и, естественно, имя великого артиста вызывало в Германии небывалый интерес.

Однако с первых же дней выплаты артистам по новым ставкам Канюки проводил нерегулярно. Возникли неприятные задержки, а потом какие-то недоплаты. Тогда при полной поддержке Олега директор устроил мощный разнос импресарио:

— Что вы себе позволяете? Мы же вам приносим полные залы!

Канюки пожаловался, что в другой русской программе, «Цирк на льду», дела идут не так хорошо, как у нас. «Это же ваши товарищи!» Он вовсю использовал свою коммунистическую риторику. Директор и Олег сказали:

— Ну, хорошо. Один-два раза мы потерпим, но мы не можем сидеть вообще без зарплаты, если остальные ваши программы горят. Зачем же вы нагнали столько программ? Жадность?

Дальше было хуже. Начались перебои в выплатах. Канюки с деньгами приезжал все реже. В его речах появилась желчь. Он вдруг начал говорить зло об артистах:

— Вы хотите попробовать «сладкого» капитализма? Вам плохо жилось при коммунизме? Я вам покажу, что такое капитализм! Вы видите только машины, магазины, рестораны. У капитализма есть жесткие зубы.

Так длилось всю осень. Это было ужасно, потому что программа с огромным трудом и сложностями выехала из России. Сотни глаз с завистью смотрели им вслед, считая, сколько денег они уже получили. А здесь сразу же, с первых дней, все не заладилось.

Сначала Канюки досрочно вернул в Москву «Цирк на льду», потом программу Марчевского. Но долги за гостиницу, за автобусы, за питание, за переезды, которые образовались у уехавших программ, оказались для него абсолютно неподъемным бременем. И одна небольшая программа Олега Попова оплатить долги этих горе-коммерсантов никак не могла.

Было очень обидно понимать, что рушится маршрут, намеченный и проработанный десятками немецких промоутеров практически на целый

год. Программа должна была гастролировать по всей Южной Германии. Продажи билетов бойко шли по всем городам. После этого готовилась поездка в Австрию. Потом летний перерыв на отпуск и продолжение, рассчитанное на несколько лет.

Но сразу что-то не заладилось с Канюки. Олег нервничал, просил Бориса Шварца звонить в разные города в поисках импресарио, к которому можно было «перепрыгнуть». Олегу казалось, что это так просто: ведь программа уже здесь, он здесь, реквизит здесь, а значит, не надо платить за транспортировку большие деньги. Просто забирайте всю программу и зарабатывайте на ней.

В этот период к ним в программу приезжало много директоров цирков, они смотрели, хвалили шоу, хвалили Олега. Но все говорили одно и то же: «Нам нужно полгода подготовки, чтобы принять вас. Нам необходимо провести колоссальную рекламную акцию — ведь иначе в Европе денег не заработаешь! Мы не можем просто так привезти вас в другой город, не подготовившись как следует».

Олег же настаивал, чтобы переход «из рук в руки» (раз Канюки не платит) произошел немедленно. Он прекрасно понимал: если программа уедет домой — сюда она больше в таком виде уже никогда не вернется. Эксперимент с самостоятельной программой с радостью посчитают неудавшимся.

Кончилось тем, что Канюки приехал — как выяснилось, в последний раз. Привез сумку с деньгами и сообщил, что, наверное, программу придется остановить. Он привез треть зарплаты, которую ждали артисты. Это вызвало негодование Олега и всех. «Мы не будем работать, мы остановим программу» — то была естественная реакция артистической души.

«Ну что ж, не работайте!» — таков был ответ Канюки.

Гастроли в городе закончились. Надо переезжать в другой город, где уже хорошо продаются билеты и где все готово к началу. А здесь надо немедленно освободить гостиницу, надо грузить багаж. Цирк шапито, в котором велись представления, был арендован Канюки у немецкого цирка «Фли Фляк». Хозяева шапито жаловались, что и им уже давно не платят. И они намерены освободить свое шапито и конюшню и уехать. Освободить шапито означало выбросить весь реквизит артистов, а освободить конюшню означало выгнать всех животных, собак, медведей, верблюдов на улицу.

Этот день был одним из самых тяжелых и страшных. Утром пришли люди и сказали, что всей группе надо срочно освободить гостиницу.

Пришел хозяин автобуса и потребовал, чтобы ему заплатили деньги за автобус.

— Извините, но вам должен Канюки.

— Да, Канюки, а где он?

А Канюки нет. И ситуация оказалась критической. Артисты были брошены практически на произвол судьбы. Директор с Олегом поехали в небольшой городок Оффенбах, где располагалась штаб-квартира Канюки. Там он с помощниками снимал большой немецкий дом.

Немецкие дома, как правило, трехэтажные и славятся своими подвалами. Как раз в подвале этого массивного коттеджа и был устроен офис. В офисе сидели четыре девочки, и настроение у них было тяжелым, они чуть не плакали.

— Что случилось? — спросил у них Олег.

— Канюки улетел в Аргентину.

— Как улетел в Аргентину? Бросил всех? А вам он заплатил?

— Нет, он нам не заплатил за два месяца. Потом приезжала жена второго импресарио и попросила нас помочь ей съездить по магазинам, она долго покупала чулки, носки, одежду своим детям. Истратила несколько тысяч марок. Мы помогали ей в расчете на то, что она и нам все-таки выплатит зарплату. Она спокойно истратила кучу денег, собрала вещи и уехала, оставив нас ни с чем.

Олег подошел к рабочему месту этого Канюки и увидел огромный письменный стол, накрытый одним большим листом бумаги, словно простыней. Весь этот лист два на полтора метра был испещрен мелкими колонками пятизначных цифр. Колонок было такое множество, что казалось, что это черные жучки разбежались по всему огромному листу белой бумаги. Вероятно, именно здесь шли постоянные, мучительные подсчеты. Деньги отсюда перекинуть туда — ведь четыре программы одновременно — это не шутка. И если в прошлом году программа принесла 25 миллионов прибыли, то в этом году убытки оказались просто баснословными. Канюки разыскивала полиция, Канюки разыскивали хозяева гостиниц.

Олег и его директор вернулись в цирк. Они сидели на крылечке антикварного вагона, купленного когда-то у лучшего цирка Германии «Цирка Ронкалли».

К ним подошел молодой немецкий промоутер из этого города Клеменс Зипце и сказал:

— Да, я знаю про вашу беду. Не могу сейчас подписать с вами новый контракт, как вы хотите, но я предлагаю вам сыграть со мной в «русскую

рулетку».

— Как это? — спросил Олег.

— А вот так. Давайте я буду приносить вам деньги каждый вечер перед представлением. Сколько стоит ваша программа? Сколько стоит зарплата всех артистов плюс зарплата Олега? Вот эту сумму я буду приносить вам за 30 минут до начала шоу. Если же мы не принесли вам денег, значит, шоу не состоится. Согласны?

Это было ужасное предложение. Висеть на ниточке, ждать: принесут — не принесут деньги малознакомые люди. С женами, с животными, с реквизитом... Но делать нечего. Назад дороги нет. Директор и Олег согласились.

Так продолжалось почти два месяца. Представитель Клеменса Зипце, высокий молодой человек, затянутый в кожаные брюки, в кожаную куртку, в кожаной кепке, в золотых очках и с очень неприятным выражением лица — Саша Митман, приезжал на мотоцикле за 30 минут до начала представления, привозил пачку денег. Тогда директор давал «отмашку» Борису Шварцу начинать программу.

Однажды Клеменс и его партнер Дитер пригласили Олега и директора в ресторан. Там они отобедали, и Клеменс сделал новое предложение:

— Итак, как вы знаете, мы два месяца регулярно платили вам деньги. Сейчас вы едете в Австрию, следующий ваш город — Линц. Зальцбург и Линц — это города недалеко от Вены. Мы вам не рекомендуем туда ехать. Да, мы знаем, что там есть договоренность, что наши коллеги промоутеры уже продают билеты, мы знаем об этом. Но мы предлагаем вам прервать гастроли сейчас и уехать. А ровно через три месяца мы вас возьмем с шикарной рекламой и проведем хорошо подготовленный тур на два-три года.

Олег и директор глубоко задумались. С одной стороны, это предложение было грамотное, потому что ездить без рекламы было равно самоубийству. С другой — в Зальцбурге и Линце работали такие же промоутеры, как Клеменс, и они уже вовсю продавали билеты. Олег принял решение — ехать в Австрию.

Клеменс и Дитер были очень разочарованы. Артисты расселись по автобусам и отправились в Австрию. Предстояло проехать почти 500 километров. Когда Олег вышел из машины и зашел в маленькую, изумительную австрийскую гостиницу, которая выглядела как пряничный альпийский домик с домашней, теплой атмосферой, он вдруг увидел, что вся без исключения программа сидит и ждет в фойе.

— Что случилось, ребята? Вас не расселили?

— Нет, нет, не в этом дело. Вы слышали, что весь наш багаж, который ехал сюда поездом, сгорел под Мюнхеном?

— Нет, в машине ничего не слышали.

Включили телевизор. По всем новостным каналам Германии показывали страшную для всех цирковых артистов картину. На всем ходу двигался мимо станции тот самый антикварный цирковой вагончик. Из него бил язык пламени, который доставал почти до электрических проводов. Пылающий вагон летел мимо станции Мюнхен-товарная, пламя огромной шапкой волочилось за ним следом. Вагон отцепили, перегнали в тупик. И все, что в нем было, очевидно, сгорело.

Это был шок. Как выяснилось, корреспонденты телевидения случайно снимали репортаж на станции Мюнхен-товарная. Установив камеры, журналисты вдруг увидели наше несчастье, сработала профессиональная выучка — они всё это сняли и показали на всю страну.

Олег с директором снова сели в машину. Только что они проехали 500 километров, а теперь вынуждены были развернуться и ехать назад.

В Мюнхен на товарную станцию они прибыли поздно ночью. Еле-еле отыскали вагон, который стоял в тупике. Вооружившись фонарем, вошли в него и стали рассматривать, что осталось. А рассматривать было нечего: сплошная зола и огромные куски слипшейся фольги и металла.

Потом в вагон вошел какой-то человек с фонарем. Он спросил, кто мы, и показал свое удостоверение. Выяснилось, что это был следователь криминальной полиции.

Так случилось, что все артисты программы перевозили свои костюмы и реквизит именно в этом вагоне, потому что он был самый теплый и сухой. Туда они поставили свои коробки и ящики с реквизитом и костюмами.

К счастью, Олег, умудренный опытом, перевозил свой реквизит и костюмы в железных ящиках, и у него одного ничего не пострадало.

Было очевидно, что огонь возник не случайно. Кто-то очень не хотел, чтобы программа Олега Попова работала в Австрии и чтобы в Австрии был успех.

Директор достал НЗ — «резервную сумму» — и сказал:

— Друзья, сейчас зима, по всей Германии готовятся карнавалы. Верхние этажи всех универмагов отданы под карнавальные костюмы; кое-что можно сшить и самим. Давайте соберем с миру по нитке и сделаем так, чтобы программа работала.

Олег всегда повторял одно и то же:

— До крапивы! Надо дожить до крапивы! Давайте продолжать гастроли.

Надо было продолжать гастроли любым способом — назад дороги нет. Или возвращаться, как побитые псы, домой и рассказывать про сбежавшего импресарио, полностью сгоревшие костюмы и реквизит? В Москве они своими бедами вызовут лишь злорадный хохот и злобную прессу. Да и вряд ли кто-то отпустит их снова в свободное плавание.

Собравшись духом, усилием воли артисты начали изготавливать костюмы. До премьеры оставалась неделя.

Как известно, женские цирковые костюмы в основном состоят из трусов и бюстгалтеров. У некоторых женщин-актрис нашлись в сумках запасные. Они щедро поделились с подругами. Взяли напрокат несколько швейных машинок. И началась невероятная подготовка к премьере. Как ни печально повторять, но «русским для единения нужна большая беда». В эти дни программа демонстрировала невероятное сплочение и взаимовыручку.

Труднее всего было акробатам с подкидными досками. К счастью, запасная металлическая станина — основа подкидной доски — была в соседнем вагоне и не пострадала. Ребята купили необходимые буковые планки и быстро собрали их. Большую часть костюмов нашли и закупили среди вороха карнавальных костюмов в универмагах.

В день премьеры все номера были готовы. Это было настоящее чудо. Плакали все — плакали сотрудники цирка, плакали сами артисты. Никто не мог поверить, что из пепла и комков расплавленной фольги и металла возродится полная цирковая программа.

Саша Митман, который ежедневно привозил деньги от Клеменса, тоже приехал из Германии в Австрию. Он долго смотрел на это цирковое представление. Не мог поверить глазам своим.

Тогда некоторым и показалось, что именно он имел отношение к этому пожару.

В те же дни случилась другая беда. Дома в России уже много лет мучилась от рака жена Олега Попова — Саня. И вот пришло страшное известие. Позвонила дочь Олега и сказала, что Саня умерла. Стенки у гостиницы были тонкие, и все артисты слышали, как всю ночь напролет рыдал Олег. Он рыдал громко, ревел, как белуга. Он был похож на незащитного мальчика, у которого отобрали самое дорогое. Рано утром он постучал в дверь директора. Сказал:

— Давай поедem вместе, мне нужен винный магазин.

В Австрии, Германии и Голландии часто встречаются специализированные магазины алкоголя. Вот туда они и отправились. Вошли в магазин, в котором было огромное количество напитков, тысячи разнообразных бутылок. Они стояли на прилавках, на маленьких этажерках

и просто в пирамидах на полу.

Олег был так растерян, что когда вошел в магазин, зацепил пирамиду с бутылками и несколько бутылок, штук пять, упало и разбилось, залив красным вином все полы магазина. Тогда это показалось символичным — Саня умерла.

Олег полез в бумажник, предложил деньги за то, что разбил. Но хозяева магазина успокоили его. Сказали:

— Не беспокойтесь, все это у нас застраховано, не надо ничего платить. Что вы хотите?

Олег сказал, что хочет купить сто бутылок розового вина. Директор не стал ни о чем расспрашивать Олега.

Розовое вино было любимым вином Сани.

Оплатили, услуга магазина поставила ящики в багажник машины Олега. Теперь они отправились в магазин канцелярских принадлежностей.

Тогда, в 90-е, только появились в продаже маленькие свечки в красных подсвечниках-чернильницах. Олег закупил их тоже несколько сотен штук. Когда приехали в цирк, он попросил артистов не расходиться и побыть за кулисами. Сейчас будут поминки и траурная панихида. Промоутер ждал, понимая, что отменить ряд проданных целиком представлений невозможно. Второй раз зрители не придут. Но ведь тут такая беда, куда деваться?

Олег тихо сказал:

— Я никуда не поеду.

— Почему, Олег? Это же Саня. Твоя любимая женщина!

— Я хочу, чтобы в моей памяти она осталась живой. Я не хочу, я боюсь видеть ее мертвой. Пусть она останется живой во мне, в моем сердце.

В манеже он попросил выключить свет. Все артисты ждали за кулисами. Ждали довольно долго, не понимая, что происходит. Наконец пришел немец радист и включил траурную музыку.

Олег пригласил всю программу на манеж. Начиная с самых первых гастролей Олег и директор возрождали старую цирковую традицию: все главные события — дни рождения, праздник Нового года, проводы усопших — всё это в старом цирке проводилось на манеже.

Когда артисты программы вошли в темный цирк, они были шокированы. Из сотен маленьких красных свечек во всю 13-метровую ширину манежа Олег написал одно слово:

«САНЯ».

Он поджег свечки, и они под ветром и сквозняком циркового шатра бесшумно колыхались в темноте. Звучала траурная музыка, по кругу

барьера стояли открытые бутылки с розовым вином и бокалы. Это было очень трогательно и очень чувственно. Ни один человек из тех, кто присутствовал там, никогда не сможет сказать, что Олег с равнодушием отнесся к смерти жены, и не сможет осудить его за то, что он не поехал на похороны, переложив всё на плечи дочери.

Олег любил Саню. Это был особый человек, он по-особому видел мир, по-особому любил и ненавидел.

Не будем и мы судить его за это.

Малые голландцы

Есть голландцы «великие» — Рембрандт, Ван Гог. Есть «малые» — Якоб ван Рёйсдал, Ян ван Гойен, непревзойденные пейзажисты. «Малые» — это не оценка их творчества, не масштаб таланта, но тяга к «малым» формам, к камерным сюжетам. Хотя в обыденном сознании «малые» они именно в сравнении с Рембрандтом.

А еще были голландцы совсем «малые», рядовые. Кто мог представить, что судьба свяжет Олега именно с этими людьми? Они возникли абсолютно случайно, очутились рядом с ним в трудный час. И, как оказалось, — на долгие годы.

В жизни так бывает — уникальное, яркое явление, предмет всеобщей зависти, быстро сгорает и пропадает. А серое, скучное, примитивное явление задерживается очень надолго. И «правит балом». Парадокс, но «серость», как правило, побеждает в этой жизни.

Почти через год после смерти Сани, когда программа работала в маленьком уютном городке, к ним на представление пришла красивая молодая девушка. Пришла как простой зритель.

В то время Олег очень мучился от одиночества. Он не мог жить один. С ним рядом всегда должен был быть кто-то близкий: мама, няня, жена, друг. Он тосковал, ночью часто плакал. И его близкие друзья, Борис Шварц, дирижер Борис Порожецкий, пытались найти для него какую-нибудь женщину, которая могла бы скрасить его одиночество.

Времени после смерти Сани прошло уже немало. Траур закончился.

И вот артисты увидели эту красавицу — с длинными ногами, в коротком черном платье, с прической, как у Мирей Матье. Она сидела на приставном стуле очень близко к форгангу (занавесу).

Оказалось, первым ее увидел Олег. Он и дал команду Борису Шварцу, чтобы тот поставил стульчик, и барышня села возле актерского выхода. Девушку звали Габи.

Артисты цирка частенько внимательно рассматривают зрительный зал. Выискивают разных персонажей — толстяков, лысых. Обычно это делают клоуны, они выбирают себе партнеров для шуток.

Олег выходил в свои клоунады и каждый раз махал Габи, давая понять, что он ее замечает и выделяет среди других зрителей.

После окончания представления Габи купила буклет-программу,

пришла за кулисы, подошла к вагону Олега и попросила автограф. Друзья, которые очень внимательно следили за ней все это время, еще больше разожгли интерес Олега: «Какая красивая барышня пожаловала!» Олег пригласил Габи на ужин, туда же пригласил нескольких своих друзей.

Ужин был веселый. Пили красное вино, ели какие-то сладости. Борис Шварц исполнял роль переводчика, потому что Габи не понимала по-русски ни одного слова, а Олег не говорил по-немецки.

Дело было к ночи. Олег попросил зарезервировать в нашем отеле номер для Габи. Понятно было, что ей придется остаться в гостинице.

Дальше все было, как в знаменитой симфонии Гайдна. Сначала ушел дирижер Порожецкий, потом Борис Шварц. Директор по просьбе Олега продолжал переводить их с Габи диалоги с английского на русский и наоборот. А потом ушел и директор.

Олег очень волновался. Мало того что он не был ловеласом, у него давно не было этой «практики соблазнения», но он еще и не мог сказать ни одного слова по-немецки.

Однако, к всеобщей радости, что-то в этот вечер произошло. И Габи стала регулярно появляться в цирке. У Олега снова засветились глаза, снова появилась улыбка. Он вдруг взял и сочинил в ее честь песенку, а потом исполнил и записал ее с оркестром. Песня называлась «Габриэль». Эта встреча была очень символичной. Именно с нее началась совместная жизнь Олега с его второй женой — Габриэль Леман, Габи Поповой. Жизнь, которая продолжалась 25 лет.

Гастроли в Австрии подошли к концу, и программа вынуждена была уезжать домой. Однако Борис Шварц дозвонился до одного из своих голландских знакомых, которого звали Ганс, или, по-голландски, Хаанс. Когда-то этот Хаанс был вторым лицом в проведении гастролей советского цирка в Дании и Голландии. И вот он вместе со своим партнером, главным редактором журнала «PRIVE» — Вильямом Шмидтом, толстым рыжим человеком, приехал, чтобы увидеть, в каком состоянии находится легендарная цирковая программа.

Шоу им очень понравилось, стали договариваться о возможном сотрудничестве. Попросили Олега заменить несколько номеров. Это были номер с верблюдами и подкидные доски Наркевича. Очень просили привезти номер Бондарева — это тоже номер с подкидными досками, который поразил их в Монте-Карло. Это действительно был маленький шедевр. Когда все эти замены были готовы, они подписали контракт с Олегом и артистами, а также дали слово, что приедут в Москву и подпишут контракт с Союзгосцирком. А с конца лета они предложили Олегу начать

большой многолетний тур по Голландии, Бельгии и Франции.

Отъезд домой получился сложным. Уезжать было не на что. Директор программы и его жена отдали все деньги, которые у них были. На эти деньги заказали автомашины, фуры, все необходимое, чтобы отправить животных и реквизит в Москву. Особенно это касалось животных и реквизита тех номеров, которые подлежали замене.

Сложности были и с отлетом самой программы. Каждый день пребывания в Австрии означал новые огромные расходы. А деньги уже никто не предоставлял, так как промоутеры закончили свою работу — расплатились, попрощались и уехали. И сотня людей осталась предоставленной самим себе. Благо артисты имели на руках билеты с открытой датой, то есть формально могли улететь домой в любое время. Но об этой открытой дате, особенно когда летят почти сто человек, «Аэрофлот» нужно предупреждать заранее. Каждый лишний день пребывания в гостинице стоил столько же, сколько новый «мерседес». Кроме того, в ожидании самолета артистам надо было чем-то питаться.

И вот тогда, путем огромных усилий, директору программы и Олегу удалось уговорить «Аэрофлот» поставить дополнительный рейс! Это был практически чартерный рейс.

К тому времени Олег уже был в очень близких, тесных отношениях с Габи. Она приехала за ним на специальном грузовичке. Туда погрузили весь его реквизит в красных железных ящиках с надписью «Олег Попов». И он отправился на все время отпуска своей программы к ней домой, в далекий и неведомый город Эглофштайн, что недалеко от Нюрнберга. Габи оставила только номер мобильного телефона. Вся остальная программа возвратилась в Москву.

Сложно было объяснить цирковому сообществу, почему вдруг программа вернулась, что произошло. Однако опять задействовали какие-то связи, вручили мелкие подарки...

Нужно же было переформировать программу. Номера с верблюдами, подкидные доски вернуть Росгосцирку. А номер Бондарева и джигитов Ирбека Кантемирова, по просьбе Хаанса Мартенса (нового голландского импресарио), надо было оформить. Оформить выездные ветеринарные документы, оплатить проезд и отправить грузовиками в Голландию. Некоторое время всех мучил вопрос: «Приедут ли эти голландцы или нет?»

Вопрос о продолжении гастролей с новыми импресарио после сбежавшего Канюки стоял очень остро. Это были новые люди в череде общеизвестных. Все хотели их увидеть.

Стояло жаркое лето, и они прибыли в каких-то мятых гавайских

рубахах. Вид у обоих был очень непрезентабельный. А в Москве новый импресарио должен первым делом произвести внешнее впечатление на руководство Союзгосцирка.

Конечно, Яирова была разочарована их внешним видом. Однако на руках у них висели только что появившиеся удлиненные, похожие на киноаппараты новейшие японские фотокамеры «Olympus». Эти стального цвета камеры стоили не менее 600 долларов. Они буквально приковывали к себе все взгляды. Когда в самом начале 90-х у кого-то на запястье небрежно болтались такие игрушки — всем сразу становилось ясно: пускай одет небрежно, кое-как, но это действительно богатый человек.

Много месяцев спустя Олег спросил Хаанса Мартенса, откуда у них появились эти суперкамеры, которыми они так поразили наше руководство.

— Ты знаешь, Олег, — отвечал тот, — брат нашего циркового сторожа Вильяма, ну ты его знаешь, этого алкоголика, — профессиональный вор, и они украли на таможне ящик с камерами. А потом продавали их по дешевке — только своим, чтобы не донесли. Ну, мы с партнером и купили у него пару штук, по 30 долларов за штуку. Камеры новейшие, в фирменных коробках.

Олег долго смеялся:

— А ты знаешь, что только благодаря этим камерам Яирова и подписала с вами многолетний долгосрочный контракт гастролей в Голландии, Бельгии и Германии? Уж больно мощное впечатление они произвели на барышню-руководителя.

Сразу после успешного начала гастролей Олега Попова в Голландии туда вернулся сбежавший в Аргентину Канюки. Он потребовал от директора программы и новых импресарио свою долю. Ведь и у него тоже был многолетний контракт с Поповым и Союзгосцирком.

— Какая своя доля? — возмущался директор. — Ты нас бросил на улице. Как ты можешь в глаза нам смотреть?

— У меня контракт с вами на несколько лет, — как ни в чем не бывало отвечал аргентинский коммунист.

Голландцы, быстро уяснив ситуацию и чтобы не доводить дело до суда, согласились на долю. Проспорив почти всю ночь, они отдали Канюки семь процентов со сборов, что было деньгами немалыми.

Начался голландский тур с того, что вся программа в обновленном составе прилетела в незнакомый Схипхол, аэропорт Амстердама. Оттуда на автобусах их повезли в какой-то маленький странный город. Там располагалась так называемая «винтер квартир» этого цирка. Как говорили сами голландцы, здесь была база, в которой находились в сложном

состоянии цирк шапито и весь их реквизит.

Приехали они на эту базу поздно вечером. По договоренности с Олегом Поповым все артисты должны были проживать в кемпингах. Это было впервые с 1956 года, когда советские артисты (как и все цирковые артисты в мире) заселились в передвижные кемпинги на колесах. До этого, по приказу советского партийного руководства, долгие годы они всегда проживали в отелях. Но здесь голландцы поставили вопрос ребром. Для них оплата проживания почти сотни артистов в отелях — сумма неподъемная.

Наши согласились. Программа приехала на «винтер квартир», и хозяин небрежно кинул на стол связку ключей, сам не помня, какой ключ от какого кемпинга.

Так началась первая встреча с буднями европейского циркового артиста. Полночи ходили от одного кемпинга к другому, подбирали ключи. Ужасались состоянию новых мест проживания.

В некоторых кемпингах вообще не было кроватей, в потолках были дырки вместо люков. Крышки этих люков снесло ветром.

В некоторых кемпингах артисты наотрез отказывались селиться. Расселение в цирке — всегда сложный момент. Артисты бывают часто недовольны тем, как их поселили. Но здесь впервые их заставили жить в тех условиях, в каких живут артисты цирков всего мира.

Ко всеобщему удивлению, на следующее утро погода изменилась: похолодало и зарядили дожди. Был конец лета, а ведь в Голландии всегда значительно теплее, чем в России. А тут холод и продувные ветры. Артисты начали мерзнуть, доставать теплые вещи, которые были приготовлены на зиму. А потом стали приходить с жалобами:

— В кемпингах сыро и холодно, нам нужно найти какой-то выход.

В конце августа решили закупать вентиляторы, по-нашему «Ветерок». Так они назывались в Советском Союзе. Эти вентиляторы дают быстрый обогрев. Сначала купили одному, второму, потом десятому. Хозяин хватался за голову:

— Мы еще не начали работать, а вы меня уже разоряете.

Голландцы — один из самых жадных народов в мире. А хозяин кемпингов был одним из самых образцовых голландцев.

Артисты — люди рукодельные. С огромным трудом, но они обживались в кемпингах. Оказалось, что в них тоже можно жить комфортно.

Олегу предоставили лучший кемпинг. Директору, дирижеру, Ирбеку Кантемирову, Бондареву и руководителю номера «Полет» Олегу Лозовику

— главным людям в программе — также выделили приличное жилье.

Но все равно это были кемпинги, и надо было привыкать жить в них. Надо было привыкать пользоваться биотуалетами, которые хозяин закупил тут же. Непростая вещь, когда нет канализации. В кемпинг надо было подавать воду, а горячую воду греть. А если холодно, то нужна печка. В кемпингах печка работала или от электричества, или от солярки, или от газового баллона. Конечно, первое время бытовые вопросы сводили артистов с ума. Но надо было действовать очень жестко, для того чтобы состоялась премьера.

Пробная премьера состоялась в маленьком городке Алкмааре. Программа была встречена зрителями на ура. И артисты успокоились, обжились.

Однажды кто-то из них прибежал и закричал:

— Пойдемте скорее! Все — ближе к порту!

Город Алкмаар был также портовый. Что же там происходило такое невообразимое для русского человека?

Голландские фермеры, не получив от закупщиков и от государства правильной цены, собрали свое, только что произведенное сливочное масло в огромный 15 на 15 метров куб и стали сжигать его прямо на улице, на глазах у всех людей. Отдавать по демпинговой цене они его не стали, чтобы совсем не опустить цены. Просто поднесли факел к кубику масла размером с дом. В окружении пожарных машин и расчетов оно мгновенно загорелось. Для русских артистов видеть, как горит этот драгоценный продукт — сливочное масло высочайшего качества — было больно. В то время у нас в стране было еще катастрофически плохо с едой. Это зрелище было явно не для русских.

Начинался первый переезд. Он занял почти три дня. Сначала выехал генератор. Генератор — это сердце цирка шапито. От него зависит всё — телевизор, обогреватель, горячая вода, свет, а главное, от него зависит холодильник, который установлен в каждом кемпинге. Люди остаются без еды, без продуктов, без ничего. Да и в самом цирке весь свет, звук и механизмы тоже работают от этого же генератора.

Техническим обслуживанием цирка шапито были заняты поляки. Их было 30 человек. Они исполняли множество функций. Во-первых, все они были шоферами. Они перевозили на тяжелых машинах-длинномерах весь цирк, амфитеатр, реквизит, 18-метровые металлические мачты и, конечно, животных.

Во-вторых, они были монтировщиками. Переехав, они должны были строить огромный цирк шапито. А еще им приходилось перевозить почти

50 кемпингов с артистами.

Расстояние до Амстердама было приличным. И те, кто оставался в кемпингах ждать своей очереди, должны были два-три дня жить без воды, света и отопления. Естественно, что они возмутились: почему мы переезжаем во вторую очередь, а кто-то даже в третью?

И тогда директор программы предложил необычный для советского человека выход. Машины в Голландии продаются не только в дорогих салонах, но и в местах с волшебным названием «Широт».

Это свалка, на которой хранят старые автомашины. Голландцы живут не бедно и охотно освобождаются от устаревшей модели, хотя автомобиль еще в прекрасном состоянии. Выяснилось, что почти все мужчины из программы водят машины и имеют права.

— Друзья! — сказал директор программы. — Мы предлагаем всем срочно купить машины, буквально за сегодня и завтра. Мы получим от импресарио для покупки специальный аванс, который вы в дальнейшем выплатите. Машины эти будут вашими личными. Но вы должны будете, с нашей помощью конечно, подцепить к форкопам (крючкам для транспортировки на заднем бампере) ваши собственные кемпинги. Тогда мы в три раза ускорим наш переезд.

Слово — дело. Выдали всем водителям аванс — по три тысячи гульденов. На эти деньги можно было купить какой-нибудь семилетний «форд» или пятилетний «ситроен».

Трудно поверить, но все артисты-шоферы буквально в один день купили автомашины. И регулярный, каждые три-четыре дня, переезд из города в город почти сотни человек стал возможен. Теперь переезжать все могли сами.

Детально расписали целую схему: кто за кем ездит, кто в какой группе. Потому что ездить одним огромным караваном было невозможно. Сначала на огромной машине везли генератор, за ним на такой же машине с прицепом — разборные 18-метровые мачты, тент шапито, трехтысячный амфитеатр и пр.

Вся эта огромная процессия могла растянуться на километры и закупорить весь автобан. Поэтому решено было разделить на группы по пять-шесть машин. Это были группы друзей, которые должны были передвигаться вместе, помогать друг другу и иметь, в случае чего, связь между собой. Так и сделали.

Во время одного из первых переездов произошло несчастье. Выдающийся артист, непревзойденный комик Георгий Шахнин, был уже пожилым человеком. Он прошел войну и четыре года провел в плену в

лагере смерти «Заксенхаузен».

Жил он одиноко в маленьком уютном кемпинге. Там же он хранил все свои рабочие костюмы. По своей роли он, как комик, переодевался в женское платье. Будучи универсальным музыкальным эксцентриком, он при себе хранил свои старинные, драгоценные музыкальные инструменты. Это была целая коллекция, которую он собирал по всему миру. Был там и телевизор с несколькими спутниковыми антеннами, которые тогда только появились. Так Шахнин вечерами скрашивал свое одиночество, просматривая с помощью этих антенн многочисленные телевизионные каналы со всего мира.

Его маленький кемпинг, как и все другие, был оборудован туалетом и душем, газовой плитой и холодильником. Перед самым отъездом в другой город Шахнин поставил на газовую плиту кофейную турку с водой, опустил в нее два яйца, а потом его кто-то отвлек, и он совершенно забыл про эту турку. Сел за руль машины и повез свой кемпинг в другой город.

Они проехали не более пяти километров, когда кемпинг вспыхнул огромным столбом огня прямо посреди автобана. Шахнин выскочил из машины и бросился внутрь горящего кемпинга. Он хотел спасти не только инструменты, но и заработанные им деньги. Вытащить ничего не смог, но все его лицо и руки обгорели. Артисты, которые ехали с ним одной группой, еле вытащили старика из огня. Он стоял посреди дороги и смотрел, как догорает все, чем он еще недавно владел.

Вечером, когда приехали в другой город, Олег предложил всем артистам сброситься по зарплате за один рабочий день. Это была довольно внушительная сумма. Хозяин восстановил Шахнину кемпинг, ему также купили новые музыкальные инструменты. А деньги от артистов смогли хоть как-то компенсировать его потери.

Так начинались гастроли в Голландии. Впервые советские артисты переселились из гостиниц в передвижные кемпинги. Тогда же, практически впервые, они начали получать не гроши, а достойную зарплату, которая была ничуть не ниже, чем зарплата зарубежных артистов цирка. Так начинался еще один, почти 25-летний тур Олега Попова по всей Европе.

Шапито плывет по Майну

«Белые цыгане» — так в народе величают артистов цирка. За то, что они без конца мотаются по свету, переезжают с места на место, проживая в вагончиках-кемпингах или гостиницах среднего уровня. Особенно это касается артистов цирков шапито. Там жизнь поистине цыганская.

Минимум два раза в неделю цирк снимается и переезжает на другое место, в другой город. Часто за несколько сотен километров от предыдущего.

Когда демонтируется шапито и все его фрагменты поступательно укладываются в грузовики, с ним одновременно сворачивается и демонтируется всё. И электрические провода, которыми опутана вся земля внутри цирка. И водные шланги, идущие от каждого кемпинга к единому пожарному гидранту.

Снимается и демонтируется и все, что находится в кемпингах. Отключается газ и снимается баллон, выключается основная печка, особенно если она работает на дизеле. С собой в машины забираются документы, ценные вещи. Но главное — это дети. Их кутают в дорогу, опасаясь сквозняков в машине и ветра на вынужденных остановках.

Жизнь артистов цирков шапито напоминает жизнь туристов в походе. Они всегда должны быть готовы к неожиданной ситуации — проливному дождю, штормовому ветру. У них непременно в кармане непромокаемой куртки есть спички и фонарь. Они готовы тянуть на буксире машину партнера или согреть, накормить чужого ребенка и просидеть с ним полдня.

Да, они по всему — туристы, путешественники. Когда караван из 120 машин, среди которых грузовики-длинномеры с тентом шапито и 18-метровые автопоезда и многочисленные легковые машины с кемпингами, — когда такой караван стоит на вершине холма, а под ним живописно расстелился какой-нибудь крошечный городок, то у артистов возникает чувство завоевателя, окружившего город перед осадой.

Эти «белые цыгане» готовы к разным потерям: разбитым машинам, раздавленному водяному шлангу, разбившейся вдребезги при экстренном торможении фарфоровой статуэтке...

Но есть потери, к которым привыкнуть нельзя: если все костюмы и весь реквизит целой программы сгорают за полчаса. Или огромный тент шапито, сорванный с мачт и медленно и трагично уплывающий по реке

Майн в темноту ночи.

Еще в первые дни работы в Центральной Германии Олег вместе со своим директором отправился в соседний Франкфурт-на-Майне, на известный франкфуртский «блошиный» рынок — «фломаркт». Благо до него было всего 150 километров. По немецким меркам это рядом. Дорога по автобану была свободной, ничто не предвещало плохой погоды. И уже через полтора часа они были во Франкфурте. Сам «фломаркт» находится в самом центре города — прямо на берегу Майна.

Надо было подъехать к центральному мосту, пешком спуститься под мост. Там у самой воды стояли по-немецки аккуратные и чистые столы. Они тянулись вдоль берега на целый километр. Чего там только не было: в самом начале рынка на столах лежали горы виниловых пластинок разных времен — раздолье для коллекционеров. На следующих пяти-шести столах в сотнях картонных коробок стояли тысячи аудиокассет со старыми и новыми записями. Дальше продавалось неимоверное количество всякой кожгалантереи: кошельки, дамские сумочки, мужские ремни, жевательная резинка, одноразовые зажигалки — всего этого было сотни и тысячи. Затем следовали целые ряды с вешалками, на которых висела абсолютно новая одежда.

Теперь Попов уже знал, как новые вещи, в том числе и одежда, попадают на прилавки «фломаркта». Одежда: мужские пиджаки, брюки, рубашки — абсолютно нетронутые. А вот цена — в разы ниже, чем в любом магазине. Еще больше на вешалках висело женской одежды; правда, приглядевшись, становилось понятно, что она хоть и абсолютно новая, но давно вышедшая из моды. Кто знает, может, и универмаги сдают сюда вороха устаревшей одежды.

На десятках столов стопками лежали аккуратно уложенные новые джинсы. Многочисленные прилавки посвящались женским и мужским туфлям. Их здесь было особенно много.

Подальше начинались прилавки с разнообразной медной посудой. А потом уже стояли столики с бронзой. Ее было особенно много. Встречались сливочники, кофейники и даже чайники. Но в основном это были подсвечники и бронзовые фигурки. Стоимость чаще всего была бросовой. Но когда дело доходило до настоящего произведения искусства, цена могла быть и большой. Завершался этот рынок прилавком с мейсенским фарфором. То были различные фарфоровые миниатюры. Великолепные маркизы и дамы в пудренных париках XVIII века, в кринолиновых платьях. Или струнные квартеты в камзолах времен Баха и Гайдна. Олегу особенно

понравилась карета с четырьмя лошадьми, которую вели слуги, а внутри кареты сидела некая дама. В «Солнечном клоуне» всегда жил мальчик, который в детстве не наигрался в игрушки.

Тогда появилась мода на цветные пиджаки. Неожиданно перед ними появилась целая вешалка с пиджаками разных цветов. Олег подошел и начал примерять их. Бойкие продавцы сразу заметили его и начали «впаривать» ему всё новые образцы. Правда, рукава были длиннее, чем нужно, сантиметров на тридцать, но Олег на это не обращал внимания. Для него главным был цвет. «Любани всё подошьет», — повторял он, имея в виду своего многолетнего постоянного костюмера — жену партнера Владимира Любовь Фисенко.

Так все обычно и происходило. Олег привозил с «фломаркта» новые брюки, пиджаки, рубашки. Люба долго сидела над ними, подшивая их по непростой фигуре Олега, ушивая, укорачивая, подрезая. Олег тщательно принимал ее работу, с чем-то спорил, с чем-то не соглашался, Люба снова переделывала. И когда пиджак или брюки были готовы, он аккуратно укладывал их в сундук, в котором находились все покупки с «фломарктов», и, как правило, никогда в жизни больше не надевал. В этом была его особенность. Покупок собирались горы. Впоследствии в новом доме Олега Габи отвела для них огромное помещение. Он, как ребенок, бросался на яркое, очень хотел это иметь, а потом, наигравшись, тут же бросал и забывал навсегда.

Этот осенний день был не выходным, а рабочим. В час дня им надо было возвращаться. Олег за всю свою жизнь ни разу не опоздал на представление. Он вообще за 60 лет работы на манеже ни разу не пропустил ни одного представления ни по болезни, ни по какой другой причине, не отменил ни одного спектакля. Это был его святой принцип.

И вдруг на рынке началась паника. Не все сразу поняли, что случилось. Поднялся очень сильный, ураганный ветер.

— Что случилось?

— Шторм. Полиция передала сообщение: «Шторм. Ветер 20 метров в секунду». Пик будет через два часа.

Они быстро собрались, сели в машину и поехали назад.

К своему удивлению, они обнаружили, что на автобане тоже бывают «пробки». Над дорогой сгустился туман и, как сообщило дорожное радио, произошла массовая авария: автомашина «порше» на скорости не менее 200 километров в час врезалась в автобус; следом в нее врезалась другая машина, потом третья... Всего пострадали более двадцати машин.

«Пробка» достигала десяти километров. Позднее ее снимали с

полицейского вертолета и показывали по телевидению как уникальное явление на автобане. Но это было потом.

Шофер, который возил Олега, предложил объехать эту жуткую «пробку» по «национальной» дороге. Хотя до начала представления оставалось четыре часа, Олег очень нервничал. Ситуация на дороге всех сильно напугала.

Поехали по «национальной» дороге. Раньше они и слыхом не слыхивали, что в Германии есть такие дороги. Оказывается, параллельно со всеми платными автобанами всегда идет узкая, в две полосы очень хорошего качества «национальная» дорога. Хотя едут по ней, конечно, не так быстро, как по автобану.

Объезжая селения и различные маленькие городки, Олег и директор вернулись впритык к представлению. Оказалось, что спешили они зря — в цирк приехала полиция и запретила в этот день проводить представление.

В Германии за все экстремальные ситуации отвечает полиция. Она запретила шоу, поскольку это было очень опасно для зрителей.

Спектакля нет — отправились домой, поужинали, выпили какой-то немецкой водки. В цирке ответственным дежурным оставили Юрия Сосина, знаменитого дрессировщика собак. Он частенько ночевал в цирке, потому что не любил оставлять своих животных без присмотра. Да он и сам — веселый, добрый человек — был очень похож на своего пуделя: такой же кудрявый, обаятельный, улыбчивый.

Единственным его недостатком было то, что он часто поддавался панике. Олег называл его «начальником бюро паники». Если где-нибудь что-нибудь случалось, он сразу начинал причитать: «Ой, ой, ой!»

В ту ночь ему строго наказали: если ураган дойдет до цирка — он должен позвонить директору в гостиницу.

В три часа ночи раздался телефонный звонок. Звонил Сосин. Он не мог связать ни одного слова: «Приезжайте срочно... Всё, всё...»

Были подняты все мужчины программы. На маленьком автобусе они быстро приехали к цирку. Шторм дошел до десяти баллов. Ветер действительно превышал 20 метров в секунду.

На протяжении нескольких десятков километров параллельно дороге на Франкфурт тянулась потрясающей красоты дубовая роща. Германия вообще славится своими дубами. Когда через месяц после шторма они снова поехали по этой дороге, то были потрясены: тысячи стволов были наклонены в одну сторону примерно под 45 градусов. Шторм был настолько силен, что погнул все деревья.

Подъехав, с ужасом увидели цирк шапито. Одна из четырех мачт

оторвалась от земли и болталась, как огромный металлический маятник. Мачта — это металлическая ферма весом почти в тонну, длиной в 18 метров. И если она раскачивается от ветра, то не дай бог, если кто-то окажется у нее на пути.

Шапито разорвало по швам. Ветер рвал тент на куски. И в один прекрасный момент мог совсем сорвать с мачт. Как на грех, старик-немец, хозяин цирка шапито, у которого они арендовали его, уехал в Берлин, оставив старшим своего придурковатого сына.

Вся немецкая команда: униформисты, шоферы-поляки сидели спокойно и смотрели, как ветер уничтожает шапито. Олег требовал принять меры:

— Сделайте что-нибудь!

— Нет, в такой шторм мы не можем ничего делать. Страшно.

Рисковали, конечно, только русские. Наши артисты и музыканты полезли в это шапито, которое развевалось, словно парус. Мимо страшной мачты-маятника они начали выносить ящики с костюмами и реквизитом. Наученные опытом мюнхенского пожара, они с риском для жизни выносили всё цирковое имущество. Дрессировщики вывели всех своих животных — лошадей, верблюдов и привязали их к деревьям, чтобы животные оказались в безопасности.

Как выяснилось позднее, опытные директора цирков шапито окружают весь тент грузовыми машинами. Они ставят их по кругу, и грузовики принимают на себя весь поток ветра. Но хозяина не было, а его сын не сообразил, что нужно сделать.

Шапито было никак не защищено. Тем более что стояло оно практически на самом берегу Майна, у воды. Цирк погибал на глазах. Снова под вопросом оказалось продолжение всех гастролей.

Нерешительность немецкой команды бесила наших. Кто-то из подошедших зевак сказал, что в Германии существуют бригады спасателей — как у нас пожарные. Но вызываются эти бригады в самых неотложных случаях. Да к тому же за деньги. Вызов такой команды стоит 20 тысяч марок, огромная сумма по тем временам.

Вызвали бригаду. Они прибыли очень быстро на автобусе. Верха у автобуса не было, напоминал он курортные автобусы Сочи 50–60-х годов. Спасатели в касках и одинаковых робах, с веревками на груди и в полной экипировке спокойно сидели на своих местах и мрачно смотрели, как шторм уничтожает шапито, а с ним и надежду на продолжение гастролей российского цирка в Германии. Казалось, что они приехали сюда посмотреть фильм-катастрофу.

Директор заметался, подбежал к спасателям:

— Делайте же что-нибудь! Почему вы не предпринимаете никаких мер? Мы вас вызвали, мы вам платим. В чем дело?

— Здесь нет никакой опасности для людей.

Да, действительно, там нет людей, но там есть реквизит, часть костюмов, там есть декорации, музыкальные инструменты, там есть бархатный форганг (занавес). Там осталось то, без чего в дальнейшем не может проходить наше шоу.

— Нет, наша специализация заключается в том, что мы занимаемся спасением людей. Имущество спасти мы не будем.

Они посидели где-то час, потом развернулись и уехали. Утром пришел счет.

После их отъезда оторвалась вторая мачта. И шапито окончательно упало. Было страшно смотреть, как оно, словно смертельно больной человек, бьется в конвульсиях о землю.

Площадка под цирком была огромной: сто на сто метров. Тент бился о землю, страшно скрежетали мачты, ветер издавал жуткий вой. Когда из-под погибающего цирка вынесли буквально всё, вдруг два отважных музыканта вспомнили, что там, в полной темноте, еще осталась звуковая аппаратура.

Несмотря на запреты Олега, ребята снова ринулись туда. Они проползли под трепещущим тентом и через какое-то время вернулись, вынося усилители, микрофоны и магнитофоны.

Немцы даже не пошелохнулись. Они сидели и спокойно смотрели, как погибает их собственность.

Через некоторое время тент шапито издал прощальный рык и окончательно разорвался. Ветер сбросил его целиком в Майн, который протекал буквально рядом.

Это было трагическое зрелище для всех цирковых. Для них цирк — это всегда святыня. И вот этот цирк, под которым еще вчера раздавались детский смех, аплодисменты, хохот и звуки оркестра, — теперь в виде скомканной тряпки громадного размера поплыл по Майну.

Рано утром шторм стих. Вернулся из Берлина хозяин шапито. Он подошел, что-то сказал сыну, а потом с размаху дал ему пощечину.

Заказали мини-автобусы, чтобы вывезти оставшийся реквизит в гостиницу. Немцы вяло грузили спасенные вещи. В самом конце они небрежно положили ту самую радиоаппаратуру, спасти которую вчера было особенно опасно. Они положили всю эту технику на самом краю автобуса, а потом, словно нарочно, забыли закрыть его заднюю дверь.

Город, в котором случилось это ЧП, располагался на холмах. И когда

автобус поехал вверх по улице, то из него начали выпадать и разбиваться об асфальт усилители и магнитофоны, спасенные русскими артистами с риском для жизни.

Хозяин шапито был человеком энергичным. Он подошел к Олегу, извинился и сказал:

— Мои люди не двигались, потому что шапито застраховано. Но, к сожалению, новое шапито от страховой компании прибудет только послезавтра. А завтра у вас два представления. Я уже договорился с местным спортивным залом. Не могли бы вы пару раз отработать — правда, без джигитов, потому что они там работать не смогут. Но не сдавать же билеты для того, чтобы я заплатил неустойку?

Олег подумал и согласился. Для него работа всегда была святыней.

— А что там со светом?

— Тут всего два варианта, — сказал хозяин шапито. — Свет включить, свет выключить. Это всё!

— Ну ладно, ничего, — махнул рукой Олег. — Отработаем так.

И надо сказать, что программа после перенесенного жуткого стресса собралась и очень хорошо отработала. А через сутки на том же месте, где вчера природа рвала старый тент шапито, уже стоял новенький тент с лакированными пологам и очень красивым входом для зрителей.

Олег после этого любил говорить:

— И в огне мы горели, и в воде мы тонули.

Так непросто проходили эти гастроли.

Густав Кемперт — друг Олега

— Густав, а когда у тебя наступило полное разочарование в нацизме?

— Под Ленинградом. Когда офицеры моего полка штыком задирали юбки убитых и замерзших русских санитарок и хохотали во все горло над их нижним бельем.

— А что ты думаешь по поводу демократии в России? За десять лет плена ты ведь хорошо изучил русский менталитет.

— Демократия в России — это хорошо. Но только вам к ней нужна еще маленькая плеточка.

— Густав, назови три самые прекрасные вещи на свете!

— Карнавал, цирк и пепси-кола.

Густав Кемперт — так звали жителя Кёльна, который стал самым близким другом Олега Попова в Германии. Они встретились давно, еще в 60-е. Густав, вернувшись из русского плена, где он провел почти десять лет, блестяще говорил по-русски, был очень энергичным человеком, человеком-праздником.

Возможно, за те страдания, которые он испытал после войны, а может быть, за его энергетiku, его назначили первым директором завода пепси-колы в Германии.

Тогда же он пришел на представление к Олегу, принес ему ящик пепси-колы, которая в те времена казалась для русских людей чем-то запретным и недостижимым. Они познакомились. Олег узнал, что этот немецкий друг говорит по-русски. Они все время смеялись. Пепси плюс кола. Рассказывали какие-то анекдоты.

— Густав, где ты так научился говорить по-русски?

— Я был в плену, под Саратовом.

— Ну и как там было в русском плену, тяжело?

А он всегда отвечал:

— Нет. Было хорошо. Каждое утро нам давали шампанское и черную икру.

И все понимали, что этот человек прошел очень тяжелые испытания.

Добрый, сердечный человек, нацеленный на то, чтобы в обыденной жизни всегда создавать праздник, карнавал. Казалось, что вся его жизнь прошла в сплошной радости и веселье.

Так случилось, что он дружил с мэром Кёльна. Видимо, еще и поэтому

мэр (обер-бургомистр) назначил Густава директором Кёльнского карнавала.

Кёльнский карнавал — это особое явление в Европе. Да, всем широко известен карнавал в Рио-де-Жанейро. Известно, что это самый яркий, самый эротический и мощный конкурс танцев, костюмов, фантазии художников, скульпторов, декораторов. Но мало кто знает, что вторым в мире и одним из самых мощных карнавалов в Европе является Кёльнский.

Он проходит в городе в течение двух дней. Готовятся к нему целый год. И для того, чтобы понять размах этого карнавала, надо понять, как он организован.

Структура у этого театрализованного музыкального шествия следующая: каждая колонна сначала выбирает свою тему. Очень часто это были виды и рода немецких войск прошлых веков. Но могли быть темой, например, разнообразные зонтики.

Возглавляет каждую колонну оркестр, одетый в костюмы строго по теме. Например немецкие гусары XVIII века. За оркестром шли юные девушки в гусарских костюмах. Они либо танцевали, либо исполняли что-то на барабанах или флейтах. Следом за ними шли два эскадрона всадников в исторических костюмах. Это ведь немцы — они педанты во всем. Снаряжение было изготовлено в полном соответствии с исторической эпохой. Для всадников специальные фабрики шили костюмы из специальной шерсти, с точным соблюдением цветов. Пуговицы, каски, кивера — все это абсолютно соответствовало времени. Все лошади были строго одной масти.

Следом за всадниками ехала огромная многоэтажная платформа, называемая в Рио «каросса». На ней двигался главный символ колонны. У гусар на кароссе мог стоять десятиметровый красочный кивер. Иногда это были политические фигуры, карикатуры на известных политических деятелей. Или герои популярных комиксов и мультфильмов. Или просто огромные многометровые головы лошадей, окруженные полуобнаженными дивами.

На верхней платформе кароссы танцевали веселые люди в гриме и карнавальных костюмах. Поскольку все колонны находились в постоянном движении, то эти веселые персонажи бросали в прохожих коробки шоколадных конфет (это же Германия!).

Конечно, конфеты были не самые дорогие, но зато их были сотни и тысячи коробок. Организаторы карнавала всё это предусматривали. Завершал проход каждой колонны, скажем, батальон гусар, но уже их костюмы были сделаны самими участниками. Великое множество людей в Германии увлечены историческими реконструкциями, и все эти костюмы

они шьют себе сами вручную.

Таких колонн на Кёльнском карнавале были сотни и сотни. Уланы, драгуны, кавалергарды, русские казаки, пехота XVII, XVIII и XIX веков. Солдаты XX века с соответствующим реквизитом. Их периодически перемежали конные эскадроны в изумительной экипировке.

Все то, что сегодня называется реконструкцией исторических костюмов, было представлено на этом немецком карнавале в бесконечном множестве. Сотни прекрасных оркестров в уникальных костюмах маршировали по улицам Кёльна.

Мэрия тратила огромные деньги на ежегодное проведение этого карнавала. Только на уборку улиц и площадей из бюджета города выделялось 16 миллионов марок. А убирать было что: кругом шло разгульное гулянье, пьянство, пиво лилось рекой. Все хозяева магазинов, расположенных на первых этажах, закрывали свои окна очень прочными решетками. Маленькие, юркие специальные уборочные машины, которые могли заехать в любую улочку или переулок, убирали весь город целый день. И наутро он был абсолютно чистым.

Для нужд карнавалов на пригородных конюшнях Кёльна содержалось 72 тысячи лошадей. Были организованы специальные конные заводы. Все это тоже было предусмотрено в бюджете Кёльна.

И вот директором и организатором этого огромного зрелища, его творческим руководителем на общественных началах был Густав Кемперт, друг мэра и друг Олега Попова. Олег часто бывал дома у Густава, Густав приезжал к Олегу в Москву.

На каждый Кёльнский карнавал, который традиционно проходил в феврале, в Германию прибывал «почетный гость карнавала». За год до события, о котором мы рассказываем, почетным гостем был Майкл Джексон. До него была Уитни Хьюстон, до этого — Элтон Джон. Всегда это были всемирно известные артисты самой первой величины. Их приглашали в Кёльн. А обязанность была простая — проехать на первой кароссе через весь город и разбрасывать восторженным жителям города коробки с конфетами.

Все вторые этажи домов на центральных улицах, по которым шел карнавал, сдавались в аренду. Особенно ценились балконы и лоджии. Незнакомые люди занимали балконы, хозяева приносили им ящики белого сухого вина или пива. Там они сидели целый день и смотрели этот карнавал. Часто к ним тоже прилетали коробки с конфетами. Зрелище, конечно, необычайно яркое! Неповторимое!

Однажды Густав Кемперт пообещал своему другу, мэру Кёльна, что на

следующий год почетным гостем карнавала он пригласит Олега Попова. Для того чтобы это приглашение выглядело официально и серьезно, Густав прибыл в Монте-Карло на Международный фестиваль цирка. В тот год на этом фестивале выступал Олег.

Олега неоднократно приглашали принять участие в этом престижном фестивале, но он, будучи человеком мудрым, всегда отказывался. И вот как-то к нему в Москву прибыло доверенное лицо принца Ренье Второго — известный цирковой импресарио Эдуардо Распини. Олег сказал:

— Я не хочу участвовать в конкурсе. Я уже достаточно известный артист, чтобы соревноваться с молодежью.

Однако его уговорили. Олег с огромным успехом выступил в Монте-Карло, имел бешеный успех у зрителей и заслуженно получил своего «Золотого клоуна».

Советскую делегацию возглавлял руководитель Союзгосцирка Анатолий Колеватов. Он, как известно, мог дать любые обещания, абсолютно не заботясь о том, чтобы их потом выполнять. Густав подошел к нему с письмом от обер-бургомистра Кёльна, который официально приглашал Олега Попова принять участие в легендарном Кёльнском карнавале в качестве почетного гостя.

Колеватов успокоил его:

— Да-да, не беспокойтесь, будет у вас — на сто процентов!

Густав не стал заставлять его подписывать официальную бумагу. После такого горячего обещания ему показалось это бестактным. Этот большой руководитель так по-доброму его принял, твердо пообещал. Тогда Густав не знал, кто такой Колеватов, не знал, что такое у некоторых чиновников «пообещать и не сделать». Это не укладывалось в его голове. Когда приблизился февраль, он заранее позвонил в Москву в приемную и попросил: «Я прошу вас отправить реквизит, костюмы Олега Попова и его команды на Кёльнский фестиваль. Расходы по доставке багажа за счет обер-бургомистра Кёльна». Ответ его просто шокировал: «Олег Попов с цирковой программой уехал в Австралию». Густав был вне себя: «Как? Вы же мне обещали, дали слово». — «Ничего не знаем». Колеватов переключил его на кого-то из замов, зам — на какую-то женщину. Добиться ничего толкового было уже нельзя.

Густав оказался в совершенно идиотском положении. Он был человеком слова и трепетно относился к обещаниям. Это было одним из его главных достоинств. На кону стояла его честь. А здесь на старости лет он оказался в дураках перед другом детства, мэром города, перед всем городом!

Газеты, конечно, поднимут его на смех. Директор карнавала пообещал великого артиста и не сдержал слово. Сидя дома в отчаянии, он вдруг придумал феерический выход из создавшегося положения. Густав внимательно посмотрел на клетчатую кепку, которая висела у него на стене. Эту кепку ему подарил Олег Попов. Олег тогда не часто дарил кепки. У него было какое-то суеверие: он боялся, что если он будет их дарить, то вместе с ними будет раздариваться и его успех. Но Густаву клетчатую кепку он подарил.

Густав взял фотографии Олега, и его озарила мысль. Он пошел к портному и заказал полный костюм «Солнечного клоуна». Полосатые брюки, ботинки, которые они вместе покупали в одном из эксцентрических магазинов Кёльна. Черный замшевый пиджак, красный жилет и прочее, и прочее. Ситуация получилась совершенно анекдотичной.

В день карнавала Густав загримировался и прибыл на главную кароссу. Там уже находился Бернард Паул — известный клоун и хозяин лучшего цирка в Германии. Бернард и его команда были одеты в свои клоунские костюмы. Они поздоровались, Густав сделал вид, что он не понимает по-немецки. Он встал во главе «корабля»-кароссы. Его горячо поприветствовал мэр города, друг детства, который его не узнал. И «корабль» отправился крейсировать по всем улицам и площадям города. Общая карнавальная колонна — это огромная «змея» с кароссами, лошадьми, людьми в костюмах. Карнавальное шествие почти шесть часов двигалось по всему Кёльну. Наконец они подъехали к Ратуше.

По традиции тот, чей костюм строгое жюри признает лучшим, становился «Принцем карнавала».

В Кёльне богатые люди изощрялись в изготовлении костюмов. Костюм «Принца карнавала» в тот год стоил порядка 35 тысяч марок. В те времена на эти деньги можно было купить три новых «мерседеса».

В огромном «охотничьем зале» Ратуши обер-бургомистр Кёльна и «Принц карнавала» давали прием для элиты города. Рядом с мэром и «Принцем» с правой руки сидел Густав. Мэр по-прежнему не узнавал его.

Густаву предложили пиво, а он с детства вообще не пил никакого алкоголя. Но здесь он пригубил и... выплюнул. Тогда мэр хлопнул себя по лбу: «Я же забыл — Попов русский, ему надо дать водки. Принесите ему водки». Официант принес водки. Густав пригубил и... снова выплюнул. Уж если он не пил пиво, то водку и подавно. Тогда возбужденный мэр города возмутился: «Ах вот что! Значит, у нас водка плохая! Олег Попов — русский, он знает, какая водка хорошая, а какая плохая. Чем вы меня поите, негодяи! Что это за безобразия!» И закатил скандал.

Так прошел один из ежегодных Кёльнских карнавалов, в котором Густав вынужден был проехать на кароссе для почетных гостей, играя роль Олега Попова.

Густав до последней минуты своей жизни сопровождал Олега, приезжал к нему в разные города, выполнял его капризы, привозил ему какие-то необходимые вещи, инструменты.

Он заставил Олега положить часть денег в немецкий банк, хотя Олег и сопротивлялся этому. Густав был ангелом-хранителем Олега. Он оберегал его в трудных ситуациях, разъяснял немецкие порядки. Когда появлялись новые импресарио, Густав обязательно вступал с ними в переговоры и часто помогал решить проблемы, которые Олег не мог решить. А иногда решал эти проблемы вместо него. Густав был очень близким и преданным другом Олега до последнего дня своей жизни.

Премьера в Амстердаме

Цирк и королева... Цирк и политика... Цирк и дипломатия... Какие разные и даже несовместимые понятия. Что общего может быть между площадным, почти балаганным искусством и монархом? Кто-то скажет, что первоначально цирк джокеров, арлекинов и менестрелей зарождался именно во дворцах королей и уже оттуда шуты и жонглеры спускались на площади средневековых городов. Но сегодня? Помилуйте! Король и клоун? Нонсенс.

Или цирк и политика. Как вообще можно сравнивать канатоходца, идущего по тонкому тросу над головой у публики, и политика, выступающего с трибуны? Не говоря уже о дипломатии. Может ли быть что-то общее у этого великого искусства не говорить того, что думаешь, с искусством фокусников и иллюзионистов?

Но случается так, что цирк становится лоцманом в построении дипломатических отношений. Поводом для важной политической встречи, на которой обсуждаются совсем не цирковые вопросы.

Вот в эти прорывные моменты нередко можно увидеть величественных монархов и их отпрысков в ложах цирка.

Когда программа из первого города Алкмаар переехала в Амстердам, то место для установки цирка и всего циркового городка нашли недалеко от аэропорта Схипхол. Там можно было наблюдать потрясающую картину: взлетная полоса устроена над автобаном, перпендикулярно к нему. Машины, приезжающие в Амстердам, непременно въезжают в тоннель, по крыше которого происходит взлет какого-нибудь «боинга».

Место это было очень престижным, и оба импресарио — Хаанс Мартенс и Вильям Шмидт, его партнер, главный редактор журнала «PRIVE», — очень серьезно отнеслись к проведению премьеры в Амстердаме.

От того, как пройдет премьера в столице, зависели все гастроли. Они ведь планировали продолжать их в течение нескольких лет, что в принципе и произошло. Успех зависел от оценки журналистов и спонсоров.

Голландцы установили очень красивый цирк шапито, заказали у дизайнера красивый форганг — артистический выход. Рядом построили второй цирк шапито. Его приспособили в качестве закулисной части для артистов и, через перегородку, обустроили конюшни для цирковых

животных. Третье шاپито отвели под огромный банкетный зал, фойе или место для приема почетных гостей. На премьере ожидалось очень много богатых и знатных людей. Должна была прийти сама королева.

По периметру шاپито поставили столы, на них установили огромные фигуры лебедей из льда, скульптуры из масла, которые символизировали древних нимф. Тут же были смонтированы специальные грили, на которых жарилось мясо. Официанты в белых смокингах, разнообразнейшие напитки — все это было в огромном количестве.

Голландцы также пригласили оркестр. Они хотели пригласить русский оркестр, но не вышло, тогда пришлось заказать оркестр из Румынии, который весь вечер между отделениями цирковой программы играл балканские напевы, исполнял известные мелодии на флуерахах (молдавских флейтах).

Это было незабываемое зрелище, во время которого произошло много разных событий. Но главным, конечно, был приход «старой» королевы Юлианы, матери действующей тогда королевы Беатрикс, с двенадцатилетними внуками.

Королева уселась в центральную ложу. Рядом с ней постоянно находился Вильям Шмидт, он шумел так, чтобы обратить на себя высочайшее внимание. Когда она спросила: «Кто это там кричит?», ей сказали, что это организатор гастролей и одновременно главный редактор журнала «PRIVE». Королева едва не встала, чтобы уйти. Оказывается, журнал «PRIVE», который переводится как «Частная жизнь», был очень нелюбим нидерландским двором.

Чтобы заработать себе такую «дурную» славу, этот журнал многие десятилетия распускал всякие слухи и писал гадости о королевском дворе, о том, что происходит внутри королевской семьи.

Попов с ужасом узнал, что журнал «PRIVE» был создан сразу после войны главной нидерландской газетой «Telegraf» как журнал папарацци. Задачей его было выискивать или сочинять «компромат» на двор, весь высший свет, на самых ярких людей страны. Это было первое абсолютно «желтое» издание в послевоенной Европе. У этого издания был предусмотрен огромный бюджет, который ему выделялся только для судов, чтобы деньгами отстаивать и защищать свои наветы. Ведь по демократическим законам, если вышел компромат, обвиняемый немедленно подает в суд. И если факты обвинения не подтверждаются, ему выплачивается очень большая денежная компенсация. Тем не менее журнал был самым преуспевающим и самым читаемым в Нидерландах.

После премьеры королева Юлиана сказала, что если бы она знала, кто

организатор этих гастролей, то никогда бы в жизни не пришла на это представление.

Однако представление цирковой программы Олега Попова прошло с блеском. Рядом с королевой сидел молодой красавец-блондин с женой, известнейшей голливудской красавицей. Выяснилось, что это и есть главный инвестор, или главный спонсор гастролей «московского цирка» по Голландии, Бельгии и Люксембургу — директор огромной сети магазинов «Free Record Shop». Так назывались почти триста магазинов в Бенилюксе, где продавались самые модные музыкальные пластинки, аудиокассеты, видеокассеты с концертами модных групп — в общем, вся «линейка» музыкальных товаров для молодежи.

Сеть этих магазинов произвела «бум» на рынке Голландии, потому что ее товары были на 10 процентов дешевле, чем во всех остальных магазинах. Создатель сети сколотил многомиллионное состояние. По просьбе Вильяма Шмидта он вложил свои деньги в перспективные гастроли. На них наши голландцы смогли купить новый цирк шапито в комплекте. Все это было выдано под программу Олега Попова. Они изготовили новый трехтысячный амфитеатр, заменили электрооборудование.

Спонсоры также выделили деньги на покупку новых кемпингов для русских артистов. Но Хаанс Мартенс, будучи человеком не очень чистоплотным, отдал русским свои старые кемпинги, в которых жили его семья и сотрудники цирка, а все новые кемпинги приобрел исключительно для себя.

Вот этот директор «Free Record Shop» любезно раскланялся с королевой, она ответила ему. Двор, конечно, знал всех самых богатых людей страны.

Премьера прошла изумительно. После представления королева вместе со своими внуками отправилась к Олегу Попову за кулисы. Там было сделано несколько памятных фотографий голландской королевы с Олегом Поповым.

Оказалось, что в этот день у красавицы-жены директора «Free Record Shop» был день рождения. Хозяева цирка, Олег Попов с группой ведущих артистов отправились к ним во дворец на званый ужин.

Это, действительно, был дворец, где все было приготовлено для ночного праздника. Там был парковый фейерверк, были оркестры на яхтах, дискотека в бассейне, китайские салюты.

Выяснилось, что единственным подарком, который можно было вручить жене этого магната, были куклы. Она очень любила куклы, да и

сама была похожа на куклу.

В ту ночь ей надарили великое множество этих игрушек. Мажордом в костюме XVIII века складывал все подарки в одну большую кучу. К концу вечеринки подаренные куклы образовали целую гору высотой в два-три метра, она доходила до балкона второго этажа. Оказалось, что все эти куклы ежегодно после ее дня рождения отправляли в Африку, чтобы раздавать детям бедных стран.

В то же утро перед премьерой позвонил журналист из главной газеты Голландии «Telegraf». Он попросил взять интервью у Олега. Выяснилось, что этот журналист свободно говорит по-русски. Олег встретился с ним в цирке. Однако после третьей фразы он понял, что перед ним сидит ярый «антисоветчик», который с порога начинал «крыть» российское правительство, российские порядки и пр. Олег встал и сказал:

— Я не хочу продолжать интервью в таком духе. Если вам нужно, то говорите с моим директором.

Директор провел это интервью очень деликатно. Он говорил откровенно о ситуации в России, не оскорбляя, а защищая свою страну. Так случилось, что это интервью в газете «Telegraf» имело колоссальный успех. Оно положительно сработало на успех всех гастролей в Голландии, особенно в Амстердаме.

Однако вся эта антисоветская агрессия была явно напускной. Феликс, так звали журналиста, оказался достаточно интеллигентным и веселым человеком. Он подружился с Олегом и его директором, частенько приезжал в цирк.

Однажды, когда цирковая программа переезжала в город Харлем, что недалеко от Амстердама, Феликс сказал:

— Вас там встретит человек по фамилии Лаус. Зовут его Флипп. Он мой друг, и он вам все покажет, сводит куда-нибудь покушать. С ним вы сможете очень хорошо провести время.

Действительно, худенький, маленький человек в очках, с крючковатым носом встретил Олега и его команду. Он с удовольствием показывал город. Водил их по самым интересным местам, а потом отвел в шикарный ресторан и накормил, что называется, «от пуза».

С этой встречи началась дружба между Олегом и Флиппом Лаусом. Оказалось, что они ровесники, оба были детьми войны.

Отец Флиппа был богатым человеком, одним из самых богатых евреев Польши. После прихода нацистов он бежал в Бельгию, но и там уже были нацисты.

Фашисты расстреляли и отца, и мать Флиппа. В фильме «Список

Шиндлера» есть очень многое из того, что пережил Флипп.

Их было два брата, он и Том, маленький «ангелочек» с кудрявыми волосами. Когда родителей арестовали немцы, знакомые разобрали детей в разные места. Флиппа отдали в еврейский детский дом, а Тома забрала богатая голландская писательница. Так родные братья выросли врозь. Они были не очень похожи друг на друга.

«Когда нам исполнилось 16 лет, — рассказывал Флипп Олегу, — всех воспитанников еврейского детского дома выстроили на „линейку“ и сказали, что многим из них погибшие родители оставили наследство. Сегодня некоторые из них сразу вступят во владение».

Ближайшему другу Флиппа, Солу, отец оставил два миллиона долларов. Флиппу отец, прощаясь с ним перед расстрелом, сказал, что тоже оставил большие деньги у своего лучшего друга. Но друг от всего отрекся и денег Флиппу не отдал.

Не беда, зато Сол теперь миллионер! Ребята они были веселые, озорные, хулиганистые. А тогда, после войны, только открылось первое и единственное казино в прибрежном городе Остенде. Приятели немедленно отправились в этот город.

Сол сразу распорядился наследством — купил две машины: одну, кабриолет «мерседес», для себя и «порше» для лучшего друга. Так они начали ежедневно ездить в казино. Играли по-крупному, целыми днями, возвращаясь только поздно ночью. Через две недели два миллиона, которые оставил Солу его отец, полностью были проиграны. Они проиграли всё: и деньги, и машины.

Большинство выпускников этого детского дома с годами смогли разбогатеть, как и сам Флипп. А вот Сол так до конца жизни и не смог сколотить себе капитал.

Флипп долго жил жизнью сироты — выпускника еврейского детского дома, которому не давали ни гражданства, ни справки о том, что он является жертвой войны. До сорока лет он так и метался между границами Бельгии, Голландии и Франции. Он не имел гражданства ни одной страны.

Судьба его родного брата Тома сложилась шикарно. Богатая писательница холила и лелеяла его как родного сына. Потом отдала в Гарвардский университет. Том вернулся из Америки наглым и фантастически успешным баловнем судьбы. И очень скоро стал лучшим адвокатом Голландии.

Флипп же долго жил обрезками со швейных фабрик. Мальчиков в еврейском детском доме учили шить и вышивать. Поэтому они с другом часто крутились и тусовались, как сегодня говорят, около швейных фабрик.

Каждую пятницу склад швейной фабрики выбрасывал обрезки разнообразных тканей. Там были и дорогие ткани — и плюш, и бархат, и цветные, и модные. Иногда эти обрезки достигали двух-трех метров. Собрав такие обрезки, Флипп с Солом отправлялись на «фломаркт», где успешно продавали свой «товар». Это был единственный источник их существования.

Флипп очень хорошо умел вышивать. В детском доме они вышивали крестиком целые картины. Тогда он придумал следующее. Домохозяйки, сидя у себя дома, маются от рутинной работы. А что, если предложить им самостоятельно создавать картины? Пусть не рисовать, а вышивать копии картин великих художников? Такие собственноручно вышитые картины могли бы украшать стены их кухонь.

И он напечатал на картоне несколько вариантов известных картин, в том числе и «Джоконду» Леонардо да Винчи. Пробил в картоне дырочки для иглол, а с обратной стороны прикрепил мотки цветных ниток. И женщины по схеме, которая была нарисована там же, меняя цвет ниток, могли сами вышить «Джоконду» или еще какую-нибудь известную картину. Вышить и повесить ее у себя дома в рамочке.

Сегодня такие наборы можно встретить во многих магазинах. А тогда ни о чем подобном никто и не думал. Флипп изготовил несколько сотен таких картинок и, прежде чем отдавать их на реализацию в магазины, отправился в посольства, которых в Гааге было больше сотни. Торгпредства заинтересовались этим «досугом для домохозяек» и разослали образчики по всему миру. Ответ не замедлил себя ждать. Из Австралии, из Латинской Америки, из многих стран к нему обратились с заказами на двести — триста «картин».

Сначала он организовал мастерскую в Амстердаме, потом у себя в Харлеме. Впоследствии Флипп организовал 17 небольших фабрик по изготовлению полуфабрикатов этих «картин». Успех пришел триумфальный.

На этих картинках Флипп заработал огромное состояние, в десятки миллионов долларов. Весь мир по достоинству оценил его изобретение.

Флипп сначала вкладывал все заработанные деньги в покупку недвижимости. Ему казалось, что если он купит много жилых домов и сдаст их в аренду, то это будет очень правильное вложение. Купил он более десятка домов.

Оказалось, что через месяц-другой те, кому он сдавал эти дома, переставали платить арендную плату. В Голландии в правительстве и парламенте до сих пор очень популярны социалистические идеи, как и в их

конституции. Когда через полгода он обратился в суд, то суд, опираясь на голландские законы, поддерживал неплательщиков. И Флипп понял, что этот бизнес безнадежен. Он продал все свои дома.

Через несколько лет у его бизнеса, как у всякого производства, наступил кризис перепроизводства. Флипп производил товара больше, чем мог продать. А рабочие требовали от него, чтобы он и дальше наращивал производство.

Наконец Флипп пришел к своим рабочим и объявил:

— С сегодняшнего дня фабрика принадлежит вам. Всё: столы, инструментарий, лицензии — всё я отдаю вам. Пожалуйста, забирайте.

Рабочие были в восторге:

— Как здорово, замечательно! Кстати, сегодня мы изготовили тысячу наборов.

— Я сегодня забираю пять штук, — ответил Флипп.

— Как? А остальные?

— А вот это теперь ваше дело.

Так он тихонько подошел к пенсионному возрасту, заработав огромные деньги, родив трех изумительных детей.

Флипп женился на дочери очень богатого человека, женился вопреки его воле, и тот после свадьбы всячески унижал его и дочь, считая зятя-еврея каким-то проходимцем. Но после того, как Флипп заработал свое состояние, тесть изменил свое отношение к нему, понял, что выбор дочери был правильным.

Вот этот человек стал другом Олега Попова. Он приезжал к нему, смотрел представление, иногда спокойно ждал на скамейке рядом. Каждый раз они отправлялись вместе ужинать в хороший ресторан. Смеялись, рассказывали какие-то анекдоты. Олег умел дружить, у него был «нюх» на хороших людей.

Однажды в ожидании Олега Флипп сидел на скамейке напротив кемпинга «Солнечного клоуна». Олег вышел. Между репризами он возвращался к себе в кемпинг, успевал попить чаю, съесть какой-нибудь пирожок и, жуя, бежал на манеж. Каждый раз говорил что-то веселое другу. А дверь в кемпинг он не закрывал.

Флипп спросил директора:

— Скажи, а где он хранит свою зарплату? И какая у него зарплата?

Директор назвал сумму. Зарплата была высокая, даже по голландским меркам.

— А где он ее хранит?

— Здесь, в кемпинге.

Флипп побледнел:

— Вы что себе позволяете? Это же идиотизм. У нас за 100 долларов убивают. А у вас здесь хранится несколько сотен тысяч долларов. Вы что творите? Завтра же мы едем в банк.

Директор подошел к Олегу, сказал, что Флипп предлагает завтра поехать в банк. Олег согласился с неохотой. Он был дитя советского воспитания, а им говорили, что все зарубежные банки лопаются, как воздушные шарик, и деньги пропадают, поэтому оставлять их в буржуазных банках нельзя. Тем не менее наутро они отправились в маленький городок недалеко от Амстердама.

— Банк должен быть огромным, — говорил Флипп. — А офис его — маленьким. Понимаете почему?

— Нет, не понимаем, — ответил Олег.

— Потому что огромный банк — это солидность, это достоверность, там надежно хранятся ваши деньги. Мы едем в самый крупный банк Нидерландов. А маленький офис — потому что вас все там знают, вас хорошо принимают, вы не стоите в очередях, вы не толкаетесь. Поэтому мы едем в эту маленькую деревушку.

В маленькой деревушке они приехали в крошечный филиал огромного банка. На пороге их встретил молодой директор. Все в офисе: и операционистки у маленьких окошечек, и служащие встали и склонились в поклоне: ну как же, приехал господин Лаус, которого они знали как мультимиллионера. А с ним приехал знаменитый русский клоун Олег Попов, который с блеском гастролирует по всей Голландии.

Поговорили, зашли в комнату для серьезных операций. Такие комнаты, как правило, без окон, без дверей. Уселись друг против друга: директор с Олегом с одной стороны, Флипп Лаус с молодым директором банка — с другой. И снова начались анекдоты, шутки, смеялись до слез. Олег всегда был «душой» любой компании. Наконец директор сказал:

— Господа, давайте теперь займемся делом.

У Олега через плечо висела большая кожаная сумка, набитая до отказа. Он открыл эту сумку и высыпал все ее содержимое на стол.

Флипп Лаус был очень богатым человеком, директор банка тоже был не беден, но они никогда в жизни не видели такое количество наличных денег.

Часть денег была свернута в «колбаски», и когда их бросили на стол, многие купюры напомнили засохший на бутерброде сыр с завернутыми крыльями. Деньги дышали, и этот крупный «холодец» ходил вверх-вниз.

Олег начал считать деньги. В его «коллекции» оказались валюты

нескольких стран. Это было время, когда еще не существовало «единой Европы» и не было в обиходе евро. Олег пересчитал дойчмарки, доллары. На клочке бумажки карандашом он приводил все суммы к единому голландскому курсу. Потом пошли бельгийские кроны, огромные старые купюры, похожие на развернутые носовые платки.

Потом он достал не менее огромные французские франки. За ними последовали японские иены. Он считал, поплеывая на пальцы, вызывая ошеломление у голландцев. Сосчитав всё, со вздохом сказал:

— Всё! Точно. Здесь 440 тысяч гульденов.

Директор нажал кнопку. Вошла худая операционистка с иксообразными ногами, с подносом в руках. Она в первый раз в жизни видела Флиппа Лауса-мультимиллионера и великого клоуна.

Но когда она увидела огромную дышащую пачку денег, ей стало дурно. Собравшись с духом, она аккуратно положила все пачки на поднос и, покачиваясь, как матрос на палубе, исчезла. Снова начались анекдоты и шутки. Через какое-то время дверь приоткрылась и показалась голова этой девушки. Она была бледна и обессилена, казалось, вот-вот упадет. Девушка сказала какую-то фразу по-фламандски. Директор банка сразу оборвал смех. Оборвал смех и Флипп Лаус. Он обратился к директору Олега:

— Саша, там серьезная ошибка, там не 440 тысяч.

— А сколько там?

— Там 600 тысяч.

Директора это развеселило. Он понимал, что без калькулятора сложить вместе четыре разные валюты практически невозможно. Он сказал Олегу:

— Олег, ты ошибся. Там не 440 тысяч.

— Вот, я так и думал! — вскричал Олег. — Эти западные банки! Пропади они пропадом! Всё собираем и уходим!

Он смертельно не любил попадать в дурацкие положения, а тут еще с деньгами, да еще с такой суммой.

— Олег, там 600 тысяч.

Так закончилась эта история. Они уехали назад в цирк. Ровно через год Флипп, который продолжал периодически навещать друзей, привез Олегу конверт. В конверте лежало уведомление из банка, что Олег получил проценты за год. Это оказалась весьма солидная цифра. Флипп с усмешкой спросил:

— Ну что, где лучше хранить — в кемпинге или в банке? Ты же боялся, что все лопнет и пропадет. А теперь на эти проценты можешь купить «мерседес»!

Кукла «Олег Попов»

Большинство людей не любят попадать в дурацкие положения. Как часто, оказавшись в дураках или опозорившись, человек мечтает лишь об одном — чтобы все поскорее забыли о случившемся. Или чтобы произошло другое событие, которое своей масштабностью заставит всех забыть о недавнем.

А как было бы ужасно, если бы позорные события нашей жизни навсегда оставались в памяти! Если бы, вспоминая о них, нам бы «тыкали в глаза» ими на каждом углу! Если не было бы возможности забыть о них навсегда!

Так повелось, что Олег любил проводить пресс-конференции в маленьком шапито, которое можно было считать зрительским фойе. Потому что в главном шапито стояли амфитеатр зрительного зала и манеж, за главным шапито находились маленькая конюшня с животными и, через перегородку, гримерки артистов. А перед цирком было маленькое шапито, которое мы по привычке называли фойе.

И вот в одном из голландских городов в таком шапито за несколько часов до начала гастролей собралась группа журналистов. Их было человек тридцать, они все расселись на красных пластмассовых стульях. Олег не любил штатных переводчиков, подозревая во всех них сотрудников спецслужб, поэтому он просил быть переводчиком директора. И тот переводил вопросы и ответы Олега журналистам.

Во время пресс-конференции в это маленькое шапито стремительно влетела молодая женщина с наглыми глазами. На одной руке она держала грудного ребенка, а на другой — огромную куклу Олега Попова. Растолкав журналистов, она уселась рядом с Олегом. На нее начали шикать, но ей было наплевать: главное, чтобы Олег ее увидел.

И Олег увидел ее, смутился и прервал пресс-конференцию. Встал и ушел. Директор пошел за ним. А наглая барышня побежала за ними вслед.

Олег поднялся по лестнице в свой вагон-гримерку, который располагался высоко над землей. Он попросил директора:

— Я не хочу с ней видеться, сделай так, чтобы она ушла.

Директор обратился к даме:

— Мадам, что вы хотите?

Дама злобно отвечала, что между нею и Олегом подписан

коммерческий контракт. Директор посмотрел этот контракт и пришел в ужас. Олег был очень осторожным человеком, никогда не подписывал никакие документы, прежде чем пять раз не посоветоваться.

Как выяснилось позже, этот документ был подписан давно, еще в Москве. Кто-то из старых «друзей» — администраторов с телевидения уговорил Олега его подписать. Идея контракта была простой. Голландское телевидение предлагало снять серию комедийных мультфильмов с использованием имиджа Олега Попова. Такая практика уже была в США. Когда знаменитые комики Лаурел и Харди вышли в тираж, им предложили использовать для анимационных и мультипликационных фильмов их рисованные персонажи. Рисованные фигурки разыгрывали анекдоты, байки, комиксы. И этот проект имел колоссальный успех.

Здесь было предложено практически то же самое: маска Олега Попова рассказывает анекдоты, участвует в качестве главного героя в различных байках и пр.

Контракт имел несколько пунктов, которые Олегу толком не растолковали. Но тогда, в начале 90-х, только-только начиналась чехарда с деньгами. Единственной устойчивой валютой стал доллар. И Олегу предложили в качестве залога две тысячи долларов. Олег раньше в России никогда не имел дела с валютой. Это было противозаконно, а он свято берег свою репутацию. А здесь все произошло так легко, потому что для России тогда две тысячи долларов были огромными деньгами.

Прошло несколько лет. Судя по всему, этот мультипликационный проект не состоялся. Да и в тот момент, когда появилась эта барышня, две тысячи долларов были уже не те деньги: Олег за одно представление получал больше. Но был в контракте и один очень неприятный пункт, который Олег тогда не разглядел. Пункт, по которому организаторам этого проекта на голландском телевидении разрешалось использовать имидж Олега Попова в качестве торгового знака на любых товарах.

Это был ужасный пункт, который позволял использовать имидж Олега Попова даже на туалетной бумаге или на чем угодно.

Человек в Москве, который уговорил Олега подписать этот контракт, видимо, пользовался доверием Олега. Контракт был не просто подписан. Напротив каждого пункта стояла подпись Попова.

Олег попросил этот контракт. Девушка не отдала. Зато продемонстрировала куклу. Директор спросил:

— Что это за кукла? В чем дело, откуда она у вас взялась?

— Дело в том, что нам не удалось снять мультипликационный фильм и исполнить этот проект. Но вот здесь есть пункт, по которому Олег

обязуется предоставить нам свой имидж. Мы наняли в Гонконге целый завод для изготовления вот таких кукол, размером чуть не в полметра.

Эта кукла была точной копией Олега Попова и стоила она 26 долларов. Поскольку заказ в Гонконге был очень большой, то кукольная компания-изготовитель просит подписать контракт заново. И сделать уже не как дополнение к контракту о мультипликационных фильмах, а как контракт с кукольной фабрикой.

Олег был в шоке. Он взял эту куклу, сказал, что подумает. И попросил барышню приехать через некоторое время. Она попыталась всучить ему две тысячи долларов, которые привезла с собой. Но в этот раз, к ее удивлению, деньги не произвели на Олега никакого впечатления, и он их не взял.

Назревал большой скандал. И тогда, связавшись с Флиппом, директор пригласил в цирк его брата Тома.

Том, как уже говорилось, был очень удачливым адвокатом. Он выиграл 17 судов не с кем-нибудь, а с премьер-министром Голландии. У себя в стране он был весьма популярен.

Том любил шик. У себя в офисе на полу он держал персидские ковры XVI века. Мечтал, чтобы ему привезли для офиса старинные иконы из России. Он ездил на самом дорогом автомобиле, хвастался, как ребенок, пряжкой на ремне из чистого серебра ацтеков. В общем, вот такой забавный человек. Но в своем деле он был, конечно, «академиком и докой».

Голландия — небольшое государство. Вечером Том приехал. Он был взволнован предстоящей схваткой. Прочитав контракт самым внимательным образом, он попросил куклу. В шов куклы была вшита маленькая шелковая ленточка — индекс. Том прочитал и сказал:

— Понятно. Это «Фабрика Барби». И если такая мощная фабрика изготавливает свои куклы в Гонконге, значит, тираж будет не менее одного миллиона экземпляров.

Он положил контракт и посмотрел прямо в глаза Олегу:

— Олег, я на сто процентов выиграю этот процесс. Я выигрываю, даже если запятая неправильно стоит в контракте. А здесь практически не выполнен весь контракт. Те мультипликационные фильмы, о которых с вами договорились, не изготовлены. А этот пункт — всего лишь дополнение. И мы выиграем непременно. И они вернут нам деньги за весь этот тираж. Кукла стоит 26 долларов, значит, речь идет о 26 миллионах долларов.

Олег теперь получал большие деньги. Но о такой сумме речи никогда не шло даже близко.

— Я работаю от пяти процентов, — сказал Том. — Олег, вы согласны?

Олег сказал:

— Да, я заплачу с удовольствием пять процентов.

Том продолжал:

— Но только у меня есть одно правило. Поскольку я работаю с миллионерами, то не подписываю контрактов. Мне достаточно их слова. Но в знак того, что мы с вами ударили по рукам, я прошу вас выдать мне сейчас пять тысяч гульденов наличными, чтобы тем самым скрепить наши отношения.

Олег вдруг занервничал, что-то невнятное пробурчал, потом вышел на улицу, вызвал директора и долго высказывал свои подозрения:

— Я не понимаю, что он хитрит. Какие пять тысяч?

— Олег, но ведь это меньше, чем ты получаешь в день. Он обязательно выиграет. Это лучший адвокат Голландии. Такое у него правило.

Олег попросил Тома приехать за ответом на другой день. Том тоже нервничал, он не понимал, почему что-то пошло не так.

Он приехал на другой день утром. Олег вошел в офис и сказал, что больше не хочет никогда видеть Тома и что впредь с ним не будет поддерживать никаких отношений. Хлопнул дверью и ушел.

Впервые в жизни человек, выигравший 17 судов у премьер-министра Голландии, человек, за спиной у которого были и другие юридические победы, не понимал, в чем дело. Он был в шоке и спрашивал директора: что не так? Но здесь сказался характер Олега. В каких-то вещах он действовал с размахом, мог рисковать. А в каких-то вещах был скареден, всех подозревал в мошенничестве, проявлял ненужную осмотрительность.

Прошло время. Барышня с куклой приходила еще раз, но ей было отказано в дальнейшем продолжении отношений. И она спокойно отправилась в Гонконг. Там, на основании первого договора, поскольку уже не было никаких ограничений, фабрика начала изготавливать миллионный тираж этих кукол.

Потом они часто гуляли в разных городах. Олег любил гулять с семьей директора, любил его дочерей; они бродили вместе. Дети просили отца зайти в магазин игрушек. Там, в самых дорогих магазинах, на верхних антресолях сотнями были рассажены «куклы Олег Попов». Это повторялось из магазина в магазин по всей Голландии. Олег с ними в эти магазины не заходил, чтобы не расстраиваться.

Охота на слонов

В цирке не любят охотников. Здесь к животным относятся по-доброму. Когда они маленькие, с ними играют, их кормят, как детей, из соски. В каждом цирке есть ветеринар, и если животное заболевает, то это настоящее горе для тех, кто его растит. Когда они взрослеют, их каждый день моют, стригут, расчесывают, кормят по часам, им дают витамины. И когда кто-то несведущий говорит, что цирковые не любят животных, — это неправда.

Для охоты в Африке продаются лицензии. Стоят они очень по-разному. Убить красавицу антилопу — одна цена, убить льва — другая. Цены колеблются от двадцати тысяч долларов до двухсот пятидесяти тысяч, в зависимости от количества дней, проведенных на охоте, и количества редких животных, которых охотник собирается убить.

Увлекаются этим богатые бизнесмены, политики и отдельные кинорежиссеры.

Самым дорогим животным для убийства — дороже жирафа, леопарда и носорога — является саванный слон. Лицензия на его убийство стоит несколько сотен тысяч долларов. И не только потому, что высоко ценится жизнь этих животных, но главным образом из-за сложностей в организации процесса. В нем, помимо богатеньких охотников, принимают участие несколько егерей, полдюжины автомашин, средства связи, специальные генераторы и фары.

Охота происходит ночью. Этих благородных животных на месте постоя окружают егеря на джипах. Затем одновременно включаются фары всех машин и сверхмощные прожекторы от генератора. Специальные динамики издают жуткий гул. Ведь слоны, при всей своей мощи, чрезвычайно пугливы.

В ужасе они бросаются в темноту, именно в ту сторону, где для них приготовлен специальный коридор для отстрела. Там уже их поджидают на башнях охотники, которые с помощью оптических или лазерных прицелов убивают этих напуганных животных.

Многие охотники гордятся своими трофеями и вешают головы убитых животных на стены своих жилищ. А главное, они получают истинное удовольствие, лишая жизни животных. Для них это и хобби, и спорт.

Однажды в Германии, во время установки шашита, к ним подъехал

золотой, роскошный «мерседес». Из него практически выпал толстый пожилой человек в неаккуратном зеленом свитере, который был растянут почти до колен.

Он спросил Олега Попова, ему показали. Он говорил на чистом русском. Представился Вольдемаром Шмидтом. И сказал, что когда-то жил в бывшем Советском Союзе. А потом уехал, когда начали уезжать первые эмигранты. Олег спросил:

— В 1975-м?

— Нет, в 1939-м.

Вспомнился фильм «Щит и меч», когда немцы Генрих Шварцкопф и его друг Иоганн Вайс уезжали из Риги. Тогда же, в 1939 году, и этот Вольдемар эмигрировал в Германию.

Для того чтобы произвести лучшее впечатление, он усадил Олега в машину. Они приехали в школу для отстающих детей. Как ни странно, в этой школе стояли новейшие компьютерные станки. А на полу спортзала лежал огромный православный крест с виньетками — весь из алюминия. Длина креста была, наверное, не менее 12 метров. Вольдемар рассказывал:

— Я хотел вам показать, что я делаю. В Риге когда-то была церковь, в которой меня крестили. А потом Хрущев спилил все кресты — ему, видите ли, нужен был металл или еще что-то. Вот я восстанавливаю этот крест для рижской церкви. Сейчас с помощью гальваники сделали из алюминия его точную копию. А потом его еще будут покрывать золотом.

— Сколько же это стоит?

— Ой, не спрашивайте, огромные деньги.

Это был человек энергичный, эмоциональный и постоянно находившийся в глубоком подпитии.

— Вольдемар, вы все время пьете?

— Да, я пью постоянно, пью местное белое вино. Ровно пять бутылок вина в день.

Пять бутылок по 0,75 в его возрасте далеко за семьдесят — это серьезно.

Через два дня в цирке состоялась премьера. На представлении и в фойе присутствовали обер-бургомистр и четыре его зама, а с ними вся элита города. Артистов попросили выйти к ним в костюмах. Олег тоже вышел в гриме. Там было дружеское общение руководства города и артистов цирка.

Они пили шампанское, журналисты задавали вопросы. Вдруг откуда-то в это фойе-шапито буквально упал Вольдемар Шмидт. Он был в том же растянutom зеленом свитере. Но на этот раз, кажется, он выпил еще больше, чем обычно. Подошел к Олегу, небрежно оттолкнул в сторону мэра

города. Всем показалось, что мэр низко поклонился Вольдемару.

Элита города с великим почтением кланялась этому пьяному Володе, как он просил себя называть. Он подошел вплотную к Олегу и сказал:

— Олег, я тут выяснил, завтра я вас принять не могу у себя, поскольку самолет из Москвы прилетает только послезавтра. Но вот послезавтра — вы мои гости. Договорились?

— Да, да, — сказал Олег, как бы отмахиваясь.

А послезавтра сразу после представления Вольдемар приехал. И опять пьяный. И отвертеться от него было уже трудно. Олег шепнул директору:

— Поедем, только на нашей машине, я боюсь, как он пьяный водит машину.

Город назывался Вюрцбург. Город очень красивый. Обер-бургомистр во время приема артистов в одной из комнат музея мэрии показал макет города. На нем хорошо было видно, что все до единого дома Вюрцбурга были снесены с лица земли. Сохранилась только церковь, которая стояла в самом центре города. Обер-бургомистр рассказал, что 7 мая 1945 года 7-я английская авиационная армия летела бомбить куда-то на передовую. Но выяснилось, что к тому времени никакой «передовой» уже не было. Немецкие части сдались, и туда быстро продвинулись силы союзников. И, возвращаясь, чтобы не везти назад бомбы, английские летчики сбросили их на Вюрцбург, где не было никаких воинских частей.

Олег вспомнил своего друга Виктора Шемшура, который родился 7 мая 1945 года. Неужели за недолгую жизнь этого парня был разрушен и блестяще восстановлен такой замечательный город?

Они отправились в гости на двух машинах. Вольдемар ехал первым прямо по пешеходной части города. В Германии это невозможно, но он ехал. Люди чертыхались, стучали ему по капоту. Он заехал прямо на тротуар и остановился возле вывески огромного магазина «GOLD».

В Германии частенько комнаты в квартирах располагаются не по горизонтали, а по вертикали. Так было и здесь. Перед ними был семиэтажный дом. Первый этаж занимал магазин, а остальные шесть — его квартира. Все дома на этой улице были тесно прижаты друг к другу.

Вольдемар достал из машины огромный ключ — как у папы Карло из «Золотого ключика» — и открыл магазин. Они прошли мимо прилавка, он отключил сигнализацию и зашел за прилавок. Там находился внутренний лифт.

Этот лифт был предназначен только для его квартиры. Они поднялись на второй этаж.

— Этот магазин я подарил дочери на день рождения. Дома нас ждет

моя жена. Она говорит только по-английски. Вы не обращайтесь внимания. Она дура круглая. Она ведь у меня латышка.

Их встретила обаятельная женщина, которая пригласила их в гостиную. Олег был со своей командой — Борисом Шварцем, дирижером Порожецким и директором. Они увидели большой стол, накрытый по-русски.

На столе стояли красная икра, черная икра, белуга, севрюга, селедка, вареная картошка и роскошные водки — «Смирновская» и другие.

— Дело в том, что мой друг — богатейший монополист торговли всеми русскими деликатесами на территории Германии. Он-то мне и сообщил, что самолета вчера не было, поэтому я перенес нашу встречу на сегодня. Я знаю, как надо угощать русских. Вы больше всего любите то, что сами едите в России. Поэтому милости прошу: вот рыба, вот икра, вот картошка, вот селедка — все, что хотите. А вот и лучшая русская водка.

Уселись. Разговор начал склеиваться. Олег увидел приоткрытую дверь и спросил:

— Вольдемар, а что у тебя там?

— А там у меня рюмочная, я ведь много пью, пью регулярно, по пять бутылок «мозельского» в день. Олег, хочешь, пойдешь посмотреть.

Они зашли, и Олег увидел большую комнату, в которой стояло огромное количество стеллажей, как в библиотеке. На них рядами, как солдаты, выстроились рюмки и фужеры, от самых мелких до огромных, зеленые бокалы с верченой зеленой ручкой, в которых и подавалось местное вино. Они посидели, выпили еще. И Вольдемар рассказал свою историю.

— Я был переводчиком у командующего немецкой армией. Да, там допрашивали часто русских, допрашивали пленных, не меньше полковника или генерала. Многие из того, что вы видите в моем доме, является трофеями. Особенно много я приобрел на Украине.

В конце гостиной стоял старинный шкаф. Олег хорошо разбирался в мебели. И он увидел, что этот шкаф сделан по итальянским канонам XIV века.

— Какой интересный шкафчик!

— Да, у меня таких четыре. Я вывез их с Украины.

Олег сильно напрягся, потому что теперь он хорошо понял, к кому в гости они пришли.

— Ну что ж, пойдете, посмотрите мой дом.

Они поднялись на второй этаж. Весь второй этаж был отдан под спальную. В центре стояла огромная кровать, а возле нее на тумбочке его

жены мелькнула высокая цилиндрическая стеклянная колба, в которой в вакууме был запечатан пожелтевший лист бумаги. На этом листе бумаги были видны какие-то буквы, написанные чернилами.

— Что это такое? — спросил Олег.

— Ну, я же говорил вам, что моя жена — совершенная дура! Этот лист — автограф руки Шекспира. Это подлинная страница какой-то из его пьес. И она купила это.

— А сколько же это стоит?

— Ой, не спрашивайте! Астрономические деньги, не хочу даже об этом говорить.

Потом они поднялись еще выше. На самом верхнем этаже оказался глубоководный бассейн. Вольдемар с женой любили плавать под водой. И поэтому два этажа в верхней части дома оборудовали под бассейн для подводного плавания. Рядом висели два акваланга.

— После того как мы проиграли войну, я оказался в американской зоне оккупации. Американцы относились ко мне очень дружелюбно, они меня не трогали. Среди нас образовалась группа людей, которые так же, как и я, сидели и беспробудно пили целыми днями. Я начал пить после 1945 года, с той поры не останавливался ни на день. Мы встречались каждый вечер, и каждый вечер нам находилось что пить.

Однажды один из американцев сообщил, что у него заканчиваются деньги, и единственное, что он может предложить в уплату за выпивку — новейшее изобретение американских инженеров, редкое ноу-хау, которое он специально привез сюда. У меня были припрятаны какие-то деньги. Американец вытащил шкаф, в котором были цилиндрическая камера и какие-то двигатели. Что это такое, спрашивали мы. Это новое чудо американской техники: химическая чистка. А что это такое? Ну, вы можете пиджак в пятнах положить в машину, и она вычистит его.

Я купил тогда у этого пьяницы первую в Европе химическую чистку. Тогда же, в 1945-м, я основал свою первую химчистку в Германии. А потом я их построил сотни. А через десять лет их стало тысячи. Позднее я уже продавал свой патент по всей Европе.

Не знаю, говорят, я сильно разбогател. Меня считают миллиардером, хотя думаю, что они во многом ошибаются. А потом выяснилось, что половина лесов Баварии принадлежит мне. Канцлер Германии Штраус часто прилетал охотиться в моих лесах. Я его терпеть не мог — он был плохим политиком, хотя в Мюнхене в его честь назван аэропорт. Я принимал его. Но после окончания охоты всегда высказывал свое мнение о его бездарной политике.

Капитализм — великая вещь. Я плачу колоссальные налоги. Но я точно могу узнать, куда они идут. Вот эта улица. Посмотрите в окно. Здесь находится поликлиника, а здесь школа, а там еще что-то — и все это было построено на мои деньги. Я всегда могу прийти и спросить: куда вы дели мои деньги? И они обязаны показать — вот куда вложены ваши деньги.

Олег все больше и больше напрягался. Этот человек ему сильно не нравился. В конце осмотра, чтобы произвести впечатление, он завел всех в особую комнату. Оказывается, что Вольдемар Шмидт был большим охотником. И охотился он не только в своих баварских лесах, но и по всему миру, чаще в Африке.

Он завел гостей в зал, в котором под потолком по всему периметру висело двадцать-тридцать голов убиенных слонов. В цирке не любят охотников. Глаза Олега налились кровью. Он сказал своим:

— Всё, мы уходим отсюда.

Потом резко повернулся к Вольдемару и бросил:

— Что, нашей кровушки не напился в войну?! Когда был переводчиком у генералов? Мало крови вы попили в нашей стране? Теперь тебе надо еще кровь слонов пить! Всё убиваешь, убиваешь!

Олег бегом спустился по лестнице и хлопнул входной дверью. За ним ушли остальные. Вольдемар ничего не понял. Он приезжал в цирк потом еще пару раз, но Олег отказывался с ним встречаться. Что-то треснуло в его душе. Такие люди, как Вольдемар Шмидт, несмотря на то что они возвращали утерянные церковью кресты, всегда оставались для него врагами России.

Скандал в Париже

Подумать только, как много базовых открытий в понимании «вражеского», буржуазного «менталитета» делает очутившийся в Европе среднестатистический советский человек. И всё, чему учили его долгие годы, оказывается вздором. Ну, например, оказывается, что за тяжелую работу хозяина надо благодарить. Ведь тяжелая работа здесь самая высокооплачиваемая и ее не так легко получить.

Или вот другое: ваш партнер попадает под суд и проигрывает дело по своей собственной глупости. Суд приговаривает его к выплате штрафа в более чем сто миллионов франков. Вы переживаете: ведь это означает конец всего только-только налаженного вами бизнеса. А проигравший в пух и прах партнер и в ус не дуёт. Он просто переписывает весь свой бизнес с одной фирмы на другую и оставляет судебным исполнителям право взыскивать огромную сумму с исчезнувшей и несуществующей больше фирмы. Это выше понимания советского человека. Тем более что и в той, и в другой фирме директорами были и остаются одни и те же люди. Астрономический штраф есть, а платить его некому. И к ним закон не имеет никаких претензий. Оба-на! Век живи, век учись!

Хаанс Мартенс, один из двух директоров из Голландии, с которыми сотрудничала программа Олега Попова несколько лет, родился и вырос в цирке. Его мать заведовала буфетами. Он попробовал себя в качестве клоуна, воздушного гимнаста. Но потом выяснилось, что главным его талантом были навыки шофера. Он водил грузовики, тракторы, погрузчики. Мог управиться с подъемным краном и с любым транспортным средством. Он изумительно ставил цирк. Мог поставить его на мизерных площадках, на которых сделать это практически невозможно. Он удивительно точно и осмысленно расставлял кемпинги.

Вообще, это большое искусство — установить цирк. Мэрии городов часто выделяют для цирков очень неудобные площадки. Как правило, на берегу реки на самой «розе ветров». Здесь надо иметь чувство — как поставить цирк, чтобы он не подвергнулся угрозе разрушения.

Но, собственно, на этом его таланты не заканчивались. Он безумно любил женщин. Постоянно, пользуясь положением директора и внутренним обаянием, отыскивал в программе похотливую жену какого-нибудь артиста и закатывал с ней громкий роман. В общем, этот человек,

кроме достоинств шапитмейстера, пожалуй, других достоинств не имел. Не понимал ни в рекламе, ни в продаже билетов, ни в маркетинге. Был человеком недалеким, примитивным, себялюбивым и завистливым. Однако именно с этим человеком Олегу и его программе пришлось проработать несколько лет.

Голландия по богатству — вторая страна в Европе после Германии. И, конечно, работа в этих странах представляла большой коммерческий интерес.

Росгосцирк просил голландских импресарио не работать во Франции. Однако Вильям Шмидт и Хаанс Мартенс и не собирались выполнять свои обещания.

Вильям Шмидт управлял цирком на расстоянии. Он, как мы помним, был главным редактором журнала «PRIVE» и пальму первенства всегда уступал Хаансу. Однако он решал главные вопросы: поиск спонсоров, рекламной компании, контакта со СМИ и PR-агентствами. В общем, он давал самое необходимое для жизни цирковой программы на протяжении длительного времени.

Шмидт и Мартенс не сильно придерживались контракта с Росгосцирком. Отработав очень успешно в нескольких городах Голландии, они решили приберечь свою страну для сезона следующего года и направили программу Олега Попова во Францию.

Артисты волновались, Франция — особая страна, как пойдут здесь дела?

Франция в социальном плане — страна многослойная. Богатейшими городами Франции, конечно же, являются Париж и Марсель. Ведь только там многолетний партнер Росгосцирка мадам Жанин Рунге проводила гастроли каждые два года. Олег предупреждал голландцев, что они вступают в смертельную войну с этой дамой. Но пока гастроли шли по южным провинциям Франции, конфликта с Рунге не чувствовалось.

Хаанс Мартенс всегда говорил, что он знает Францию как свой собственный карман, ему все здесь понятно, известно. Просто он не понимал, что многие годы возил маленький провинциальный голландский цирк, в котором работало всего несколько номеров. Это были небольшие расходы. А здесь огромная, самая мощная в тогдашней Европе программа и самый крупный цирк шапито. Все это требовало больших расходов на свет, на воду, на электричество. И надо сказать, что и зарплата артистов тоже была достаточно большой.

Для того чтобы как-то с этим справиться, организаторы делали билеты в цирк дорогими. И вот начались гастроли по прелестным южным

городам Франции, по побережью Средиземного моря. И здесь артисты и Олег вдруг обнаружили, что только малая часть Франции живет богато и преуспевающе, а остальные провинции — это часто провинции небогатой страны.

Большинство жителей этих регионов были заняты в сфере обслуживания. В основном это были рестораторы, официанты и таксисты, сотрудники гостиниц. Главным образом, они жили чаевыми, полученными в активный весенне-летний сезон. Сезон этот во Франции начинается рано, с марта, и длится до конца сентября. А дальше курортный сезон прекращается и эти города становятся пустыми.

Цирк во всех этих городах наполнялся меньше чем наполовину. Жители приходили, очень бурно принимали программу, искренне радовались. Была хорошая реклама. Но наполняемость в 30–40 процентов стала нормой.

Однажды Олег спросил таксиста:

— Если вам нравится наша программа, почему вы так мало ходите?

Таксист ответил:

— Программа нравится всем, но большинству она не по карману. Ваши билеты стоят почти 100 франков, а если в семье четыре человека — муж, жена и двое детей — значит, нужно заплатить 400 франков. Обед в любом нашем ресторане с вином стоит 20–25 франков. Хорошее пальто в магазине — 200 франков. 400 франков для нас это огромные деньги. Мы не можем заплатить такую сумму.

Потребовалось несколько месяцев для того, чтобы голландские хозяева цирка поняли это. Переезжая из города в город, они увидели, что денег едва хватает на зарплату артистам, свет, аренду и другие цирковые расходы. Вильям Шмидт был уверен, что с появлением Олега Попова на них прольется «денежный дождь». Теперь же, когда он приезжал из Амстердама, чаще других хватался за голову.

В Голландии программа пользовалась невероятным успехом, но Голландия тоже имеет время сезонов, и они берегли ее на весну и начало лета. Тогда там публика очень охотно ходит в цирк.

Зимой климат в Южной Франции помягче, и голландцам казалось, что это хорошо для посещения цирка. Неожиданно для всех Вильям Шмидт приехал с идеей гастролей в Париже.

Олег и его директор были категорически против. Они говорили, что, во-первых, гастролы в Париже надо готовить минимум год, во-вторых, этим горе-организаторам придется столкнуться с мощным противодействием, которое им обязательно даст госпожа Рунге — многолетний партнер

Росгосцирка. Это ее город, и она никого сюда не пустит. Она включит все возможные силы, и либо по ветеринарным, либо по каким-то другим причинам программу просто закроют.

Вильям, казалось, прислушивался к этим доводам. Но тут появился французский администратор, который сказал, что у них во Франции появилась новая форма цирковой рекламы: они пишут цирковые открытки и через почтовые отделения (есть такая услуга) разносят их по домам. Вильям пришел в восторг:

— Боже мой, вот оно, решение! Да, мы едем в Париж и сразу разошлем открытки в миллионы квартир, и к нам повалят люди.

И отговаривать его было уже бесполезно.

Говорить, что эта форма в России существует уже десятилетия и что вряд ли кого-то вдохновляет мусор, который высыпается в большом количестве из почтового ящика, было бессмысленно. Вильям был непреклонен. Они поехали в Париж. Как всегда бывает на новой ответственной площадке, все артисты участвовали в монтаже цирка и готовились к представлению, которое должно было состояться через два-три дня. У Олега была намечена пресс-конференция на Елисейских Полях — главной улице Парижа. Там собралась огромная армия журналистов.

И вдруг в назначенное время Олега там не оказалось. Началась паника. Где Олег? Он пропал? Но он же ехал вместе со всеми, он переехал границу Германии и Франции.

Олег прибыл с опозданием в 20 минут. Опоздал он ненадолго, но когда подъехал, то громко рассмеялся. Выяснилось, что в небольшой машине, «мерседесе», вместе с ним и Габи ехал ее брат, Александр. Он был очень высокого роста, крупный, здоровый, крепкий и красивый парень, но не очень сообразительный. Для того чтобы попасть на Елисейские Поля, им надо было проехать сквозь площадь Триумфальной арки. А движение на этой площади организовано очень своеобразно, чисто по-французски. Французы любят нарушать правила. Они вообще любят свободу во всем и не терпят каких-то правильных линий, они любят линии зигзагообразные.

Наполеон лично нарисовал эту площадь перед Триумфальной аркой. Вниз шли три луча — три улицы, и такие же три луча — три улицы шли вверх. В принципе, эта площадь представляла собой такое «солнышко», и для того чтобы с одного луча переехать в другой, диаметрально противоположный, надо проехать поперек, вокруг арки, а там идет нескончаемый поток машин, сквозь который практически невозможно прорваться.

Бедный Александр попытался проехать сквозь этот поток и не смог, а

потому начал ругаться:

«У нас в Германии на такой площади стояли бы светофоры. Сначала включалась бы одна улица, потом вторая, и люди спокойно могли переезжать с одного „луча“ в другой. А здесь нет никаких светофоров, и если надо было из нижнего крайнего левого „луча“ попасть в верхний крайний, то пришлось бы объехать всю арку, буквально выдавливая машину за машиной! Одно слово, французы!»

И эта «борьба» с Триумфальной аркой заняла у Александра почти два часа, почему они, собственно, и опоздали.

Тогда Олег сказал:

— Ну-ка, выходи из-за руля. Я сейчас вам покажу, как ездят у нас в Москве!

Он сел за руль. Вообще, Олег человек очень дерзкий, очень мощный, и в его вождении проявлялся его характер.

Он сел и поехал поперек всего движения, поперек всех шести «лучей». Французы останавливались и пропускали этот наглый «мерседесик». Не зная, кто в нем, они пропускали его с явным уважением: вот как надо ездить!

А бедный администратор уже час бегал в слезах и причитал: «Где же Олег, где же Олег?!» Когда ему рассказали, что произошло у Триумфальной арки, он воскликнул:

— Ах, на этой площади? У Триумфальной арки? Как я люблю там ездить! Какая прелесть эта Триумфальная арка!

То есть у французов вся эта сумятица, весь этот ужас вызывали восторг.

Олег как-то рассказывал мне, как он, то ли во сне, то ли наяву, ехал однажды на машине по бульвару «Сталинград» — одному из главных бульваров Парижа. Там шли ремонтные работы, и все машины, все шесть рядов с одной стороны бульвара пустили по другой стороне, навстречу другому потоку. Они ехали по-французски, без предупреждения, без сигналов друг другу — но весьма аккуратно. Ох уж эти французы!

Если на встречу к немцу, который очень в вас заинтересован, вы опоздаете на 20 минут, — он никогда не станет ждать вас. А с французом вы можете договориться на среду на 2 часа дня, а он придет в пятницу в 12 часов дня, и когда вы ему скажете: почему же ты опаздываешь, мы ведь договорились, — он может возмутиться:

— Но это моя свобода! Это моя жизнь! Не смейте меня прессовать! Когда хочу, тогда и прихожу!

Это же Франция! Здесь очень своеобразный народ, у них есть только

две слабости: любовь и еда. Любой француз при двух этих словах: «amour» и «manger» — сразу превращается из высокомерного клерка в славного и доброго парня.

Цирк установили в районе нового, только что построенного стадиона «Версу». Стадион был сделан роскошно и красиво, на крыше архитектор устроил травяной газон. И проходя мимо этого роскошного стадиона, можно было видеть, как газонокосилки ездят по крыше и подстригают газон. Это было эффектно.

Хаансу Мартенсу — человеку жадному и недалекому, предложили два места в Париже. Одно ближе к центру, но очень дорогое, а второе рядом с «Берси», и совсем недорого. Предупредив, что там когда-то была свалка и что это место не пользуется популярностью.

Хаанс, конечно, выбрал свалку. Но когда он начал устанавливать цирк, к нему тут же пришел глава муниципалитета района и сказал:

— Вы выбрали свалку для цирка? Вы получили это место за бесценок и хотите, чтобы сюда ходили парижане? Вам надлежит это все раскатать катком, посыпать щебнем, а часть территории заасфальтировать.

Делать нечего. Он раскатал площадь катком, выровнял все щебнем и заасфальтировал. Потом попросили устроить дорожки, а возле дорожек поставить фонарики и цветы. И Хаанс говорил, что обустройство этой площадки обошлось ему в три раза дороже, чем стоимость площадки в центре. Скупой платит дважды.

Директор и Олег в начале гастролей в каждом городе всегда обходили все кассы, где продавались билеты, чтобы понять, на каком уровне идет бизнес. А тут Париж, да еще в ожидании «битвы» с госпожой Рунге.

Рекламы в городе было достаточно и на телевидении, и в метро. Но вот с продажами было хуже. Билеты в цирк в Париже продаются только в музыкальных магазинах. В этих магазинах продаются также билеты на концерты. Приходя покупать пластинки, вы можете сразу купить билет на концерт симфонического оркестра, или рок-группы, или фольклорного коллектива, который вам нравится.

Главная касса находилась на Елисейских Полях — в музыкальном отделе огромного универмага «VIRGIN».

Это один из самых популярных магазинов Парижа. Там на втором этаже стояла огромная касса, окруженная толпой молодежи. На кассе было наклеено множество всяких афиш.

С трудом пообщавшись с кассирами (здесь никто не говорит по-английски — а зачем?), выяснили, что билеты на программу Олега Попова не продаются вообще. Но это же главная касса города! Отправились на

верхний этаж, к директору магазина. Управляющий, очень красиво одетый человек в роскошном кабинете, все вопросы встретил довольно равнодушно и сказал:

— Да-да, мы продавали билеты, успешно! Но потом пришла некая госпожа, кажется, Рунге. Она предъявила свой контракт с Росгосцирком и сказала, что вы жулики, «левая программа», и что продажа билетов у нас может вызвать скандал. Ну, мы и прекратили.

— Ну что вы, — возмутились мы, — вот Олег Попов живой символ России. А вот наш контракт с Росгосцирком!

— Вы знаете, я не хочу ничего выяснять. Я прекратил продажи — это мое право! Мне не нужен скандал.

То есть госпожа Рунге даже не стала заниматься ветеринарными интригами, она просто остановила всю продажу билетов в Париже.

— А где теперь продаются наши билеты?

— Билеты продаются в другом очень популярном музыкальном магазине в Париже, который называется «FNAK».

И действительно, пришли туда. Там всего сутки назад начались продажи. У продавцов тоже были опасения по поводу легитимности нашей программы.

Премьера прошла с огромным успехом. К нам пришел знаменитый французский актер, певец, солист *OPERA* — Сержио. Это был голубоглазый красавец, который многие годы вел фестиваль в Монако. Он был цирковым экспертом. Сержио с любовью поздоровался с Бондаревыми, с Кантемировыми и, конечно, остановился у Олега после шоу. Они выпили по рюмке. Сержио сказал:

— Вы знаете, в прошлом году здесь работал цирк Du Soleil. Парижане очень любят цирковое искусство, но они не приняли этот спектакль, и цирк Du Soleil полностью прогорел. Кстати, с той поры цирк Du Soleil никогда больше не работает в Париже. А у вас настоящий классический цирк, у вас лошади, джигиты, воздушный полет, лучшие в мире подкидные доски, но главное, у вас Олег Попов. Эта программа изумительная!

Однако пророчества Сержио не сбылись. Со второго дня в огромный трехтысячный цирк стало приходить не более ста человек. Это была настоящая трагедия, когда на манеже артистов оказывалось больше, чем зрителей в зале.

Голландцы бегали по разным местам. Выясняли, «FNAK» тоже внял протестам госпожи Рунге и прекратил продажу билетов. Билеты продавались кое-как и кое-где. Пошла молва, что это какая-то «левая программа» работает в Берси, на бывшей свалке.

Гастроли не заладились, госпожа Рунге показала, кто хозяйка в этом городе. Несмотря на то, что Олег Попов имел изумительную программу и эта программа очень нравилась зрителям. Жанин Рунге задействовала все инструменты, включая экранные, телевизионные, рекламные — она сделала все, чтобы программа прекратила свои гастроли в Париже. А во всей Франции только два города в состоянии обеспечить цирку нормальное экономическое функционирование: Марсель — это порт, а Париж — это 14-миллионный мегаполис.

Вечером раздался звонок, и выяснилось, что завтра, в выходной день, Олег со своими друзьями приглашен к знаменитому кутюрье Пьеру Кардену.

Пьер Карден — очень популярная фигура в Париже. Он один из основных зачинателей движения «от кутюр», создатель линии «прет-а-порте». Это когда новейшие модные идеи «от кутюр» сразу идут в массовый пошив, и в магазине можно купить от Пьера Кардена костюмы и платья не за такие бешеные деньги, как «от кутюр».

Карден построил себе маленький, уютный офис в самом начале Елисейских Полей — недалеко от Лувра. Это тоже Елисейские Поля, только в кустах сирени и в самом начале бульвара. Там был устроен маленький двухэтажный домик. Домик-дворец.

Олег с друзьями пришел к назначенному времени. Их встретил дворецкий. Высокий человек в фуражке, черном пиджаке и черных брюках. Только все это — и фуражка, и брюки, и пиджак и спереди, и со спины — было в значках. На нем висело несколько килограммов значков. Он производил неизгладимое впечатление и, конечно, был знаком дома.

Дом Кардена начинался с кафе. Все, кто приходил к нему по приглашению, сначала должны были отведать его кухню. Олег с друзьями сели за стол, им подали луковый суп, потом какое-то жаркое.

Это кафе принадлежало Пьеру Кардену. Это было кафе только для его друзей. Там не взимались деньги. Друзья его, начинающие модельеры, художники, музыканты, могли свободно приходить туда и поесть в любое время.

В середине обеда Олег увидел Пьера, он сидел со своим приятелем за соседним столом. Олег хотел встать и поздороваться, но ему сказали:

— Пожалуйста, доешьте. Господин Карден подойдет к вам сам.

Когда обед закончился, Пьер Карден подошел к Олегу. Они поздоровались, потом обнялись. Оказывается, что они были когда-то знакомы. И начался разговор очень бурный, очень интересный. Пьер Карден признавался в своей любви к России. Он очень долго и много

рассказывал о Славе Зайцеве, которого считал гением, и о его открытиях в области моды, таких, как использование павловопосадских платков, как стеганные пальто, женские сапоги и пр. Рассказывал, какой успех имел здесь Слава, сколько им было сделано.

Он повел гостей на второй этаж и показал театр. Да, там был театр, небольшой, но очень уютный и красивый. Зрительный зал с красными креслами, со сценой и подиумом вдоль партера. Этот театр был трансформирующимся, там не только проходил показ мод, в нем можно было увидеть и театральные спектакли, и мюзиклы.

Потом Карден вывел всех в фойе и начал показывать фотографии артистов, которые работали в этом театре. Олег был удивлен, увидев там Марка Захарова и всю его труппу. Оказывается, когда Пьер Карден был в Москве, его пригласили на спектакль «Юнона и Авось». Он пришел в восторг от этого спектакля. И за свой счет привез его в Париж, устроил презентацию и показ. Все спектакли, которые он привозил, в Париже имели колоссальный успех. На прощанье они расцеловались, и великий мастер пообещал прийти на представление, подарил множество всяких сувениров. Эта была очень теплая встреча с великим гением от кутюр.

Цирковая программа продолжала работать при полупустых залах. Но «малые голландцы», как их называли артисты, продолжали биться. Они по-прежнему разносили миллион рекламных открыток по всему Парижу, однако никакого толка от этой акции не было. Жанин практически уничтожила их бизнес, было очевидно, что после второй недели из Парижа надо уезжать.

Вечером, перед следующим выходным, стало известно, что Олега хочет видеть великий французский клоун Ашиль Заватта (Zavota). Он приглашал приехать к нему в провинцию Гасконь, в город Ош, что на юге Франции. Город был славен тем, что, по преданию, там родился не литературный, а настоящий д'Артаньян.

Олег был легок на подъем. Они с директором отправились на машине довольно далеко, километров за двести от Парижа.

Приехали в город Ош, где им была назначена встреча у памятника д'Артаньяну. Город был крохотный, типично французский. Шел проливной дождь, была очень неприветливая погода. Олег увидел около памятника двух скрюченных старичков — пожилых женщину и мужчину. Они были в плащах и под зонтами. Как воробушки, оба свернулись от непогоды. Это были Заватта и его жена.

Друзья поздоровались и обнялись. Заватта сказал, что он приглашает Олега, поскольку тот совершил большое путешествие, в лучший ресторан

города. Ресторан назывался «Мушкетер». Хозяин этого ресторана входил в тройку лучших поваров Франции. Он был обладателем нескольких мишленовских звезд. И уже ждал их у себя в ресторане.

Когда они вошли туда, их поразило его декоративное оформление. Сверху с потолка были спущены канаты-веревки, как водоросли. Между ними пройти было непросто. Они были развешаны по всей площади ресторана. И столы находились под этими веревками. Но оказалось, что это были вовсе не веревки. Это были многометровые связки лука — от потолка до пола. Весь ресторан «утопал» в луковых вязанках. Это производило впечатление и добавляло экзотики ресторану. Ведь мушкетеры того времени были простыми солдатами и были очень близки к земле, к провинции. А лук — это неотъемлемая часть Франции, вместе с ее луковым супом — основой французской кухни.

Хозяин ресторана засуетился, когда увидел Заватту и Олега Попова. Он занервничал:

— Подождите, прежде чем я приготовлю свой знаменитый стейк, с которым я выиграл третье место на конкурсе поваров Франции, — я дам вам что-то простое, закусить.

И он принес огромные тарелки, на которые была положена некая масса коричневого цвета. Как выяснилось, это был главный деликатес Франции, который французы почитают больше, чем черную икру, — паштет из гусиной печени, фуа-гра. Гусей откармливают для этого только грецкими орехами, по часам, особым образом, чтобы потом из их печени приготовить знаменитое фуа-гра. Французы обожают его. И сказать, что это было вкусно, — значит ничего не сказать. Печень подали с капельками граната на огромной тарелке. Потом прошло какое-то время, повар принес изумительное вино и свой легендарный стейк.

Обед удался. Олег веселился, Заватта поддерживал разговор, хотя он был уже очень стар. Его жена, как оказалось, была намного моложе его. Два великих клоуна с огромным уважением относились друг к другу.

После обеда Заватта пригласил Олега к себе домой, чтобы попить кофе. Они прибыли на окраину городка. Здесь был клочок земли, купленный когда-то Заваттой, и на нем лежал цирк шапито в сложенном состоянии. Да, Заватта имел собственный цирк шапито, и он работал в нем до конца жизни. А потом жена и сын продолжили работу в этом маленьком цирке. Был не сезон, и цирк был сложен. Рядом с цирком стоял каменный двухэтажный домик. В нем, должно быть, и жил Заватта. А рядом с домиком стоял огромный люксовский кемпинг.

По кемпингу, в котором живут артисты цирка, можно понять их

уровень. У Заватты был кемпинг с мощными амортизаторами, раздвигающими его и в ширину, и на второй этаж. Когда вы заходите в такой кемпинг и видите паркет на полу, а на потолке люстры, то через секунду забываете, что находитесь в движущемся транспортном средстве. Вы заходите в роскошный салон. Старый клоун пригласил Олега и его друзей не в двухэтажный домик, а в свой кемпинг. Там было множество альбомов с фотографиями. Потом они посмотрели видео с какими-то старыми репризами. Говорили много, весело и интересно. Олег спросил:

— А почему живете не в доме?

— Я не люблю дома. Я дитя цирка. Я родился в кемпинге. В кемпинге я прожил целую жизнь. Мне не хочется даже бывать в доме. Если хотите, можем туда зайти, но я там не бываю. Я его построил, когда были деньги. Но никакого интереса он не представляет. Вся моя жизнь прошла здесь, в этом кемпинге.

Так прошла встреча двух великих клоунов.

Приехав в Париж, Олег сразу же попросил своего друга узнать адрес ближайшей «барахолки». Париж славился у антикваров несколькими «фломарктами». Они были и на севере, и на юге города. Выяснилось, что лучший «фломаркт» находится на севере. И ехать туда надо было на метро с тремя пересадками. Парижское метро вообще очень непростое, но три пересадки — это очень сложно. Дорога занимала около часа. И они с директором отправились туда. «Фломаркт» этот оказался больше и франкфуртского, и бельгийских. Это был целый город с крытыми прилавками, открытыми прилавками, павильонами — целый город, отданный под винтажные вещи.

Олег и там купил себе три пиджака разных цветов. Купил разные брюки, пару ботинок. Потом остановился около ряда с техникой. Особенно ему понравилась радиоуправляемая машина, с которой он хотел сделать репризу. Купив ее, он, наконец, увидел, как она действует. Олег обожал торговаться, он не говорил ни на каком языке, но на пальцах мог объяснить с любым торговцем. Ему удавалось сбивать цену до очень низкой. Было видно, что эта торговля доставляет ему удовольствие. Были там ряды с картинами, целые улицы с настоящим антиквариатом, с бронзой, фарфором.

Цены, надо сказать, на этом рынке были очень высокие, это были цены настоящего антикварного магазина. Только, конечно, не тех, что стоят на Елисейских Полях у Лувра.

Абсолютно счастливый, Олег после двух часов прогулок по этому городу старины вернулся домой. А потом обратился к директору:

— Я тебя попрошу, я не запомнил дорогу, завтра утром встанем пораньше и, чтобы не опоздать на представление, поедem туда еще раз.

Это повторялось несколько раз, пока с четвертого раза Олег не освоил маршрут, после чего уже ездил самостоятельно. Он ездил туда каждый день. Что он там покупал — неизвестно. Только костюмер Любаня строчила что-то день и ночь. Потом он это примерял и, как обычно, забывал навсегда.

А вот технические вещи, которые он покупал, сразу нес в мастерскую. Так, в частности, с помощью радиоуправляемой машинки он реализовал старую мечту. На манеже он надел на эту машинку свою клетчатую кепку, и радиоуправляемая кепка начала шустро ездить вправо и влево. Это было забавно, интересно. Олег говорил, что пока не знает, что из этого получится. Но в каждой репризе должен быть трюк, должно быть что-то неожиданное. Есть трюк, есть реприза, дальше потом додумаем.

В отличие от большинства клоунов мира, он никогда не останавливался на трех или четырех репризах. Он сочинял их постоянно и не боялся их показывать. Многие клоуны, добившись большого успеха, опасаются новых реприз, боятся провала у зрителей. Олег не боялся. Он был уверен в себе и в правильности драматургии, которую он избрал. Так что репризы были у него всегда интересные и всегда новаторские.

Однажды утром он пришел к кемпингу Хаанса и увидел, что тот с бешенством выбрасывает на улицу целый ворох бумаг. В его роскошном директорском кемпинге был угловой диван, за которым он принимал гостей. Там же они обедали с семьей. Под этим диваном хранились все документы его офиса. Хаанс был плохим директором и с документами работать не хотел и не любил. Часто просто не читал их, даже самые важные.

— Что случилось, что ты ищешь? — спросил Олег.

— Дело в том, что у нас завтра суд с госпожой Рунге, — сообщил Хаанс. — Она выставила нам счет в 120 миллионов франков. Боже мой, какая огромная сумма! Так вот, я потерял основной контракт с Росгосцирком.

— Ну хорошо, ты поищи, а если не найдешь, мы будем звонить в Москву и что-то придумаем. Ведь без этого контракта мы действительно «левая программа» в Париже.

В середине дня Хаанс пришел к Олегу и сказал:

— Олег, контракта нет. Если завтра я приду в суд без контракта, то мы полностью проиграем это дело.

Олег позвонил в зарубежный отдел Росгосцирка, попросил выслать все

бумаги насчет контракта. Но так как был уже конец рабочего дня, то ему пообещали всё сделать на следующий день, пораньше, и, пользуясь разницей во времени, выслать до суда этот контракт по факсу. Что и было сделано.

То есть эти горе-организаторы голландцы были настолько неквалифицированы, что даже сумели потерять оригинал многолетнего контракта с Олегом Поповым и программой, на основании которого они, собственно, и работали несколько лет!

Вечером пришел Хаанс и сказал, что цирку надо сворачиваться. Мы только что проиграли суд. И Олег с ужасом представил 120 миллионов франков — это сумма была неподъемной! Весь реквизит, костюмы, животные, да и шапито стоили в разы меньше. Но Хаанс сказал, что Вильям придумал выход и беспокоиться не о чем.

Выход был более чем странным для советского человека. Фирма, через которую ее владельцы Хаанс Мартенс и Вильям Шмидт до сегодняшнего дня проводила гастрольные туры во Франции, называлась «Монументал Интертеймент». Именно она проиграла в суде, и она должна была выплатить 120 миллионов франков госпоже Рунге.

Но эта фирма в одночасье прекратила свое существование, передав все свои права новой фирме «Голден Цирк Продукцион». Хозяевами абсолютно новой фирмы стали те же Вильямс Шмидт и Хаанс Мартенс.

И эта новая фирма приняла на себя обязательства продолжать дальнейшие гастрольные туры в Голландии. Никакие долги «Монументал Интертеймент» она выплачивать и не собиралась!

Так, провалившись благодаря «стараниям» «малых голландцев», программа Попова вынуждена была снова вернуться сначала в Бельгию, а потом в Голландию.

Экономическая ситуация в цирке была ужасной. Выплачивать зарплату артистам в полной мере голландцы уже не могли. Тогда они упростили Олега и директора временно, пока не начнутся хорошие сборы в Бельгии, выплачивать в неделю всего один день работы. Ведь все артисты получают трехразовое питание, страховку и прочее, прочее. Артисты согласились, они как бы дали рассрочку этим голландским организаторам, с тем чтобы те смогли погасить свои долги.

Рассрочка оказалась очень длинной. Сначала в Бельгии дела не заладились. Там, конечно, было не так плохо, как во Франции. Но полученных денег на самом деле хватало только на ежедневные расходы, и зарплата тоже выплачивалась теперь регулярно. Но выплачивалась зарплата сегодняшняя, а та задолженность, которая составила почти два миллиона

евро, не выплачивалась.

Потому что не было аншлагов. Голландцы обещали: «Если зал будет битком, то мы, конечно, будем выплачивать сегодняшнюю зарплату и погасим долги». Но этого не произошло. Наступили очень плохие времена. Директор с помощью Олега должен был буквально вымогать деньги, которые импресарио были должны артистам программы.

Голландцы пытались как-то выкрутиться. Говорили: вот сегодня, пожалуйста, выплатите зарплату и долг Олегу Попову. А артистам долг мы заплатим в другой раз. Но директор платил в первую очередь артистам. И когда Олег об этом узнавал, то поддерживал друга.

Хозяин негодовал, но тем не менее долгих два года регулярно выплачивался этот астрономический долг. Возвращение долгов поссорило директора программы с голландскими хозяевами. Они воспринимали его действия как рэкет.

Олег понимал, что выбора нет. И проявление мягкости по отношению к импресарио невозможно. Потребовалась жесткость для получения от голландцев собственной зарплаты.

Габи

Как глупы бывают прогнозы на чужую жизнь.

— Эта пара не проживет вместе и года! Слишком они разные!

— Она выходит за него замуж по расчету. Только из-за денег! Заберет его денежки и будет такова! Это же видно невооруженным глазом.

— У них слишком большая разница в возрасте. Через пять лет он станет совсем старым, а она еще будет в полном соку!

— Неужели он сам не видит, что его просто обманывают!

А потом эти злые языки просто забывают о сказанном и забывают взять свои слова обратно, когда ни один из их прогнозов не сбывается. Когда пара из разного «круга», с очень большой разницей в возрасте, назло всем проживает вместе большую и счастливую жизнь, заставляя задуматься о превратностях любви.

Постепенно Габи стала частью нашего коллектива, частью программы. Она жила с Олегом в большом красивом караване и стойко переносила все тяготы цирковой жизни. Потому что каждые две недели надо было укладывать все вещи в кемпинге, привязывать к полкам всё, что могло побиться в дороге, часть вещей укладывать в автомобиль и отправляться в путь — переезжая на 300–400, а иногда и больше километров.

Приезжали на новую площадку, порой не очень чистую. Не всегда просто было подключить воду. Но главное, подключить розетку к генератору с электроэнергией, потому что, как уже было сказано, генератор в цирке — это сердце шапито. От него зависел свет в кемпинге, от него зависело тепло в кемпинге, от него зависела горячая вода в кемпинге, от него зависела электроплита в кемпинге, от него зависел телевизор со спутниковой антенной. В общем, от этой электрической розетки зависела вся жизнь артистов.

Часто этот генератор приезжал с опозданием, потому что был установлен на очень старой и разбитой машине, как большинство грузовиков Хаанса Мартенса.

Эта машина очень медленно ехала по немецким автобанам, часто попадала в коллизии, когда ее останавливали, требовали предъявить «тюф», то есть удостоверение, что машина абсолютно технически исправна. А была она абсолютно неисправна. Артисты, которые приезжали на площадку своим ходом, мерзли в своих кемпингах без света и отопления, ждали,

когда наконец на площадку приедет генератор.

Потом пьяный Андре, электрик, горевший когда-то от сигареты в машине с газовым двигателем, получивший ожоги почти на 70 процентов и начавший с той поры пить, выставял специальную «кассету» — стенд с розетками, и все артисты — заслуженные, народные — стояли в очереди в холоде с вилками от своих кемпингов для того, чтобы успеть вовремя воткнуть их в эти дырочки. Как правило, кому-то одному не хватало одной розетки. И тогда надо было ждать еще, пока Андре выпьет немного пива и поставит дополнительную «кассету», только тогда появится свет. Впрочем, работу свою Андре знал хорошо, и артисты любили его.

Ко всему этому Габи привыкла. Конечно, в каких-то тяжелых ситуациях ей помогали ассистенты Олега, особенно Владимир Фесенко. Но ей, привыкшей жить у себя дома в комфортных условиях, многие бытовые моменты казались достаточно сложными. Иногда, очень редко, она просила хозяина, чтобы им сняли гостиницу в том или ином городе, чтобы она могла нормально помыться и привести себя в порядок. Да и немного отдохнуть от тягот кочевой жизни.

И вот наступил день, когда Олег объявил во всеуслышание, что собирается жениться на Габи. Надо сказать, что инициатива женитьбы принадлежала ему, а не Габи. Они жили очень счастливо. У них была настоящая любовь, были очень теплые и очень трогательные отношения. Олег сочинял песни в честь Габи. У них было все хорошо.

Но Олег, как человек из прошлого времени, полагал, что если он живет с этой женщиной уже длительное время, то необходимо узаконить их отношения. Необходимо, чтобы Габи стала его женой.

Надо сказать, что это вызвало разную реакцию у людей. Некоторые, особо циничные, улыбались, потому что там была приличная разница в возрасте. Большинство же артистов отнеслись к этому спокойно и хорошо. А нервничали два человека.

Во-первых, дочь Олега Попова Ольга. Она прибыла в Германию сразу после смерти матери. Ольга опекала отца и была главным для него человеком до прихода Габи. И она понимала, что речь идет не только о личных отношениях мужа и жены, но и о наследстве, то есть о деньгах и материальных ценностях, которые Олег теперь в первую очередь должен будет оставить своей жене, а уже во вторую — дочери.

Другим человеком был близкий друг Олега Густав Кемперт. Он не верил в искренность чувств Габи; ему казалось, что все это немного фальшиво, что Габи просто хочет быть поближе к славе и популярности Олега, а также к его деньгам. Но Олег отрицал это; он говорил, что Габи и

без него богатый человек, у нее прекрасный дом, лошади, слуги и она ведет абсолютно независимый образ жизни. Да, конечно, и у Олега есть какие-то деньги, но никакого особенного материального выигрыша здесь быть не может.

Олег был очень дружен с Густавом, но в этой ситуации он его не слушал.

Наконец сговорились. Свадьбу решили сыграть в голландском городе Бреда. Там у цирка были очень хорошие отношения с мэром города и все было подготовлено.

Олег очень волновался. Они ездили вместе с Габи покупать ей платье, ему специальный костюм, бабочку в клеточку и такой же платочек. В общем, готовились по полной программе к этому важнейшему в их жизни событию.

Олег, человек романтичный и творческий, написал песню, которая называлась «Я люблю тебя, Габриэль». Он оркестровал эту песню и иногда исполнял ее прямо в манеже. Песенка была очень трогательная. Олег, словно маленький мальчик, в песне высказал свое признание в любви этой очаровательной женщине.

Поскольку Габи и Олег были разных вероисповеданий, то брак у них был светский. Их записали в ратуше города Бреда.

Ратуша эта — потрясающее сооружение раннего барокко с колокольной и каменной резьбой. Вообще ратуши в Бельгии и Голландии являются основными носителями всех архитектурных эпох. Эти страны отличаются тем, что у них от XIV–XV веков остались не только церковные сооружения, но и светские. В ратуше заседали бургомистр со своими помощниками и городской парламент.

Собралось огромное количество народа. Вильям Шмидт дал объявление о бракосочетании не только во всех газетах Голландии, но и практически во всех основных европейских средствах массовой информации и цирковых журналах. Прибыло огромное количество гостей. Только одних фотокорреспондентов было около пятисот человек. И вот вся эта огромная толпа вместе с женихом и невестой приблизились к ратуше. И вдруг колокола ратуши начали исполнять мелодию песни Олега Попова про Габриэль. Это был такой трогательный подарок, такая неожиданность, что молодые остановились и замерли от восторга. Песня о Габриэль, которую Олег пел с оркестром, была переложена на музыку колоколов.

Жених и невеста пришли в зал, уселись в специальные парадные кресла в ожидании церемонии. Свидетелем со стороны Габи был Ирбек Кантемиров, со стороны Олега — директор коллектива. А потом обер-

бургомистр в торжественном костюме под звуки орга̀на вышел и записал их в книгу регистрации браков, официально объявив мужем и женой.

Там произошел интересный эпизод во время фотографирования. Жених и невеста стояли вдвоем, Олег в черном костюме с клетчатой бабочкой, Габи в изумительном винтажном платье с букетом, и более тысячи человек стремились запечатлеть этот момент. Отталкивая друг друга, они фотографировали Олега и Габи. Только один фотограф взял и зашел за спину молодым. А потом позвал их:

— Олег, Габи!

Они обернулись к нему через спину — так возник тот изумительный снимок, когда жених и невеста оборачиваются на вас, а за их спиной вы видите армаду фотографов, сотни объективов со вспышками.

После свадебной церемонии отправились в ресторан, который заказал Олег. Там все впервые увидели отца и семью Габи.

Это был очень красивый ужин с шампанским, с поздравительными тостами. А после традиционного торта вся церемония передвинулась в цирк. Поскольку ушлые голландцы торговали всем, чем могли, то и фотокорреспондентов, прибывших со всего мира, и журналистов в цирк пускали не просто так, а за деньги. Габи тоже понимала в коммерции. Когда голландцы попросили у нее разрешения проводить всякие коммерческие мероприятия на ее свадьбе, она сказала:

— Поскольку вы на мне зарабатываете, я хочу тоже на этом заработать.

Голландцы удивились. Им всегда казалось, что зарабатывать должны только они.

— Да, Габи, конечно, это ваша свадьба. Что вы хотите?

— Я хочу подарок от вас. Мне хочется иметь пони.

— Пони?

— Да, пони.

Ну что же, вздохнув, они подарили изумительного пони, которого вывели под музыку оркестра на манеж. Вся эта церемония на манеже тоже была своеобразным шоу.

Здесь же исполнялись какие-то цирковые номера, шли тосты, поздравления. Поздравления от импресарио, от артистов, от города, от журналистов.

Артисты скинулись и купили Олегу и Габи в подарок машину BMW. Правда, Габи не очень любила эту марку, но подарок приняла. Его тоже выкатили в манеж, все посмотрели и порадовались. Машина была хоть не совсем новая (на новую артистам цирка денег не хватило), но в прекрасном состоянии.

Габи приняла на себя часть обязанностей, которые прежде исполнял директор программы. Она вела переговоры с импресарио по поводу всех вопросов касательно быта Олега: его проживания, комфорта, переездов, следующих городов, рекламы, страховки.

Директорские функции были несколько уменьшены, к радости самого директора, поскольку импресарио всё чаще и чаще обращался к Габи. Им легче было найти общий язык. Голландия и Германия — страны-соседи с близким языком, поэтому здесь Габи стала настоящей подругой, настоящим лидером рядом с Олегом. Постепенно ей захотелось выходить на манеж вместе с Олегом.

Надо сказать, что Габи вместе со своей сестрой Сильке окончила клоунскую школу «Клоуны Дмитрия». Эта школа достаточно популярна в Германии. Ее основал один из клоунов Восточной Европы, который давно переехал в Германию. У Габи была даже некоторая практика. Вообще ей была свойственна постоянная тяга к работе в цирке.

Конечно, главной ее привязанностью были лошади. Габи держала у себя дома нескольких лошадей. А теперь у нее появился пони, с которым она носилась как с ребенком. Она его вычищала, следила за ним, вызывала ветеринаров. Она его гоняла, потому что лошадок надо гонять, чтобы у них не застаивались ноги.

Однажды Олег предложил снять репортаж о Габи:

— Знаете, друзья, так много репортажей обо мне. Давайте снимем о ней. Ведь это очень интересно для немецких зрителей видеть, как немецкая женщина ездит с русским цирком.

И тогда приехали два корреспондента с центрального немецкого телевидения ZDF. Они приехали рано утром и начали интервью. Габи приготовила им кофе, встретила очень доброжелательно, с удовольствием отвечала на вопросы. А без пяти одиннадцать начала нервничать. Интервью длилось уже почти два часа, а вопросы к ней не заканчивались. Олег, конечно, сразу понял, почему она нервничает — в одиннадцать у нее репетиция в манеже — прогон лошадей. Но цирк в это время пустой, и репетицию легко перенести на час, или на вечер, или на другой любой день — когда хотите, это наш цирк.

Олег сказал:

— Габи, не нервничай, мы перенесем репетицию.

— Нет, — отвечала Габи. — Всё, господа, спасибо большое, но я вынуждена идти, потому что это моя работа.

Здесь сработало, конечно, ее немецкое чувство абсолютной дисциплины, аккуратности в отношении к работе. Корреспонденты уехали,

предварительно засняв ее на репетиции. Получился очень милый репортаж на телевидении о жене великого артиста.

Со временем Габи решила попробовать себя в качестве артистки в интермедии вместе с Олегом. Она придумала интересную репризу. У Габи была аллергия на грим, и она не могла гримироваться. В репризе она должна была изображать большую, высокую куклу, с которой играет клоун, и она надевала на себя маску, чтобы не мазать лицо гримом.

И вот в манеже появились Олег и высокая белая кукла, чем-то напоминающая Пьеро, с большими красными пуговицами. Олег начинал жонглировать этими пуговицами, которые срывал с клоунского балахона Габи. А пуговицы всё не кончались и не кончались. В этом был трюк. Это было очень забавно. Реприза была милая, как, впрочем, и всё, что впоследствии делала Габи на манеже.

С годами, когда она уже освоилась, они с Олегом выпустили несколько реприз, в которых играли вдвоем. Габи прекрасно понимала, что в один прекрасный момент импресарио может остановить большую цирковую программу, сказать, что не в состоянии платить такие деньги и возить большой коллектив.

У Олега всегда был постоянный партнер Володя Фесенко, а для новых клоунад требовался партнер особый. Новые клоунады Габи были очень своеобразными. Она прекрасно чувствовала время. Как-то они заспорили с Олегом по поводу известного клоуна Перино. Олег говорил, что он не смешной, а Габи отвечала на это:

— Зато он наивный.

Олег заспорил:

— Но клоун должен быть смешным.

— Клоун должен быть наивным.

Габи высказывала точку зрения современной цирковой публики Европы. Там нравятся не только те клоуны, которые вызывают резкий, животный хохот, но и персонажи не от мира сего, странные люди, странные человечки-фрики. А клоун Перино был именно таким человеком, и он был симпатичен европейской публике. Репризы, которые делала Габи, были очень интеллигентными и трогательными. Сам Олег в них выглядел совсем по-другому. В них сказывалось новое, другая культура.

Олег был воспитан в лучших традициях уличной, карнавальной культуры. Если клоунада — то хохот. Если дружба — то навек. Нравственные законы были «отчеканены» пацанами во дворах и на «барахолке». Он знал, что за товарища надо заступаться, что если на вас напали, то надо стоять спиной к спине, что нельзя предавать друзей.

Предательство он считал высшим грехом.

Однажды директор программы, раздав всем зарплату, завертелся и забыл выплатить деньги Олегу Попову. Забыл, бывает. Поздно вечером Олег пришел в кемпинг к директору, уселся и стал молча смотреть на него. Директор не понял, что случилось. Он наливает «Солнечному клоуну» чаю. Олег выпивает чай с булочкой. Он предлагает коньячку — Олег выпивает коньячку. И наконец директора осеняет: «Боже мой, я забыл отдать сегодняшнюю зарплату»:

— Олег, извини ради бога. Вот зарплата. Вот ведомость, извини.

И тут Олег произнес фразу, которая отражает самую суть его натуры, его мышления:

— Ничего, я могу и сам подойти. Ты был очень занят сегодня. «Сено к лошади не ходит».

Таков был Олег Попов.

Резерв

Огонь, вода и медные трубы... Эти испытания пролегают через жизнь очень многих. И если «медные трубы» — это власть и слава — экзамен, который мало кто выдерживает, то вот деньги — это искушение, которое преследует нас с ранней юности до самой смерти. Кажется, человек уже давно состоялся и твердо знает, что чужого брать нельзя, что воровать у государства — тоже нельзя, обманывать ближнего — грех. И всё равно воруют, «тащат», грешат.

Особенно трудно, когда перед тобой лежит огромная сумма «чужих денег» и никто ее не проверяет, не пересчитывает. А внутренний лукавый голос без конца шепчет: «ну, возьми!», «ну, возьми!».

Как важно в этом случае твердо помнить мамин урок: «Чужого брать нельзя!!!»

Наступило время директору прощаться с программой, прощаться с Олегом и уезжать в Москву. Все его функции были выполнены: программа работала как часы, долг, который несколько лет не отдавал Хаанс Мартенс, с большим скандалом и с огромным трудом был возвращен. А вот собственные дети директора уже подросли, и требовалось срочное возвращение домой к нормальному обучению. Иначе они так бы и выросли, как все дети зарубежных артистов цирка, «цыганятами» между колесами грузовиков.

Директор пришел к Олегу и сказал ему об этом. Олег очень расстроился. За эти многие годы они привязались друг к другу. У них были добрые, братские отношения.

Сначала он решил, что директор просто хочет увеличить свою зарплату, и предложил:

— Я сейчас пойду к хозяину и потребую, чтобы тебе увеличили зарплату.

— Нет-нет, дело не в зарплате.

— А в чем тогда?

— Дело в том, что дети...

— А, дети, дети.

Олег любил свою дочь, любил внуков, но все тяготы воспитания детей, их взросления всегда ложились на плечи жены. И очень многие вещи в их становлении прошли мимо него. Олег понимал, что мужчина должен

работать, должен работать фанатично, быть добытчиком. А в семье все должно происходить само собой — четко, правильно, автоматически и, желательно, без его участия.

Наступил период прощания после многолетнего сотрудничества.

Много лет назад, когда только начинался этот европейский тур, сумма гонорара была установлена стабильно, в твердой валюте. Но за эти годы произошло много изменений: кто-то из артистов выбывал из программы, кто-то заболел. А четкая сумма гонорара «капала» за каждое представление. Неполученная зарплата собиралась в резерв. Изредка менялись номера, и вместо пяти человек приезжало трое.

Так постепенно сложился финансовый резерв программы. Поскольку директор был честным человеком, он пришел к Олегу, собрал ведущих артистов, Ирбека Кантемирова, Бондарева, дирижера, и сказал:

— Друзья, вот у нас складывается денежный резерв. Мы его держим на случай чрезвычайный. Если вдруг что-то случится, как у нас уже бывало, — это будут деньги, чтобы мы могли уехать, чтобы могли отправить реквизит. Помните, как однажды мы с ужасом осознали, что нам не на что уехать, не на что отправить животных?

Все дружно согласились. Директор назвал точную цифру и объяснил, как она образуется. Все согласились:

— Да, очень хорошо. Пусть будет резерв.

— А когда программа закончится, или закончится работа директора, мы этот резерв разделим поровну между всей программой и раздадим артистам.

И вот наступило время, когда надо было раздавать этот резерв.

С большими приключениями директор уехал в Голландию, где хранились эти деньги, и привез наличными 60 тысяч долларов. Олег в отношении денег был человеком очень щепетильным и очень педантичным. Он не разделял идею директора разделить этот резерв по количеству рабочих дней. Скажем, 60 тысяч стоили примерно шесть рабочих дней. Было решено, что мы раздадим всем артистам и служащим по шесть зарплат за шесть рабочих дней. Олегу тоже причиталась сумма за шесть рабочих дней. Он очень по-доброму относился к директору и понимал, что тот едет в Россию навсегда. Там ему жить будет трудно, и такую зарплату он уже не получит.

Олег увещевал:

— Саша, зачем ты хочешь раздать этот резерв? Ты, наверное, хочешь увидеть благодарные глаза артистов? Ты их не увидишь. Они даже спасибо тебе не скажут. Забери эти деньги себе, они тебе дома пригодятся. Ну,

можешь немножко оставить и мне. Но в основном заberi их себе и поезжай, потрать их только на себя, на своих детей.

Но директор был непреклонен, и они даже немножко поссорились, потому что Олег считал, что директор делает ошибку.

Произошло так, как он и говорил. Артистам объявили, что они могут получить из резерва деньги за шесть рабочих дней. Они приходили, расписывались — ни «спасибо», ни «до свидания», никаких чувств. Ну, получили и получили.

Зато директор испытывал чувство удовлетворения, потому что в нем тоже боролся соблазн — этот резерв был для него как испытание. Так легко было положить эти деньги в карман и приехать домой с дополнительной приличной суммой денег. Но совесть не позволила брать чужое.

Спустя годы, когда Олега просили дать рекомендацию этому директору, он говорил:

— Это прекрасный человек! Представьте, что он даже резервные деньги, которые легко мог положить к себе в карман, раздал всем нам. У него прекрасная душа!

Так происходило расставание. Ранним зимним хмурым утром, когда директор, погрузив все вещи, сaдился в машину, чтобы ехать, он увидел, что возле его кемпинга стоит Олег Попов. Стоит молча. На его глазах были слезы. Постепенно собралась вся программа, и это естественно, после стольких лет совместной работы.

Попрощались, машина поехала. Олег стоял и плакал.

Русский немец

Как все запутано в этой жизни! Мечтаешь жить в Париже, а живешь в Подольске. Хочется посидеть на берегу Гудзона, а оказываешься на берегу Оки. Постоянное несоответствие между тем, что хочешь, и тем, что имеешь.

Но бывает совсем по-другому: живет немолодой русский человек в Германии и, что называется, в ус не дует. И все-то у него есть: дом, деньги, работа, признание, любимая молодая жена, а ему все чего-то недостает.

Помилосердствуйте! Чего же это? Может быть, ему остро не хватает снега зимой? А может, ухи, сваренной в ведре на берегу живописной речки, или жаренной картошки на сале? Ведь сколько ни учи немецкие привычки, немецкие манеры, немецкие слова — все равно в душе остаешься русским. До самого конца.

Поэтому и хранит он в особой коробочке рядом со счетами солидных банков свой потрепанный, бордовый советский паспорт.

Постепенно за несколько лет напряженной работы у Олега сложилась приличная сумма денег. Габи предложила ему сделать очень хорошую инвестицию — построить рядом, в Эглофштайне, в маленьком городке в регионе Нюрнберга, дом. Она нашла возможность сделать это за весьма небольшую сумму. В Германии всегда строят достойные дома. Дом должен быть двухэтажным, с подвалом, с кондиционером, с канализацией, с холодной и горячей водой, как положено в цивилизованном мире. Несмотря на то, что это маленький поселок, даже деревня, но все дома в нем построены на высшем уровне.

Олег согласился. И Габи начала искать архитектора, который сделает проект дома. Она представляла новый дом Олега Попова как эксклюзивный артефакт, поэтому и обратилась к одному из лучших архитекторов Германии. Тот прислал проект, по которому дом Олега Попова был сделан в виде кепки. На это, конечно, забавно было смотреть: снаружи конструкция клетчатой кепки, а внутри трехэтажный дом.

Олег категорически забраковал эту идею. Он не любил пижонства, не любил «понтов», не любил выворачивать свою жизнь напоказ. Ему нужен был скромный дом, в котором бы он отдыхал и который бы не бросался никому в глаза. Дом «внутри глазами».

Они с Габи остановились на самом скромном проекте и построили

обычный двухэтажный дом, только по очень странному проекту.

Первый этаж был очень высокий. И в нем находились главные комнаты Олега: его костюмерная, мастерская, где стояли станки. Там же было помещение, где хранились его афиши, программки и инструменты, с помощью которых он создавал цирковой реквизит. Огромная комната была предназначена под кладовую, поскольку за годы «плодотворных» визитов на «фломаркты» у Олега собралось огромное количество одежды: брюк, пиджаков, плащей, ботинок — то, что он покупал впрок и никогда не носил. Но выбрасывать это он никому не позволял. Габи решила, что весь этот скарб они разместят в этой части дома, а на втором этаже будет маленькая спальня, где можно попить чай, посмотреть телевизор.

Дом получился очень теплым, поэтому Олег сразу полюбил его. Он врос «корнями» в Германию, он любил Германию. Ему нравился талантливый, рукодельный немецкий народ. Нравилось, как они живут и как работают. Всегда повторял:

— Смотрите, вот плинтус гостиницы! Ты не найдешь в нем ни одного шурупа. Они сделали его не просто прочно, они скрыли, как это держится, как это сделано. У немцев руки точно «золотые».

Прежде всего ему нравилось, что в Германии сытно. Ему нравился тот культ еды, который существует там. Он обожал баварские сосиски, ему нравился «Eisbein». «Айсбайн» — это знаменитое немецкое блюдо: соленая капуста с копченой свиной. Иногда он любил выпить стакан темного пива, не более того, но особенно в этом процессе ему нравились соленые булочки.

Ему импонировал быт и стиль жизни в Германии. Он понимал, что в России жизнь совсем другая, всегда немного с дефицитом самого необходимого. Не такая сытая, праздничная и достойная.

Он любил Германию, но все-таки продолжал оставаться русским. И поэтому вокруг своего немецкого дома он устроил цирковую арену. Поставил барьер по кругу, сделал небольшой 9-метровый манеж, который напоминал ему о цирке. Во время перерывов между гастролями он выходил на этот манеж и дрессировал там своих черных собак.

Друзья из России прислали ему черных шотландских терьеров, собак той же породы, что и собачки Карандаша. Олег даже в этом продолжал традицию клоуна, которого очень любил и уважал. Он принял в свою клоунскую команду этих собак и стал с ними работать.

Хозяева цирка голландцы, которые очень плохо платили, находились в постоянных долгах перед артистами. Постепенно у них появилось желание освободиться от огромной дорожной программы, оставив только Олега

Попова и Габи. Они хотели набрать недорогую программу и продолжать коммерчески пользоваться великим именем, которое абсолютно случайно на долгие годы попало к ним в руки.

Габи дружила со многими артистами и их женами в программе. И когда они говорили: «Мы давно живем здесь в Германии», — она всегда усмехалась и отвечала:

— Вы не живете в Германии, у вас здесь чисто русская популяция, вы все эти годы живете в России. У вас здесь работают русские законы, русские отношения, русская программа, русский цирк, оркестр, свет, звук. Вы только иногда выходите в город, в немецкие магазины, в немецкие кафе, но проживаете на самом деле вы всё это время у себя в России.

Это прежде всего касалось самого Олега.

Уже позднее, когда программа перестала ездить с Хаансом Мартенсом, Олег работал вместе с Габи и Владимиром Фесенко в международных программах. Там уже Габи исполняла роль его продюсера. Она следила за регулярностью оплаты, за правильностью постановки реприз, поскольку это была уже не русская программа.

Олег не очень хорошо знал иностранные языки. Поэтому Габи брала на себя еще и функции переводчика.

Олег всегда оставался русским. Парадокс: проживая вдалеке от родины, он оставался сугубо русским человеком.

Однажды к ним домой позвонил канцлер Коль и предложил Олегу Попову немецкое гражданство. Он сказал:

— Если господин Попов захочет стать гражданином Германии, наша страна почтет великой честью принять великого артиста.

Однако Олег отказался. И до конца жизни носил в кармане старый, еще советский паспорт. Он оставался гражданином своей страны. Хотя у него было много обид, в основном на руководителей.

Он не понимал, почему он, народный артист СССР, обладатель ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, самый популярный клоун в мире, самый популярный российский артист за рубежом — получает пенсию в две тысячи рублей в месяц. При том что имя Олега Попова знал весь мир.

Когда его спрашивали, почему он не возвращается в Россию, он отвечал:

— А как я там буду жить на такую пенсию? Вы хотите, чтобы я на старости лет жонглировал в переходе метро?

Он с возмущением смотрел репортажи европейских телеканалов о России, в которых показывались документальные кадры, как пенсионеры

питаются с помойки.

Одной из его проблем было то, что он постоянно смотрел западное телевидение о жизни в России. Порой его это «зомбировало». Ведь немецкое телевидение частенько выступало как кривое зеркало.

В 90-е по телевидению ежедневно показывали убийства, расстрелы, нищету в России. Все это, конечно, было правдой. Но было ведь не только это. А ничего другого из России не показывали.

Олег видел, что над родиной плывет одна сплошная черная полоса. На просьбы и приглашения друзей приехать и поработать дома он всегда отвечал:

— Меня там сразу убьют и отберут последние деньги.

— Олег, да какие там у вас деньги? Здесь богатые люди в отпуск берут больше денег, чем вы имеете!

Но он не соглашался ни на какие, даже самые выгодные предложения. Ехать боялся, но Россию любил. Всегда оставался русским и говорил всю жизнь только по-русски.

Его отношение к России было очень искренним. Когда близкие друзья спрашивали, тоскует ли он по родине, он отвечал:

— Друзей у меня там уже нет — все поумирали. На родину тянут только могила Сани и снег. Скучаю без снега.

Бликих друзей, приезжавших из России, всегда просил — привезите открытки со снегом, пожалуйста! Так соскучился по снегу.

В Германии собралось довольно большое количество артистов, которые работали на длительных контрактах в зарубежных цирках, работали так же, как и он, — бесконечно.

Важно заметить, что Олег все эти годы не просто находился за рубежом. Он все эти двадцать с лишним лет постоянно пребывал на долговременном гастрольном контракте, который не мог прервать. Он заканчивал в одном цирке, подписывал следующий контракт и работал дальше. Для него жизнь без работы, без цирка — была немыслима. Практически у него никогда не было никаких отпусков — он в них не нуждался. В России такую бесперебойную работу, да еще с достойной зарплатой, конечно, ему обеспечить тогда не смогли бы.

Он постоянно общался с артистами, которые долго работали за рубежом. Евгений Шмарловский был на контракте «Цирка Ронкалли» двадцать пять лет. Он очень часто приезжал к Попову, они встречались, общались. Слава Полунин много раз приезжал к нему в гости. Они дружили, ходили в кафешки, ели сосиски, пили пиво, смеялись, разыгрывали друг друга. Клоуны есть клоуны. Клоун Андрей Жигалов,

который с огромным успехом уже пятнадцать лет работает в Париже со своей знаменитой репризой «Конфетка», стал близким другом Олега. Он сочиняет песни. Несколько песен посвятил Олегу Попову. Все они наполнены искренним уважением.

Знаменитый клоун Юрий Косинцев, ставший потрясающим цирковым поэтом, очень крепко подружился с Олегом и сочинил в его честь много стихов. Забавная, всеми любимая клоунесса Антошка, работающая в образе рыженького мальчишки («Антошка, Антошка, пойдем копать картошку»), выступала с Олегом в одной программе. Она тоже подружилась с «Солнечным клоуном».

Олег принимал у себя всех русских артистов. И знаменитого иллюзиониста Воронцова, который долго работал в Европе и был одним из основателей легендарного Диннер-шоу. Они встречались тепло, весело. И всегда эти встречи приносили всем им и Олегу только радость.

Последний сон

Когда Господь любит человека, он дает ему легкий уход. Без страданий, без неизлечимых болезней, без мучительных хлопот и забот вокруг больного.

Лучшая смерть — во сне. Уснул человек, и перед ним открылась дверь в неизвестность. Уснул — и ушел в Вечность.

За год до семидесятилетия Олега, в 1999 году, один из ведущих продюсеров Первого канала обратился с просьбой подготовить в рамках юбилея большой тур Олега Попова по всей стране. Вместе с директором Олега Попова они работали несколько месяцев и разработали следующую программу: Олег Попов приедет и отработает в Москве. И после этого он отправится во всероссийский тур. Маршрут будет проходить по всем циркам страны, в которых имеются полноценные программы и, конечно, клоуны. По договоренности со всеми клоунами Олег Попов должен был заменить их на два дня в неделю — субботу и воскресенье в каждой цирковой программе от Владивостока до Калининграда.

Этот тур должен был восстановить в памяти у всей страны имя великого клоуна — его клоунады, его образ, который многие помнили по детской телевизионной передаче «Будильник» или по детским походам в цирк.

Этот проект был поддержан Комитетом по культуре города Москвы. Нашлись инвесторы и спонсоры, которые готовы были оплатить немалые расходы этого большого тура.

Олегу Попову несколько раз предлагали крупные проекты в России. Несколько раз его приглашали на гастроли в Москву. Но разные обстоятельства не позволяли это сделать.

Злопыхатели говорят, что он был падок на деньги. Но это не совсем так. Он был очень разборчив в часто поступавших предложениях.

Однажды ему предложили шестилетний контракт в кабаре «Мулен Руж». Речь шла о колоссальных суммах. В результате шестилетнего контракта он должен был заработать более 20 миллионов долларов. Вдобавок к этому предлагались потрясающие условия жизни. Квартира снималась на Елисейских Полях, персональная машина с водителем, с поваром и многое другое.

Но Олег отказался. Сцена кабаре — это было не для него. А вернуться

в Россию он всегда хотел. Действительно ждал, что его пригласит какой-нибудь очень важный и ответственный человек в стране, потому что он был этого достоин.

Когда началась детальная разработка программы, директор связался с Олегом. Тот сказал, что согласен приехать в Россию и проехать с гастрольями по всем городам страны. Он поставил только одно условие:

— Вы предлагаете мне начать большим гала-спектаклем в «Олимпийском», а я хочу начать свои гастроли там, откуда началась моя творческая деятельность, — в цирке на Цветном бульваре.

Была, как я уже говорил, проделана большая организационная работа, как со стороны Первого канала, так и со стороны организаторов турне. Документы были подписаны Комитетом по культуре Москвы, Министерством культуры, «Аэрофлотом», который обеспечивал перелеты Олега бизнес-классом бесплатно. Многие компании были заинтересованы в возвращении великого артиста.

Дело оставалось за малым. Надо было получить разрешение у директора цирка Максима Никулина. Как уже знает читатель, Юрий Никулин и Олег Попов не были друзьями, но и открытыми врагами они никогда не были. А то, что порой оба в сердцах могли сказать друг о друге, — навсегда оставалось «под замком» в рамках внутренних актерских «посиделок». Хотя изредка очередная грязь «всплывала» на устах нечистоплотных сплетников.

Но младший Никулин категорически отказал. Он сказал, что Олег Попов никогда в этом московском цирке работать не будет! Он не объяснил причину. Вероятно, была какая-то веская причина со стороны семьи, безраздельно владеющей этим цирком.

Рухнул огромный проект. Конечно, была попытка позвонить Олегу и сказать, что можно без труда отработать в цирке на проспекте Вернадского. Или все-таки в «Олимпийском». Там мы соберем громадное шоу. Но Олег настаивал на своем единственном условии:

— Я в Москве буду работать только в цирке на Цветном бульваре. Я там начинал, я там родился. Это мой цирк точно так же, как и Юрия Никулина.

Так не состоялись эти большие гастроли в честь его 70-летия. Надо сказать, что Габи провела в Германии очень хороший праздник. Были поздравления, подарки, приезжали известные артисты. Олега знают и любят во всем мире. Но в России тогда, в 2000 году, провести это мероприятие не удалось.

Через десять лет директор Олега Попова стал генеральным

директором Российской государственной цирковой компании (Росгосцирка). Пришлось обратиться в Администрацию Президента, с тем чтобы уж к восьмидесятилетию «Солнечному клоуну» установили высокую пенсию.

К счастью, такое решение было принято. Ему была установлена пенсия на уровне генеральской. Конечно, для Германии это была не ахти какая высокая сумма, но тем не менее было важно, что такое решение было принято и пенсия была установлена. Там же, в Администрации, поинтересовались, едет ли генеральный директор в Германию поздравлять Олега:

— Вы знаете, здесь такая ситуация. Пять лет назад, к 75-летию, Олегу Попову был присвоен президентом орден Дружбы. Но поскольку Попова нет в России, то орден так и лежит у нас в Администрации. Не могли бы вы, по нашему поручению, вручить этот орден?

Да, тогда на 80-летие в Нюрнберг, где Олег праздновал свой юбилей, приехала большая группа из России. Приехали его друзья, директора цирков, приехали журналисты. Олег никогда не любил шика. А здесь оказалось, что в Нюрнберге его новые друзья-эмигранты имеют кафе в русском стиле. Они и предложили Олегу провести юбилей в этом кафе, с тем чтобы через средства массовой информации, которые широко разрекламировали юбилей, о их кафе стало известно. Олег согласился. И 31 июля 2010 года к русскому кафе Нюрнберга на огромной черной машине подъехал Олег. На машине было два флага — Германии и России. Его встречало множество друзей, в том числе приехавших из России, артисты, живущие и работающие в Германии.

На юбилей прибыл и посол Российской Федерации. Он передал поздравления от президента и премьер-министра России.

На этом же юбилее Олегу был вручен орден Дружбы, которым он был награжден Президентом РФ к своему 75-летию.

Была также специальная грамота, в которой было сказано, что высшая пенсия, которая существует на тот момент в Российской Федерации, назначается Олегу Попову.

Надо сказать, что Олег был впечатлен этими знаками внимания. Понятно, что ни орден, ни пенсия уже не играли никакой роли в его жизни. Но внимание, пусть запоздалое, все-таки проявлено! Ему это было очень приятно. Он ведь хорошо знал, что им сделано немало для величия своей Родины, для того, чтобы в день его рождения Родина вспомнила о нем.

В тот юбилейный вечер Олег был в особенно приподнятом настроении.

Вопросы следовали за вопросами.

— Олег, а со сколькими королями вы встречались или сидели за столом?

— Да что, я их считал? Со многими, очень многими!

— Я нашел в вашей биографии, что вы дважды встречались с королевой Голландии Беатрикс и один раз с Юлианой. Была встреча с королем Испании Хуаном Карлосом, с королевой Великобритании Елизаветой Второй. Практически со всеми действующими монархами Европы. Среди них — князь Андорры и князь Монако, папа римский, князь Лихтенштейна и герцог Люксембурга.

— Были ли у вас встречи с арабскими шейхами и султанами?

— Да, виделся с султанами во время гастролей по арабским странам.

— А в Африке?

— Нет, в Африке я не работал.

— А скажите, встреча с кем из монархов, кроме бельгийской королевы, которая вас «открыла» для всего мира, запомнилась вам ярче других?

— Очень впечатлила меня встреча с императором Японии. А еще в городе Пфорцхайм к нам на представление пришел наследник кайзера Вильгельма Второго. Он большой специалист в искусстве, просил называть его просто «капитан», так как большую часть времени проводит на яхте. Он остался после представления, и мы с ним проговорили в цирке почти всю ночь.

— Вы дружили с известными артистами, художниками?

— Да, меня связывала многолетняя дружба с Ильей Глазуновым. Там же у него я познакомился с югославским певцом Джордже Марьяновичем. Наша дружба также продолжалась не один день. В Нью-Йорке к нам на представление приходил Фрэнк Синатра, а в оркестре играл Оскар Питерсон. На приемах в Европе встречался со многими голливудскими звездами. Хорошо помню наши встречи с Джиной Лоллобриджидой и Софи Лорен.

Да мало ли! За шестьдесят лет гастролей я, конечно, встречал множество знаменитых людей. Но одну встречу не забуду никогда.

— Наверное, это была встреча с вашим кумиром Чарли Чаплином?

— Да. Это было в шестидесятые. Во время наших гастролей в Италии мы были на экскурсии в Венеции. Там совершенно случайно встретили Чаплина. Меня представили ему, и мы почти тридцать минут с ним разговаривали, не понимая ни одного слова. На нем была шляпа венецианских гондольеров, он снял ее и показал мне несколько клоунских трюков со шляпой. Я тоже взял эту шляпу и показал ему несколько своих

трюков — он смеялся. Я был уверен, что он забыл об этой встрече. Но через много лет ко мне обратился его сын Евгений Чаплин и попросил возглавить жюри фестиваля комедийных фильмов в швейцарском городе Веве. Там недалеко располагался дом великого артиста, где он провел последние годы.

Мы подружились с Евгением, и он, к моему изумлению, сказал, что отец долго помнил о нашей встрече. Вообще тот фестиваль был организован блестяще. Я жил в лучшей гостинице города, а кинозал, где заседали жюри, находился через дорогу. Я пытался ходить пешком, но Евгений категорически это запрещал, и каждое утро к подъезду гостиницы подавался роскошный «роллс-ройс».

За жизнь, помимо миллионов зрителей по всему миру, были тысячи встреч с великими и просто хорошими людьми. Некоторые из них становились моими друзьями. Цирк дал мне такую возможность...

А еще через пять лет Олег отмечал свое 85-летие в Эглофштайне. В том самом, ставшем ему родным городке, в котором живет до сих пор Габи и в котором стоит и его дом.

Олег поставил условие: все прибывающие гости должны быть в красных носках. Собралось очень много народу. Приехал клоун Андрей Жигалов, ведущий Александр Фриш, приехал Слава Полунин. Приехало очень много цирковых артистов, работающих в Германии. Приехал туда и новый генеральный директор Росгосцирка. С поздравлениями прибыли врачи Олега. И все до единого, даже женщины, были в красных носках.

Оказалось, что в этом городке, где жили Олег и Габи, была очень приличная гостиница, а в ней — симпатичный ресторан баварской кухни. Там в режиссуре Габи и прошел этот замечательный праздник. Было очень весело. Исполнялись песни в честь Олега Попова. Самые яркие люди — продюсеры, артисты, друзья, соседи, знакомые — произносили тосты, читали стихи.

Директор привез Олегу важный подарок. Он собрал практически все фотографии Олега, которые были напечатаны в Советском Союзе. А к ним и всю документальную хронику, которая хранилась в архиве Гостелерадио и в Красногорске.

Они встретились за день до юбилея, посидели в кафе. Олег, как замороженный, несколько часов подряд смотрел эту хронику. Непонятно, какие мысли к нему приходили, когда перед глазами проходили документальные кадры 50-х, 60-х, 70-х, 80-х и 90-х годов. Хроника почти за пятьдесят лет — этот подарок стал очень важным для Олега. Он получил документальное подтверждение всей своей «волшебной» жизни. Это были

срезы важнейших эпизодов его творческой судьбы. Конечно, больше всего он добивался успеха за рубежом. А здесь было то, что зафиксировано в Советском Союзе, на его родине. Он смотрел, и чувство гордости за самого себя просыпалось у него в тот вечер.

Так прошел юбилей. На юбилее присутствовали врачи. Оказывается, что, никому не говоря, Габи провела Олегу несколько операций. Одна из них была на глазах, потому что у Олега образовалась катаракта. А вторая — на сердце.

Во время юбилея с Олегом говорили представители Росгосцирка. И им каким-то образом удалось уговорить его приехать в Россию.

Вряд ли дело было в деньгах. Ведь Олегу и на 70-летие предлагали огромные гонорары, но тогда не договорились. Понятно, что не последнюю роль в этом согласии сыграла Габи. Ей очень хотелось подарить своему мужу радость общения с его родным зрителем. Габи всячески содействовала этим гастролям, и они состоялись.

В 2016 году руководство Росгосцирка проводило в городе Сочи фестиваль «Мастер». Это был странный фестиваль, построенный на договоренности с Министерством культуры о выделении крупных сумм. Эти деньги были определенным образом освоены. Чтобы подтвердить значимость своего фестиваля, организаторы решили пригласить Олега Попова.

Олег прилетел в Россию после двадцати шести лет отсутствия. Он давал интервью повсюду — в аэропорту, в гостинице. А в цирке его ждал долгожданный триумф на глазах у многочисленной публики.

Олег был потрясен тем, что его помнят и любят. Зал был в восторге от того, что на манеже появился «Солнечный клоун». Он подошел к микрофону, начал что-то говорить и зарыдал. Слезы у Олега всегда были близко, но в этот раз он рыдал, как ребенок. Он радовался тому, что вернулся на родину. Он понимал, что здесь его место, здесь его цирк, здесь его манеж, здесь нужно его искусство.

После участия в фестивале «Мастер» Олег прилетел в Москву и выступил на программе Малахова на телевидении. Там он отвечал на разные вопросы, в том числе и каверзные, отвечал довольно легко. А после этого началось то, чего он, видимо, много лет ждал. Началось турне по всей России. Первым городом, в котором Олег должен был работать, стал Санкт-Петербург. Старейший цирк в России, цирк Чинизелли.

Организаторы собрали очень сильную программу. В ней участвовали практически все лучшие номера современного российского цирка. Олег работал в этой программе и был абсолютно счастлив. Он радовался тому,

что его репризы очень успешно проходят у российского зрителя. Он радовался аншлагам. Он радовался общению с великолепным городом.

Габи с восхищением гуляла по Петербургу и говорила, что этот город ей очень нравится. Там же Олег встретился со своим единственным учеником — Владимиром Дерябкиным, который создал единственный в России Музей граммофонов. Там, у Владимира Дерябкина, они слушали старые пластинки, вспоминали годы совместной работы. Олег восхищался этой действительно необыкновенной коллекцией.

Вечерами Олег с друзьями частенько ужинал в ресторанчике недалеко от цирка. Там вокруг него собирались большие группы поклонников. Душевная гармония возвратилась в жизнь Олега Попова. Петербург принес ему радость и удовольствие.

Следующим городом гастролей был Саратов. Потом Ростов-на-Дону. И там, и там Олега тоже ждал триумф. Он не мог понять, откуда так много людей его знают. Он повторял: «Я работал в Ростове последний раз сорок лет назад. Детям, которые были у меня на представлении, сегодня по пятьдесят».

Но его знали и любили. Олег ходил по улицам Ростова, и его узнавали. Так наступил последний день его жизни. Это был выходной день — цирк в этот день не работал. И Олег, конечно, отправился на ростовский рынок. Он пришел туда вместе со своим другом Владимиром Фесенко.

Олег, как в детстве, гулял по этому рынку, наслаждаясь рыбами, раками и замечательными натуральными продуктами. И вдруг его начали узнавать. Рынок мгновенно прекратил работу. Продавцы пошли к нему со своими товарами. Ему несли помидоры, чеснок, раков. Его угощали. Олег был на вершине блаженства. Тот самый рынок, который всегда, с одиннадцатилетнего возраста, был для него символом счастья, тот самый рынок встретил его бурей оваций. Его обнимали, у него просили автографы, наливали ему глоточек вина.

Умиротворенный, счастливый Олег вместе с Владимиром Фесенко вернулся в цирк. Там они поужинали. Габи отправилась в гостиницу, а Олег решил еще немного посидеть в цирковом номере. Он сел у телевизора. В соседней комнате отдыхал его многолетний партнер. Дверь была открыта. Олег посмотрел новости. Вскричал:

— Володя, смотри, вот твоя Украина, опять Украина!

Потом тихонечко заснул. Оказалось, что он заснул навсегда. Так умирают люди, которых поцеловал Бог.

В России, в здании цирка, на 87-м году жизни ушел счастливый, умиротворенный, вернувшийся на родину великий русский клоун, Чарли

Чаплин наших дней, Олег Константинович Попов.

Один известный голландский художник как-то сказал: «На Западе все знают только три русских имени: Гагарин, Калашников и Попов».

Основные даты жизни Олега Попова

- 1930, 31 июля — рождение.
- 1937 — арест отца.
- 1943 — ученик слесаря на комбинате «Правда».
- 1944 — поступил в Государственное училище циркового искусства (ГУЦИ).
- 1950 — начало работы артистом в Тбилиси.
- 1951–1952 — гастроли с номером в Баку, Ереване, Тбилиси, Грозном.
- 1952 — женитьба на Александре Ильиничне Рыславской.
- 1953 — рождение дочери Ольги.
- Начало работы клоуном в Саратове.
- Участие в легендарном фильме «Арена смелых».
- 1954 — гастроли в Риге.
- 1956 — первые гастроли советского цирка за рубежом. Брюссель, Лондон.
- Звание заслуженного артиста РСФСР.
- 1957 — Золотая медаль Всемирного фестиваля молодежи в Москве.
- Золотая медаль Всемирного фестиваля молодежи в Варшаве.
- 1958 — звание народного артиста РСФСР.
- 1961 — гастроли в США и на Кубе.
- 1963 — гастроли в Австралии.
- 1964 — начал регулярно сниматься в передаче «Голубой огонек».
- 1965 — клоунский спектакль «Лечение смехом».
- 1966 — гастроли в Японии.
- 1968 — гастроли в ФРГ.
- 1969 — звание народного артиста СССР.
- 1970–1971 — годовые гастроли в Латинской Америке.
- 1973 — гастроли в США.
- 1975 — режиссер спектакля «Цирковое лото» в Большом Московском цирке.
- 1976 — советско-румынский фильм-мюзикл «Мама». Роль Медведя.
- Фильм-мюзикл «Синяя птица», США.
- 1977 — гастроли в Испании и Португалии.
- 1979 — телевизионный фильм-концерт «Солнце в авоське».
- 1980 — награжден орденом Ленина.
- Гастроли в Югославии.

- 1981 — «Золотой клоун» — Гран-при в Монте-Карло.
- 1982 — регулярные съемки в детской передаче «Будильник» Центрального телевидения.
- 1985 — член жюри фестиваля комедийных фильмов имени Чарли Чаплина в Веве (Швейцария).
- 1987 — гастроли в Австралии.
- 1988 — гастроли в ФРГ.
- 1990 — юбилейный концерт в честь 60-летия в Большом Московском цирке.
- 1990–1999 — «Цирковая карусель» — многолетний европейский тур Российского государственного цирка.
- 1992 — женитьба на Габриэль Леман.
- 2000 — юбилейное шоу в связи с 70-летием на телеканале ZDF в ФРГ.
- 2010 — юбилейный концерт в честь 80-летия в Нюрнберге. Почетная грамота Президента РФ.
- 2012 — Weihnachtscircus Heilbron Circus Charles Knie (Рождественский цирк. Хальброн. Цирк Шарля Кни).
- Член жюри Международного фестиваля цирка в Ухане, КНР.
- 2013 — Weihnachtscircus Bonn (Рождественский цирк. Бонн).
- 2014 — Lachen-Machen — Die Könige der CLOWNS ZDF TV («Делаем Смех — Короли КЛОУНОВ»). Программа на Центральном телевизионном канале в Германии.
- Операция на сердце в Нюрнберге.
- 2015 — возвращение в Россию. Фестиваль «Мастер» в Сочи. Член жюри.
- 2016 — выступления в Санкт-Петербурге, Саратове, Ростове.
- 2 ноября — Олег Попов умер в гостинице Ростовского цирка.

Краткая библиография

- Альперов Д. На арене старого цирка. Записки клоуна. М., 1936.
- Ангарский В. М., Викторов А. В. Олег Попов. М.: Искусство, 1964.
- Буренина-Петрова О. Цирк в пространстве культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Дмитриев Ю. Братья Дуровы. М.; Л., 1945.
- Дмитриев Ю. Виталий Лазаренко. М.; Л., 1946.
- Дмитриев Ю. Искусство цирка. М., 1964.
- Дмитриев Ю. Прекрасное искусство цирка. М., 1996.
- Дмитриев Ю. Русский цирк. М., 1953.
- Дмитриев Ю. Советский цирк сегодня. М., 1968.
- Дмитриев Ю. Советский цирк. М., 1963.
- Дмитриев Ю. Цирк в России во все времена. М., 2003.
- Дмитриев Ю. Цирк в России: От истоков до 1917 года. М.: Искусство, 1977.
- Дмитриев Ю. Я жил тогда... М., 1995.
- Макаров С. М. Искусство клоунады в СССР. М.: Либроком, 2010.
- Макаров С. М. Китайская премудрость русского цирка. Взаимовлияние китайского и русского цирка. М.: Красанд, 2009.
- Макаров С. М. Клоунада мирового цирка: История и репертуар. М.: РОССПЭН, 2001.
- Макаров С. М. От старинных развлечений к зрелищным искусствам. В дебрях позорищ, потех и развлечений. М.: Либроком, 2011.
- Макаров С. М. Театрализация цирка. М.: Либроком, 2020.
- Макаров С. М. Шаманы, Масоны, Цирк. Сакральные истоки циркового искусства. М.: КомКнига, 2006.
- Мир цирка. Энциклопедия для детей и родителей. Т. 1. Клоуны. М., 1995.
- Плучс К. «Белый клоун». Воспоминание о цирке. Рига, 1963.
- Радунский И. С. Записки старого клоуна / Под ред. Ю. А. Дмитриева. М.: Искусство, 1954.
- Раззаков Ф. И. Самый добрый клоун: Юрий Никулин и другие... М., 2012.
- Росин А. Волшебный круг манежа. Очерки о цирке. Минск: Полымя, 1985.
- Росин А. Клоун без грима / Библиотека журнала «Флорида», 2012. Гл.

4. Олег Попов.

Славский Р. С манежа на экран. Брошюра о киноартистах, пришедших в кино из цирка. М., 1969.

Славский Р. Советский цирк. М., 1959.

Славский Р. Советский цирк в годы войны. М., 1975.

Славский Р. Цирк глазами кино. М., 2002.

Славский Р. Цирк нашего двора. М., 1961.

Славский Р. Цирковая энциклопедия. 2-е изд. М., 1979.

Старобинский Ж. Портрет художника в образе паяца // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 2. М.: Эксмо, 2012.

Успенский Э. «Школа клоунов». М., 1988.

Kats A. Sonnenclown Iwanuschka: Oleg-Popov-Karikaturen. Engelsdorfer Verlag, 2014.

Oleg Popow / Melle van der Velde: Popov — Mijn Leven Als Clown. Lannoo Uitgeverij, 2006.

Oleg Popow: Ma vie de Clown. Stock, 1968.

Oleg Popow: Russian Clown. Macdonald, 1970.

Pietrula H.-J. Manege frei: 1998. Hommage an Oleg Popov. Ruck, 1997.

Фильмография

- 1953 — Арена смелых.
- 1959 — Потерянная фотография — клоун Олег Попов (камео).
- 1959 — Косолапый друг — Женя, молодой клоун.
- 1960 — Новоселье Олега Попова (короткометражный) — главная роль.
- 1962 — Вечер в Москве (короткометражный) — главная роль.
- 1964 — Голубой огонек-1964 (музыкальный фильм) — клоун Олег Попов (камео).
- 1966 — Последний жулик — клоун Олег Попов (камео).
- 1966 — Рыцарь без доспехов — приятель.
- 1967 — Пополам (музыкальный фильм) — клоун Олег Попов (камео).
- 1967 — Самая высокая (музыкальный фильм) — клоун Олег Попов (камео).
- 1968 — В гостях у московской милиции (музыкальный фильм) — клоун Олег Попов (камео).
- 1968 — Полчаса на чудеса (киноальманах) — дядя Маляр.
- 1969 — Парад-алле (фильм-концерт) (реприза «Повар») — клоун Олег Попов (камео).
- 1969 — Похищение — клоун Олег Попов (камео).
- 1970 — Представление начинается! (короткометражный).
- 1970 — Приключения желтого чемоданчика — клоун Олег Попов (камео).
- 1971 — Тримпу в цирке (мультипликационный) — клоун.
- 1972 — Карнавал — главный клоун.
- 1976 — Веселое сновидение, или Смех и слезы — маг Универ.
- 1976 — Мама — Медведь.
- 1976 — Синяя птица — клоун.
- 1978 — «Ералаш» (киножурнал) (сюжет «Царевна-несмеяна») — клоун Олег Попов (камео).
- 1979 — Солнце в авоське (фильм-концерт) — клоун Олег Попов (камео).
- 1986 — Что такое «Ералаш»? (музыкальный фильм) («Песенка о гриме») — клоун Олег Попов (камео).
- 1987 — Посторонним вход разрешен — клоун Олег Попов (камео).

Документалистика

1966 — В городе клоун. Олег Попов в Ленинграде. Из документального цикла «Великие клоуны», реж. Л. Дербышева. Студия ЦСДФ (РЦСДФ). При участии «Совэкспортфильм».

1967 — документальный фильм «День цирка на ВДНХ».

2003 — документальный фильм «Клоуны — Короли смеха. Олег Попов». Кинофабрика Д. Харитонов, реж. В. Голувинов.

2013 — документальный фильм «Смешная жизнь» Олега Попова. Кинокомпания «Студия „Пассажир“», реж. А. Анненский.

2015 — Свидание с Олегом Поповым. Документальный фильм. ООО «Студия Телеостров», реж. В. Голувинов. ГТРК.

2015 — документальный фильм «Я жив!». Телекомпания «Останкино», реж. Е. Наседкина.

2015 — телевизионная передача «Легенды цирка. Олег Попов». Телеканал «ЗВЕЗДА».

Сайт «В мире цирка и эстрады».

Над книгой работали

16+

Редактор *А. А. Юрьев*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *И. В. Абрамова, Т. И. Маляренко*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022